

Равиль Адельшинов

**НЕ ЗАБУДЬ
ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ**

Симферополь
2020

УДК 82

ББК 84(2Рос=Рус)

Одобрено Издательским советом, выпущено при поддержке Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым за счет средств бюджета Республики Крым, не подлежит коммерческому распространению.

Адельшинов Равиль Галимович

A29 Не забудь вернуться домой. — Симферополь, 2020. — 192 стр.

Повесть Равиля Адельшинова «Не забудь вернуться домой» погружает читателя в удивительный и одновременно трагический мир послевоенной эпохи.

Герои повести — беспризорники и детдомовцы, мальчишки и девчонки, у которых отняли детство, но не отняли мечту и веру в настоящую дружбу, любовь, верность, в жизнь... Жизнь, за которую они цепляются всеми силами, вгрызаются зубами и отвоёвывают её у холода, голода, одиночества и смерти. Эти дети остаются людьми, и именно они поднимают свою Родину из руин, станут её настоящим и будущим.

Александр Кротко — поэт, прозаик

ISBN 978-5-6042810-8-6

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6042810-8-6

© Адельшинов Р. Г., 2020

Крымский Мартин Иден

Прошло почти 9 лет, как не стало автора книги «Не забудь вернуться домой», но поднятые в произведениях Равиля Адельшинова (1939-2011) темы не устаревают, потому, что в них затронуты вечные вопросы — добра и зла, выбора и надежды, войны и послевоенного мира.

Равиля Галимовича не зря называют крымским Мартином Иденом: он трижды бежал из детдомов, пытаясь вернуться к матери в Симферополь. Но в Крым попал только в 17 лет. В детстве Равиль не получил систематического образования, однако благодаря личным талантам и целеустремлённости много занимался самообразованием, превосходно разбирался в музыке, литературе и живописи, что позволило ему в дальнейшем не только получить два высших образования, но и стать консультантом по выставкам Крымского отделения Союза художников, почётным ветераном труда Крымского радиотелецентра.

Тяжелая, почти трагическая, но со счастливым концом, отмеряна была жизнь Равилю Адельшинову. Послевоенное детство... Судьба мальчика, ставшего после смерти родителей беспризорником. Детский дом. Новые верные друзья. Это было в книге. Это было в жизни. Равиль Галимович писал о своем детстве в детдомах, куда он попал после того, как отец погиб на фронте (имя его отца — Галима Адельшинова вписано в «Книгу памяти Республики Крым»). Эти трагические страницы вошли в книгу Равиля Адельшинова «Не забудь вернуться домой», вышедшую в издательстве «Таврия», в 1981 году. Равиль Галимович — пример человека, который сделал себя сам. Несмотря на горечь сиротства, он не впал в отчаяние, не остался прозябать на социальном дне. Подобно герою Джека Лондона Мартину Идену, он упорно работал над собой, впитывал знания, накапливая опыт. В новом, послевоенном мире он много учился и работал, освоил профессию телеоператора и двадцать лет проработал на Крымской студии телевидения, со дня ее основа-

ния до 1981 года (в 1979 году ему присвоили звание «Ветеран труда»). Равиль Галимович окончил исторический факультет СГУ им. М. Фрунзе, стал не только писателем, членом Союза русских, украинских и белорусских писателей АРК, но и много лет проработал консультантом по выставкам в Крымском Доме художника, вместе с председателем Союза художников Леонидом Лабенком стоял у истоков его создания.

Равиль Адельшинов владел многими знаниями на уровне профессионала: не только глубоко понимал и чувствовал литературу, музыку, но и прекрасно разбирался в живописи. Своими талантами он щедро делился со всеми. С детства познавший цену дружбы, как высшую степень человеческих взаимоотношений, Равиль Адельшинов был открыт для друзей и коллег. Мне самому не довелось встретиться с Равилем Адельшиновым, но, прочтя его повесть «Не забудь вернуться домой», я словно окунулся в далёкое, тяжелое, но славное время, когда был жив и мой отец, и его друзья, такие же мальчишки как Равиль, утершие слёзы безотцовщины, твёрдо становившиеся на ноги, чтобы, подобно атлантам, держать на своих крепких руках поднимающуюся из послевоенных руин страну. Я был потрясен многогранностью личности Равиля Галимовича. Был удивлен, что человек такого масштаба не известен широкой публике. Настало время переиздать его книги. Ведь жизнь Равиля Адельшинова — это доказательство того, что человек, не имевший детства, может подняться над обстоятельствами, победить и сделать нечто значительное для общества, в том числе - написать замечательные произведения, которые могут служить примером для многих поколений.

*Алексей Васильев,
член Союза журналистов России,
лауреат конкурсов «Серебряное перо» 2011, 2013,
лауреат Всероссийского конкурса
ОНФ «Правда и справедливость» 2016*

«Писателем он был очень пытливым»

Когда Равиль Адельшинов, Виля, как мы его называли, написал свою книгу о детдомовских детях «Не забудь вернуться домой», я прочитала ее за одну ночь, я просто не спала. А утром пришла на работу, в Союз художников Крыма, где Виля работал в то время консультантом по выставкам, и сказала ему: «Виля! Ты – талант». За несколько лет до него на эту же тему написал свою книгу Анатолий Приставкин. По моему мнению, Вилина вещь острее и талантливее. Просто Виля опубликовался позже, поэтому не получил такой известности, но его повесть была сильнее. В ней он рассказал пронзительную историю мытарств и скитаний мальчишек, которых осиротила война, не сломавшихся в голодные послевоенные годы. Главный герой повести — Борис Алешин после долгих месяцев беспризорничества, попадает в детский дом и находит там верных друзей, обретая новую семью.

Писателем он был очень пытливым. Если какой-то темой увлекался, то копал столько материала! Он сидел в библиотеках, в архивах. В этом смысле я его очень уважаю как профессионала. Хотя, естественно, присутствовала его творческая фантазия, но я помню, сколько он перелопачивал литературы по теме, которая его волновала, и как он к этому серьезно относился. То есть в нем были те качества, которые в человеке очень достойны.

*Людмила Ширяева,
искусствовед,
член Союза художников России с 1987 года,
член международной ассоциации искусствоведов (АИС)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Вагон был почти пустой, но дальше тамбура небритый проводник нас не пустил.

— Нечего-нечего... — буркнул он, — дорога недолгая.

— Опять двадцать пять, — вздохнул эвакуатор, полный, тяжело дышавший дядька с брезентовым планшетом. — Садитесь, ребята, на пол, в ногах правды не найдешь,

На мне были чистые брюки, белая рубашка и почти новые сандалии. Эту одежду я надевал раньше только по праздникам.

— Чего стоишь, пацан? — улыбнулся мне эвакуатор. — Не жалея робу, в детприемнике казенную получишь.

Я присел на корточки.

— А мне говорили, что детприемник переполнен и нас туда не примут, — сказал тоненький мальчик в заплатанной солдатской гимнастерке.

— Больше тебе ничего не говорили? — сердитым голосом спросил эвакуатор. — Пусть только попробуют не принять!...

Мальчик съезжился.

— Дядечка, не бейте меня, я больше не буду, — проговорил он плаксивой скороговоркой.

— Да чего ты, голова садовая, чего ты?!.. Никто тебя пальцем не тронет!..

Нас было немного: шесть человек. Кажется, мои одногодки — я был не выше и не ниже других. Вместе нас собрали за час до отхода поезда.

На вокзал меня привела Нина Гавриловна — до войны она дружила с моей мамой. После того, как мама умерла, Нина Гавриловна часто бывала у нас. И даже в самое голодное время приносила мне в день рождения маленький кулек розовых подушечек.

В прошлом месяце тетя Таня отвела меня к Нине Гавриловне. Я прожил у нее двадцать дней и подружился наконец с ее старшим сыном — Костей. В школе мы учились в разных смежах и почти не видели друг друга. Костя слыл двоечником, в этом году его чуть не оставили на второй год. Зато дома он был как взрослый. Я тоже не белоручка, всегда помогал тете, зимой с ней даже дрова пилил. Но до Кости мне далеко. Он и посуду мыл, и полы подметал, и за хлебом в очередях стоял. А кроме того, за младшей сестренкой ухаживал — у нее из-за ревматизма больные ноги, и она почти все время лежит.

Иногда Костя доверял мне читать ей сказки, а сам убегал на базар продавать воду. За кружку — пятак. Он мечтал собрать деньги на такой же бинокль, с которым был сфотографирован на войне его отец.

«На толкучке за двести рублей продавали. А у меня пока всего только двадцать четыре, и маме одиннадцать занял...» — говорил он.

Позавчера к нам пришла тетя Таня, долго шепталась о чем-то с Ниной Гавриловной, а потом мы пошли в город. Посмотрели кино, ели в горсаду мороженое. Тетя все время целовала меня и вдруг заплакала.

«...Понимаешь, Борька, мне всего девятнадцать лет. Приткнуться нам с тобой негде. Дом, где мы жили, — не наш дом. Я заняла его, когда он пустой стоял. А теперь хозяева вернулись... Скажи, куда мне с тобой? А в детдоме и кормят, и одевают бесплатно... Невезучие мы: все сгорело, все поумирали. Разве была у меня жизнь?! Сажай обмазывалась, чтобы никакой Ганс не засматривался. А теперь пожить хочется, Да и смогу ли я тебя в люди вывести... Нет, нет! Ты не бойся, глупенький, как устроюсь, тут же тебя разыщу. А может, и отец твой найдется. Второй год как война закончилась, а о нем ни слуху ни духу, и в военкомате ничего сказать не могут...»

— А у нас дядя есть в Москве, помнишь, ты сама говорила, что он большой начальник.

— Ой, да нужны мы ему! Вот если бы Нина Гавриловна согласилась тебя взять... Она меня ругает, а сама тоже ничего сделать не может. Была бы у нее дочка здоровая, а так...

Провожать меня тетя не пришла. Нина Гавриловна сказала, что ее не отпустили с работы.

На вокзале мы быстро нашли эвакуатора. Он стоял на солнце с двумя пацанами, у которых еле держались на головах маленькие кепочки. Нина Гавриловна отдала ему конверт с моими документами. Эвакуатор заглянул в него, вынул бумагу с печатями, а конверт вернул обратно.

— Метрику и табель оставьте себе, дамочка. Нам достаточно направления. Здесь вся биография вашего Алешина Бориса Алексеевича.

Держа в руках белые узелки, к нам подошли с милиционером два деревенских мальчика. Еще две биографии были положены в брезентовый планшет.

Через минуту расфуфыренная тетка подвела босоногого парнишку в заплатанной солдатской гимнастерке. Он плакал, а она на него шипела и громко произносила лишь его имя: «Вовочка, Вовик...»

Нина Гавриловна отвела меня в сторону.

— Вот тебе на дорогу, — протянула она пакетик.

— Смотри адрес не потеряй. Пиши, не забывай нас, а если будет плохо — приезжай. Ну! — она сняла оправленные простой проволокой очки, обняла меня, поцеловала.

— Будь всегда счастлив, Борис!

Нина Гавриловна заплакала и ушла.

Мне стало холодно. Первый раз я уезжал куда-то, уезжал один, без родных...

Поезд дернулся, и я, почему-то уже не заботясь о своих чистых штанах, сел, как и все, на затоптанный пол тамбура.

— Едем, едем! — обрадованно закричал мальчик в солдатской гимнастерке.

— Едем, — улыбнулся ему эвакуатор. Он поднялся, отряхнулся. — Вы тут посидите, а я пойду проводника уговаривать.

— Эй, пацан, — подвинулся ко мне Вовка, — дай кусочек хлеба. А то мачеха мне сегодня ничего не давала.

— И нам дай, — встрепенулись ребята в кепочках.

Деревенские молчали.

Я развернул пакет. Четыре кусочка хлеба с маргарином, да еще и с джемом! Все с жадностью смотрели на такое богатство. Я разделил его на шесть порций. Мне было жалко, очень жалко, но я уже прожил девять лет — с тысяча девятьсот тридцать седьмого по тысяча девятьсот сорок шестой год — и очень хорошо знал: хлебом надо обязательно делиться — в следующий раз поделятся с тобой.

Мы быстро все съели. Я даже облизал бумажку — на ней оставались следы джема.

Вовка отодвинулся от меня к деревенскому мальчику.

— Давай развязывай узел.

— У меня хлеба нету.

— Давай-давай, — потребовал Вовка, — сало, домашнюю колбаску. — Его рука потянулась к косынке.

— Не трожь!

— Коля, пускай поглядит, — спокойно сказал его товарищ.

— Не бойся, поделим по-солдатски, — успокоил его Вовка.

Делить было нечего. В маленьком узелочке лежали толстые коричневые фотографии, обгоревшие с одного края. Степенные дядьки и тетки удивленно смотрели на наши голодные лица.

— Ого! — захихикал Вовка. — Жратвы, значит, нет?

— У меня есть, — сказал второй парнишка.

Он развязал косынку. В ней тоже лежали фотографии. Мы на них не смотрели. Нас интересовало, что лежит в ромовой тряпочке. В тряпочке было завернуто четыре ржавых сухаря.

— Берите, — сказал мальчик.

— Нет, — покачал головой Вовка, — только когда уже доходить начнем.

— Наше село в сорок втором году спалили, — тихо сказал Коля. — С того дня сами все время есть хотим.

— Ничего, завтра в детприемнике борщ будем рубать, — сказал Вовка.

— Эй, ребята, — открыл дверь эвакуатор, — заходите в нагон. Только тихо, тихо! Проводник у нас невеселый, может обратно в тамбур загнать.

Каждый, и я тоже, стремился забраться на верхнюю полку. Мне это удалось. Я лег на живот, посмотрел в окно. Мы проезжали мимо небольшого поселка. В одном дворе я увидел солдата в расстегнутой гимнастерке и без сапог. Он держал на руках голого ребенка. А я смутно помню, как брала меня на руки мама, и совсем не помню отца. Где он теперь? Почему до сих пор не возвращается с войны?

Мне снова стало холодно. Я отвернулся от окна и тихо заплакал. Я долго не мог остановиться, а потом заснул и до самого Джанкоя мне почему-то снился Костя, продававший на базаре воду, за кружку — пятак, и его маленькая сестренка, которой я читал русские народные сказки...

Глава вторая

В детприемник нас не взяли — некуда было брать. Эвакуатор с кем-то там ругался, а мы бродили по перрону и глазели на поезда. Только Коля и его неразговорчивый земляк сидели на треснутом паровозном колесе и осторожно перебирали фотографии своих односельчан.

Дежурный милиционер нас не трогал: он уже выяснил, что мы не беспризорники.

Очень хотелось есть. В животе ничего, кроме воды, не было. А ее хорошо пить, когда во рту полно хлеба. Тогда она и без сахара становится сладкой.

Можно было попросить у кого-нибудь, но в незнакомом месте было как-то неудобно. Даже к набравшим кипяток солдатам никто не решался подойти. Они бы нам дали. Дома я часто бегал в часть, к солдатам: они подкармливали меня. Но это было дома. А здесь все чужие, здесь нас даже в детприемник не захотели взять.

Первым не выдержал Вовка:

— Пойду хоть семечек поклянчу.

Он подождал, когда от старушки, торговавшей семечками, отойдет молодая тетка, протянул тонкую руку и, приблизившись, плаксивым голосом пропел:

— Бабушка, дайте семечек!

Старушка жалостливо посмотрела на него, перекрестилась:

— Боже ты мой, за что ж дети наши страдают!

Она наклонилась над корзиной, достала лепешку, разломила ее и протянула половину Вовке.

— Спасибо, бабушка, большое вам спасибочко!

— Постой, соколик, я тебе семочек отсыплю...

Вовка подбежал к нам и протянул мне пахнущую вареной кукурузой лепешку:

— Дели, а то я возьму себе больше.

Всем досталось по капельке, словно ничего и не было.

Отщелкав свою порцию семечек, один из пацанов в кепочке громко сказал:

— Жрать еще больше хочется.

— Ага, — поддержал его другой.

Я до сих пор не знал, как их зовут. Эвакуатор называл их босяками, а они себя почему-то звали «зайцами». Оба так и переговаривались друг с другом: «Эй, заяц, я чинарик нашел», — говорил один. «Дашь докурить, заяц», — откликнулся другой.

— Давайте сухари погрызем, — предложил Коля.

— Нет, — покачал головой Вовка, — оставим на черный день.

Мы молча с ним согласились. Неизвестно, куда нас еще повезут, а в брезентовом планшете эвакуатора одни только бумаги с печатями.

«Зайцы» одновременно поднялись и пошли в сторону разрушенного вокзала. Там вдоль уцелевшей стены расположился небольшой базарчик, где за большие деньги можно было купить чего-нибудь поесть.

— Украли бы они картошки, — мечтательно произнес Вовка. — Мы бы испекли ее...

— Эй, а ну вернитесь! — услышали мы сердитый голос эвакуатора.

«Зайцы» тут же повернули обратно.

— Наверное, уже не раз шарили там?

— Нет, дядя Ваня, мы в первый раз.

— «Первый раз, первый раз». Что у вас, терпения нет? — Дядя Ваня вытер платком лицо, тяжело вздохнул и опустил на колесо.

— Ну что, берут нас или не берут? — спросил Коля.

— Берут, — буркнул эвакуатор.

— Ура! — крикнул Вовка.

Дядя Ваня поморщился:

— Не ори, сам охрип, пока ругался с этими... — Он залез в свой планшет, вынул из него четыре куса хлеба и кулек с хамсой. — Сейчас, ребятки, покушаем, а потом и поговорим...

Да не напирайте!.. Я поделю точно, у меня глаз — ватерпас. — Он достал из кармана складной нож и быстро разрезал хлеб на семь одинаковых порций. — Берите, и я с вами поем, у меня тоже кишки марш играют.

Мы вцепились зубами в свежий хлеб. От хамсы не оставляли ни голов, ни хвостиков. А дядя Ваня ел неторопливо, блаженно, и мы жадно смотрели ему в рот. Заметив наши взгляды, он насупился и быстро доел свою порцию.

— До войны у нас этого хлеба вволю было, — вздохнул он. — А теперь даже вас, детей, досыта накормить не можем. А все война проклятушая, чтоб ей ни дна ни покрышки! Сколько сирот наплодила, селить некуда. В коридорах, на чердаках кровати ставят.

— Значит, нас не берут? — испуганно произнес Коля.

— Вас-то берут, вы круглые сироты. А вот Вовку и Бориса мне придется везти обратно.

— Не хочу к мачехе! — закричал Вовка. — Она меня убьет, вот увидите, убьет.

— Ну чего ты, чего, может, тебя сразу в детский дом отправят.

— Никуда меня не отправят, — заплакал Вовка. — Вернут к мачехе. А она меня снова голодом морить будет.

— Думаешь, здесь малина, — засмеялся один из «зайцев».

— Цыц! — рассердился эвакуатор. — Вас, босяки, тоже не хотели брать. Даже здесь наслышаны о ваших подвигах.

— А мы все равно сорвемся, в мореходку хотим.

— Отправят в колонию — будет вам и море, и Тихий океан в придачу.

Услышав про колонию, «зайцы» сникли.

— Хватит сопли пускать! Вернемся в Симферополь, там и решат, что с вами делать. Если бы от меня зависело, я бы вам лучшие койки дал. — Дядя Ваня залез рукой под рубашку и медленно поднялся. — Давайте двигаться потихоньку, а то у меня из-за вас осколки в груди зашевелились.

— До свиданья, пацаны, — сказали «зайцы» и нехотя встали.

— Прощевайте, — поклонился Коля.

Его товарищ развязал косынку, протянул нам сухари.

— Возьмите.

— Спасибо, — сказал я.

— Смотрите далеко не убегайте, — предупредил нас дядя Ваня.

Мне не хотелось никуда идти, Вовке тоже. Вовка еще рыдал, громко жаловался на мачеху и, лишь когда эвакуатор отделился от нас, крикнул:

— У-у-у, гады, японский бог, и танки наши быстры! — а потом затих.

Тяжело пыхтя, мимо нас медленно прошел старый паровоз. Он тянул в сторону Симферополя длинный ряд товарных вагонов. На одном из них, доверху заваленном бревнами, сидело трое ребят. Они свистнули нам, а один прокричал:

— Поехали на море купаться, поехали!..

— Ты был возле моря?

— Был, — вздохнул Вовка. — Отец в сорок четвертом с фронта приезжал и возил меня с бабушкой в Алушту.

Красиво! Море большое-пребольшое и все зеленое.

— А я никогда не видел моря. Весной хотел убежать в Севастополь. Меня поймали, и тетка потом так отдубасила, чуть не умер.

— Мама твоя тоже умерла?

Я кивнул.

— Моя все болела, папу ждала, перед самым его приездом похоронили. А когда были в Алуште, он мачеху нашел. Бабушка уже старенькая была. Папа думал — помогать ей будет... Дудки! Только он на фронт уехал, так эта гадина сразу ее в могилу свела. Наколдовала, даже соседки говорили. Я ей стекло в борщ подсыпал, думал, подохнет.

Но ведьмы все знают и все видят, — убежденно промолвил Вовка.

— Отца, значит, убило?

— Его с японцами воевать послали. Он сначала письма присылал, а потом бумага пришла, что он пропал без вести.

Врут! Не мог отец никуда пропасть! Бабушка сто раз гадала: карты всегда показывали, что он умрет своей смертью. Найдется!

Я помолчал.

— Что, не веришь?! — возмутился Вовка. В его больших глазах стали накапливаться слезы.

— Верю, — неохотно сказал я.

— Забожись, — потребовал он.

— Честное слово.

Он с любопытством посмотрел на меня.

— А по-ростовски умеешь?

Я мог и по-ростовски, и по-одесски, научился в школе — у нас в классе были такие отчаянные пацаны: чернильницами на уроках дрались. Но божиться по-ростовски надо лишь тогда, когда полностью во что-то веришь. Иначе эта клятва обернется против тебя. Поэтому я соврал:

— Не умею.

— Ты был отличником?

— Да, а тебе что, не нравится?

Он промолчал и уселся на паровозное колесо. Я устроился рядом.

По-прежнему было жарко, солнце стояло еще высоко. И когда на станцию прибыл пассажирский поезд, вдоль всего состава на перроне разлеглась широкая тень. Многие пассажиры столпились возле крана; вокруг бабки с семечками тоже стало густо; все почему-то громко кричали, бегали туда-сюда, и только один пассажир, ни на кого не глядя, важно прохаживался вдоль своего цельнометаллического вагона.

Как он был красиво одет! Новенькие черные ботиночки, брюки клеш, матроска, а на голове настоящая бескозырка с золотой надписью. Завистливыми глазами мы смотрели на мальчика-картинку.

Из вагона вышел морской офицер, улыбнулся ему, потом высоко подбросил, поймал, опустил на землю. Мальчик весело смеялся и только теперь соизволил увидеть нас. Смеясь еще

громче, он показал на нас пальцем. Офицер нахмурился, что-то сердито сказал ему и быстро поднялся в вагон. Опустив голову, мальчик пошел вслед за ним.

Немного погодя Вовка произнес:

— Ничего, вернется папа, я тоже разоденусь, только не в морское, а во все летное.

— Счастливые, в Москву едут. У меня там дядя живет, троюродный брат мамы. Фамилию знаю, а вот адрес где-то затерялся. Тетка говорила: он, наверное, уже генералом стал. Вот бы попасть к нему!

— А у меня там папина двоюродная сестра, — похвастался Вовка. — Даже знаю, где живет. — И оттарабанил: — Москва, Ленинградское шоссе, номер сто сорок четыре, Григорьева Антонина Васильевна! ...Когда мама болела, она заставила меня выучить этот адрес наизусть. Говорила, если что случится, пускай меня туда отвезут. — Он вздохнул. — После того как похоронили бабушку, я стал просить мачеху, чтобы отправила меня в Москву. Не захотела, гадина. Говорила, денег нет, а сама колбасу от меня прятала.

— Был бы дядя Ваня человеком — отпустил бы нас в Москву. Можно и без билета проехать, если с проводником договориться.

— Не отпустит, — покачал головой Вовка. — Он за нас перед своим начальством отвечает.

«Значит, надо бежать», — подумал я. — А что?! Наказывать меня больше некому. Даже если привезут обратно в Симферополь, где я буду жить? Детприемник переполнен, тете Тане брать меня некуда, а Нина Гавриловна не прокормит. Выходит, надо добираться до Москвы. Хорошо, что не забыл фамилию дяди. Она хлебная: Булкин, поэтому и запомнил. А дом, где он живет, я найду! «Язык до Киева доведет, — любила говорить моя учительница. — Если не знаете, никогда не стесняйтесь, спрашивайте...»

Мне снова захотелось плакать. Я стал в последнее время таким плаксой, ну прямо как девчонка! Что я буду делать без своей школы, без Надежды Андреевны?

К тому времени, когда наши войска освободили Крым, мне уже шел седьмой год. Я был очень тихим мальчиком. С безголо- вой куклой и патронными гильзами я всегда сидел где-нибудь в уголочке и играл сам с собой.

Новая жизнь встряхнула меня. Живые солдаты были намного интереснее. Это были наши, русские солдаты, со звездочками на пилотках, с орденами и медалями на груди. Они угощали меня и хлебом, и кашей из котелка, рассказывали веселые истории, а по вечерам у них крутили кино. Плохо одно: никто в этой части долго не задерживался. Подружусь с одними — а они на фронт, подружусь с другими — вскоре и эти туда же...

А еще мы с соседскими ребятами ходили на свалку. Чего там только не было! О патронах я даже не говорю. Старшие пацаны сваливали их в кучу, обкладывали промасленными тряпками, чурками, бумагой. Сверху накрывали железными листами, подпаливали, разбегались подальше и прятались...

Однажды я там нашел металлическую коробку. Она была похожа на две спаянные сковороды. Я обмотал ее проволокой и волоком потащил домой. Меня никто не останавливал. Только возле наших ворот два солдата засмотрелись на мою находку. Один из них схватил меня в охапку и отбежал за угол, а другой куда-то исчез. Вскоре прибежали солдаты и милиция. С работы вызвали мою тетку и учинили допрос: где я нашел... мину?

Я так перепугался, что чуть не забыл, где ее нашел. Потом все-таки отыскал то место. Милиционер ругал тетку за то, что она как следует не присматривает за мной. Дома она мне «как следует» устроила горячую «баню».

Добрые люди посоветовали тетке определить меня в школу. Но там сказали, что я еще маленький — нет семи лет.

— Маленький, да удаленький. Не возьмете — бандитом вырастет или на mine подорвется! — расстраивалась тетка.

Мне разрешили ходить в первый класс, но вначале Надежда Андреевна меня не спрашивала. Я даже не был записан в классном журнале. Думали, похоже, надоест и брошу. Но мне в

школе очень нравилось. Каждый день я узнавал новые буквы, учился их писать. А когда проходил мимо знакомой вывески, радовался, что теперь могу ее прочесть. Я так старался, что во второй четверти мою фамилию записали в журнал.

В нашем классе было много переростков. Некоторые уже курили, ругались, как взрослые, учительницу не слушались. Надежда Андреевна их боялась. Когда они во время урока начинали дебоширить, она убегала из класса. Учительница была маленькая, почти одного роста с нами, и старенькая-престаренькая. Зато все на свете знала! Пацаны говорили, что она прочитала миллион книг.

Я вздохнул, поднялся с паровозного колеса, сходил к крану, напился.

К переднему вагону медленно подъезжал паровоз.

— Скоро поедет, — сказал Вовка.

Я спросил у проходившего мимо железнодорожника:

— Дядя, сколько дней поезд до Москвы едет?

— Двадцать четыре часа.

— В Москву собрался? — съехидничал Вовка.

Я хотел ответить ему как следует, но увидел мальчика-картинку. Он подбежал к нам, шмыгнул носом, будто только что плакал, а потом протянул Вовке увесистый пакет.

— Вот, кушайте, только не сердитесь на меня. — И убежал.

— Ой, смотри, Борька, колбаса, хлеб, сало, ух ты! Даже сахар!

Он радостно погладил себя по животу.

Я тоже во все глаза смотрел на неожиданно привалившее богатство и думал, что теперь уже не страшно будет ехать в Москву.

— Забирай половину, — сказал я Вовке. — Только честно.

— Ты что, не будешь есть? — удивился он.

Я оглянулся. Эвакуатора нигде не видно. На наше счастье, он задерживался в детприемнике.

— В Москву поеду, к дяде! — выпалил я.

Это было твердое решение. У меня даже мороз пробежал по коже.

— В Москву! — Вовка подпрыгнул и вытаращил глаза. — Один?

— Да. — Я поднялся. Паровоз уже давал предупредительные гудки. — Давай дели скорей.

Вовка посмотрел в ту сторону, куда ушли эвакуатор с ребятами, потом на меня, на заметавшихся пассажиров, потом сел, завернул как следует пакет, спрятал его за пазуху и сказал:

— Я тоже с тобой!

— Забожись! — не поверил я.

Он постучал себя по груди кулаком:

— Сука буду!

— Побежали, — сказал я.

С той стороны, где посадки не было, ступеньки оказались занятыми. Мы промчались мимо одного, второго... пятого вагона. Наконец увидели босую тетку с желтым солдатским рюкзаком. Она сидела одна.

— Тетечка, пустите нас к себе, — попросил Вовка.

— Да чего вы спрашиваете, раз место есть.

Мы устроились рядом с ней и крепко вцепились в поручни.

— А куда ж вы собрались?

— В Москву, — сказал Вовка.

— Далеко, ох как далеко, ребятки. Да, поди, и холодно там, разве можно в такую пору раздетыми ехать?!

— Да ну, далеко! За двадцать четыре часа домчимся, — уверенно сказал я.

Паровоз загудел, напрягся и медленно, а потом все быстрее и быстрее повез нас в другие края.

Глава третья

Скорый поезд Симферополь — Москва увозил нас от Харькова. Наверное, это уже был десятый поезд, в который мы забрались с Вовкой. Нам страшно не везло. Только проберемся в тамбур или хотя бы зацепимся на ступеньках, обязательно кто-нибудь выгонит.

В Харькове мы сгрызли последние ржавые сухари. На горбушку хлеба я променял свои сандалии. Еще за одну горбушку отдал худой деревенский тетке почерневшую рубашку. Так хотелось есть, что даже забыл об адресе, который мне положила в кармашек Нина Гавриловна.

К голоду прибавился и холод. Прямо с первого октября на солнце надвинулись тучи, откуда-то выполз холодный ветер, и если бы не вор дядя Федя — так он называл себя, — нам пришлось бы самим идти в милицию. Дядя Федя, встретив нас в развалинах, попросил постоять ночью «на атасе» возле одного дома, обещав за это два пальто, новую рубашку и ботинки с галошами. Мы честно выполнили поручение, но вместо обещанного получили одну латаную-перелатаную фуфайку, детское пальто без рукавов, четыре старых ботинка и рваную солдатскую рубаху, пахнущую йодом. Это все-таки было лучше, чем ничего.

Мы ругали этот Харьков самыми последними словами. От Симферополя до Москвы можно доехать всего за одни сутки. Но уже прошло три недели, а до Москвы еще далеко. Мы завшивели, стали худыми как щепки. Мы и раньше не были толстяками, но теперь на наших ребрах можно было выбивать палочками дробь.

И только сегодня повезло. Было много народа, все лезли напролом, и проводница нас вначале не заметила. Она оказалась хорошей теткой. Увидев нас, сперва расшумелась на весь вагон, грозилась из поезда выбросить. А когда накричалась, устроила нам верхнюю полку, сказав: «Лежите, пока ревизора нет, а там уж как получится».

Рано утром она растормошила нас.

— Поднимайтесь, ребяташки, ревизор ходит — строгий до невозможности.

В набитом вагоне было душно. Люди держались за свои вещи и чутко спали. Проводница вывела нас к тамбуру.

— Скоро Веселовка. Как станем — бегите в конец поезда, там всех уже проверили. Ну, не поминайте лихом, будете жить в Москве — не забудьте в гости пригласить.

А если до Курска вас нигде не снимут, можете снова ко мне прийти.

В тамбуре было пусто. Наверное, никто в Веселовке выходить не собирался. Мы открыли незапертую дверь и сели на подножку. Поезд шел медленно, рядом блестели рельсы свободного пути.

— Хорошо быть машинистом, да, Вовка? Ездить все время, и паек дают хороший.

— Нет, — покачал он головой. — Я когда вырасту, поваром буду, чтобы вокруг еда была, ешь сколько влезет.

Потолстею, живот заведу. Все завидовать будут.

— Ты же хотел стать летчиком.

— Летчиком — это потом, когда отъемся. Туда худых не берут. А знаешь, вот бы хорошо, если б кто-нибудь из нас слепым мог стать. Таким всегда дают.

— Дурак ты, Вовка, — рассердился я. — Думаешь, хорошо быть слепым? Сразу под поезд попадешь.

— Ну, не совсем слепым, — стал оправдываться он, — а так, понарошку. Хочешь, фокус покажу?

— Хочу.

— Тогда отвернись.

Я отвернулся, а когда он разрешил посмотреть — засмеялся. Вовка задернул веки кверху. Они изнутри красные. Если первый раз увидишь, то пугаешься. Но я и сам мог так делать.

— Долго так не походишь, глаза будут болеть, а веки сами на место сворачиваются.

— Ага. — Огорченный Вовка потянул ресницы вниз. — Я думал, ты не знаешь.

— У нас в классе даже девчонки так умели.

— А у нас только я один. Учительница вызовет к доске, и я ей этот фокус показываю. Она закроет лицо руками и просит, чтобы поставил глаза на место. Вот боялась, даже двоек не ставила!

— Плохо учился?

Еле во второй класс перевели. Все, больше не буду учиться. Бабушка была совсем неученая, а такая умная и такая добрая — лучше всех!

— Все равно заставят.

— А у тебя хорошая учительница была?

— Во! — показал я большой палец. — Самая-пресамая во всем мире!

— У меня тоже была хорошая. И красивая, как на открытке! Ее возле школы всегда офицер поджидал. Нарядный, с орденами и сапоги хромовые, как у моего папы. Они вместе ко мне домой приходили. Мачеха чуть от страха не умерла, думала, пришла комиссия. А когда узнала, что зашли поинтересоваться, как я живу, даже в комнату не пригласила. Ой! Борька, смотри!..

Паровоз протяжно загудел и пошел еще тише. Мимо нас проплыла закопченная стена с пустыми черными окнами. Здесь когда-то был дом. И там дальше — тоже дом. И еще было много красивых домов. Люди, которые жили в них, весело встречали поезда. Это было до войны. А сейчас поезд медленно проходил мимо страшного кладбища, кладбища без крестов, оград и памятников; шел и печально гудел, пока не остановился возле красной кирпичной стены, возле людей, которые тесали белые бревна.

Было тихо, впереди тяжело дышал паровоз. Из соседнего вагона вышло три человека с рюкзаками. В поезд никто пошел. Он подождал немного и потащился дальше. Снова пошли черные окна, голые печные трубы, вслед за ними — нераспаханное поле, поросшее серым бурьяном.

Глава четвертая

В Курске я потерял Вовку... Мы приехали в город во второй половине дня. Поезд, сказали, стоять будет долго. Надо было срочно достать поесть — Вовку и меня уже шатало от голода. Дежурный милиционер почему-то не обратил на нас никакого внимания. Ему, наверное, надоело гоняться за беспризорниками. Их здесь крутилось много, и все хотели того же, что и мы. Пришлось идти в город. Может, там повезет?

Было пасмурно. Тучи дремали над домами с разломанными стенами, пустыми окнами и искореженными бетонными лестницами. Не верилось, что здесь могут жить и работать люди.

Дзинькая, из-за поворота выкатился трамвай. Мне захотелось влезть на буфер и прокатиться хотя бы пару остановок. Я вспомнил: вскоре после освобождения Симферополя тетя Таня послала меня получить по рецепту лекарство в центральной городской аптеке, которая была облицована черными мраморными плитами и поэтому называлась «Черной». Переходя через улицу, я неожиданно, увидел, как прямо на меня по железной колее движется большой и настоящий зеленый трамвай. Он весело и непрестанно дзилинькал, а я остолбенело смотрел на гордого вагоновожатого, и мне было радостно, что трамваи бывают не только на картинках, но и в жизни тоже. Кто-то схватил меня за шиворот, оттащил на тротуар, выругал. Только настроение мое не ухудшилось. Забыв о лекарстве, я бросился к остановившемуся трамваю, забрался в битком набитый вагон, пробрался к окошку и до самой ночи, пока трамвай не пошел в парк, не вылезал из него. Так хорошо было кататься! И люди все были радостные, шутили, смеялись, поздравляли друг друга, а одна тетя угостила меня пирожком с капустой. Я ее хорошо запомнил, но сколько потом ни ездил в трамваях, больше не встречал.

Дома мне попало, только радостное ощущение, которое принес мне первый «живой» трамвай, навсегда осталось в душе.

Потом, как и все мальчишки, я больше катался на подножке или на буфере заднего вагона. Реже — на сцепке между вагонами. Опасно и страшно: можно было сорваться, особенно на спусках, и попасть под колеса.

...Покрутившись бесцельно среди развалин, мы поспешили обратно. Наш поезд еще стоял без паровоза. Рядом с вагонами прогуливались пассажиры. Но не было видно ни одного беспризорника, и это насторожило нас. Не решаясь идти дальше, мы остановились возле уборной. Незнакомый парень в шикарной вельветовой «бобочке» на молниях, проходя мимо, бросил:

— Срывайтесь, на шпану облава.

Осторожно, с оглядкой, мы потрусили к выходу и вовремя заметили милиционера, который совсем недавно ни на кого не обращал внимания. Он, наверное, искал нас, потому что обрадовался и побежал за нами. Шаг у него был широкий и сил больше, он стал нас догонять. Мы бросились в разные стороны и вместо тяжелого топота услышали сердитый милицейский свисток. Обежав вокруг разрушенного здания вокзала, мы встретились на другой стороне.

Здесь никого не было, только за толстой стеной раздавались глухие удары. Вовка заглянул на всякий случай в небольшой проем.

— Пленные немцы развалины расчищают, — сказал он и сел возле стены.

Я плюхнулся рядом с ним. После такой пробежки дрожали колени.

Надо на поезд попасть, а то мы из этого Курска не выберемся. Застрянем, как в Харькове, а уже немного осталось.

— На вокзале сразу зацапают! — как-то скучно сказал Вовка.

— Все равно надо попробовать. Здесь мы с голоду умрем — я поднялся и протянул Вовке руку: — Вставай!

— Не могу, Борька, сил нет. Сейчас бы...

— В поездке достанем, вот увидишь. Держась за мою руку, Вовка тяжело поднялся, посмотрел зачем-то на свои драные башмаки, потом на мои:

— Мы когда-нибудь доберемся до Москвы?

— Доберемся, — не совсем уверенно сказал я.

В это время из стеного проема ловко выпрыгнул толстый, в запыленном френче, немец. Он держал в руке целую буханку черного хлеба. Ее недавно испекли, я по запаху почувствовал. У меня закружилась голова. Наверное, он нес эту буханку обменять на табак или на что-нибудь еще.

Но, увидев наши голодные лица, остановился, заулыбался и спросил:

— Что, русиш мальшик, голоден?

Мы промолчали.

— Вам надо хлеб?

Мы по-прежнему молчали, только Вовка кивнул головой.

Немец достал из кармана перочинный нож и ловко отрезал горбушку.

— Я ест добрый. Кушайт.

Вовка потянулся к хлебу.

— Не надо, — сказал я.

Кто только не делился с нами хлебом!.. Но то были наши, русские. Им тоже хотелось есть — мы не слепые! Но брать хлеб из рук немца... А Вовка заворожено тянулся к его протянутой ладони.

— Не надо! — закричал я.

Он отскочил от военнопленного и прижался к стене. Тот растерянно посмотрел на нас.

— Зачем не надо? Вы ест голодный. Не надо быть такой упрямый.

Не хотим и все! — сказал я, глотая слюну. — Мы у вас ничего не просим.

— Но...

— Идите! — крикнул я, не думая о том, что он здоровый и сильный. — Убивали, а теперь хлеб нам суете.

— Я не убивал, — быстро ответил он. — Я был всю войну возле лошадей... коньюх, да коньюх!

— А кто наших отцов поубивал, кто Севастополь раз бомбил, Курск, Веселовку, коньюхи, да?!.

— А ну, фриц, топай отсюда, — перебил меня незнакомый голос.

Это был все тот же милиционер. Нам бы бежать, но мы не сдвинулись с места.

Немец приложил горбушку к буханке и, что-то бормоча по-своему, полез обратно в стенной проем.

— Пойдемте, ребята. Мы вас покормим и в баньку сводим. — Он погладил меня по голове. — Откуда вы... такие?

Я дрожал и боялся: если открою рот — разревусь.

— Мы из Симферополя, — сказал Вовка и заплакал...

Нас набралось человек двадцать. Мы сидели в небольшой комнате милиции. Что с нами будет дальше, никто не знал. Пацан лет тринадцати, самый старший среди нас и самый грязный, пробиравшийся уже больше месяца из Мурманска в Крым, сказал, что нас пошлют расчищать развалины. Вовка обозвал его дураком. После того как он съел здесь кусок хлеба и запил его кипятком, он вновь воспрянул, быстро со всеми перезнакомился и думал только о том, как бы отсюда сбежать.

За «дурака» ему чуть не попало. Но узнав, что мы из Крыма, пацан простил Вовку и стал расспрашивать про виноград. Вовка столько наговорил, что всем захотелось в Крым, в солнечную Алушту, где на берегу моря лежит в корзинах собранный виноград, подходи бери и ешь сколько влезет...

В другое время я бы посмеялся над Вовкой, но он так красиво расписывал, что мне захотелось подержать во рту хотя бы одну виноградинку.

Вовкину вдохновенную речь прервал незнакомый милиционер. Дымя папиросой, он долго смотрел на нас сердитыми глазами, потом растоптал окурок и громко проговорил:

— Вас матери по белому свету ищут, а вы бегаєте, под ногами путаетесь.

— А у меня нет матери, — сказал Вовка. — Она умерла.

— И у меня...

— И у меня...

— Тихо! Чего расшумелись! Нет родных — приходите к нам, мы вас по детдомам и детприемникам распределим. Но чтобы без хулиганства. А то бегаєте, вшивые, грязные, смотреть на вас противно! Так вот, мотайте на ус. Я сейчас поведу вас в баню. Там вы получите по кусочку мыла, а ваши лохмотья сдадут в прожарку. Только не вздумайте бежать. Все равно поймаю, но тогда, без разговоров, прямо в колонию — ясно?

— Ясно! — дружно завопили все, так как каждый надеялся сбежать.

Уже вечерело. Тучи по-прежнему висели над Курском. Неровным строем мы прошли несколько кварталов. Наш сердитый милиционер шел то сзади, то сбоку и все время на кого-нибудь кричал. На нас все оглядывались. Одна бабка с мешком даже остановилась и перекрестилась.

Заметив, что наш грозный начальник подался зачем-то вперед, парень из Мурманска громко свистнул и крикнул: «Полундра!» Бабка испуганно присела, а мы бросились врассыпную. Подгоняемые отчаянным милицейским свистком, мы влетели в развалины и помчались по извилистой тропинке в сторону вокзала.

Где-то на полпути я оглянулся и увидел, что рядом нет Вовки.

— Вовка! — закричал я.

— Чего? — раздался впереди незнакомый голос.

— Вовка из Крыма! Вовка?!.

Я остановился. Быстро темнело. Одному очень страшно среди этих жутких камней. По ночам здесь, видно, бродят одичавшие домовые.

— Вовка! Вовка! — отчаянно закричал я...

Глава пятая

Я сидел возле окна и слушал бьющийся о стекло дождь. В небольшом зале для пассажиров было тепло и уютно. Как и на всех вокзалах, суетились пассажиры. Кто-нибудь из них обязательно наталкивался на меня, укрывшегося за большим фикусом, и начинал приставать: кто я, да откуда, почему такой чумазый.

Я отмалчивался. Даже поезда, приходившие время от времени на станцию, оставляли меня равнодушным. Сегодня я никуда не спешил.

Сначала тяжело было без Вовки, но потом я наловчился просить таким же плачущим голосом, а если не давали, приходилось воровать. Лутили уже не раз, когда больно, когда не очень. А вчера из-за буханки хлеба чуть не убили. Проводник не закрыл свое купе: кто-то срочно позвал его в конец вагона. Я вбежал и схватил лежавший в рюкзаке хлеб. Хорошо, что поезд стоял, иначе мне пришлось бы спрыгивать на ходу. Вместо того чтобы сразу же отбежать от вагона, я отломил кусок и впился в него зубами. Вернувшийся к себе проводник тут же обнаружил пропажу и бросился за мной. Огромный дядина — он так топал, земля дрожала! «Отдай хлеб!» — рычал он за моей спиной и так страшно ругался, что я бы и рад был вернуть ему хлеб, но никак не мог остановиться. Потеряв надежду возратить свою буханку, проводник запустил в меня булыжником. Камень просвистел рядом с моим ухом и упал чуть впереди. Я оцепенел... Но в это время поезд тронулся, проводник побежал к себе, а я прыгнул на подножку переднего вагона.

Можно было бы пропустить этот поезд и сесть на другой. Но я твердо знал, я был просто уверен, что именно этим поездом приеду наконец в Москву. Ведь на его вагонах висели белые таблички с хорошо знакомой мне надписью: «Симферополь — Москва».

Как назло, почти на каждой станции приходилось прятаться от милиции, а когда отправлялся поезд, надо было думать еще и о том, как бы не попасться на глаза страшному проводнику.

За Орлом — Москва уже близко! — он все-таки меня подкараулил... Я сидел на ступеньке предпоследнего вагона, где проводницей была неплохая тетка, и с интересом смотрел на старенький трактор, который распахал уже большую часть поля. Мне почему-то так захотелось побыть на месте прицепщика: потрястись на круглом железном сиденье, поуправлять тяжелыми плугами, а потом сорвать с головы шапку и беззаботно махать ею проходящим мимо поездам... «До свиданья! — закрычал я и помахал рукой. — До свиданья!..»

За моей спиной открылась дверь тамбура. Я подумал, что проводница начнет ворчать на меня, а потом раздобрится и скажет, чтобы шел в вагон, а не то еще засну ненароком, свалюсь с поезда... Тяжелая рука опустилась на мое плечо. «Попался сволоченок! Сейчас я тебе покажу, как хлеб красть». У меня сердце провалилось в пятки, я боялся оглянуться. А он так стиснул своей железной лапой мое плечо, что я почувствовал, как трещат мои кости. Я дернулся, рядом мелькнула волосатая рука. Ошалевший от боли, я вцепился в нее зубами. «Ах, ты...» — он грязно выругался, а потом сильно ударил меня сапогом. Я слетел со ступеньки и покатился по откосу вниз. Но потом вскочил и, не обращая внимания на боль, побежал за поездом... А он уходил все дальше и дальше... В Москву... Я упал, и так мне стало горько, что я заревел. Потом затих. Просто лежал и глядел на серое небо. Вечером я поплелся на станцию. Ночью добрался и спокойно, не боясь милиции, — никого! — зашел в зал ожидания, нашел свободное место за фикусом, лег на пол и крепко уснул.

Меня разбудил барабанивший в окна осенний дождь. Люди забегали в зал промокшие, отчего-то веселые, а я смотрел на них безрадостными глазами.

Молодая женщина подошла ко мне и стала расспрашивать. Я молчал и понуро смотрел на ее красивое напудренное лицо,

крашенные губы, на синее пальто, такое нарядное и, наверное, дорогое. Ну, скажу ей, кто я и откуда. Все равно она не возьмет меня к себе в дом, не умоет, не постелит чистую постель, не накроет теплым одеялом и не будет рассказывать сказки...

Она повздыхала и отошла. Я свернулся возле стены и снова уснул.

Вечером проснулся. Болела спина, чесалось тело. Выбрался из-за фикуса и проковылял мимо оторопевших от моего дикого вида людей. Дождь уже прошел. Небо было чистое, с белыми по краям облаками. Редкие звезды уныло светили вниз. Я побродил по перрону, дождался поезда и забрался в тамбур. Пусть везет куда хочет: мне все равно...

Глава шестая

Уже третий раз в ванной спускали черную мыльную воду, совсем недавно бывшую прозрачной.

— Горюшко ты мое, знову мэни трэба тэбэ купаты, — вздохнула тетя Нюра, толстая, тяжело дышавшая банщица.

Она обмыла почерневшие стенки ванны, наполнила ее горячей водой, такой горячей, что мне казалось, я сварюсь в ней. Но даже горячая вода и ядовитое мыло, от которого в глазах щипало, как от едкого дыма, ничего не могли поделать с въевшейся в кожу грязью.

Я не мылся больше четырех месяцев. Негде было. Почти все время жил в поездах и никогда не думал, что смогу так ловко «подбирать» то, что плохо лежит, а потом менять ворованное на еду. На голове моей была старая солдатская шапка, на ногах неизвестно кем вымазанные коричневой краской теплые валенки. Мне нравилось ездить без цели, куда глаза глядят, и где уже я только не побывал!.. Два раза меня ловили: один раз во Львове, потом в Полтаве. Но я убежал. А вчера, когда сонного вытащили из товарняка — возле самого Киева, — бежать не смог. По дороге в милицию мне показалось, что усатый милиционер ослабил хватку, я неожиданно и резко дернулся, но усач только засмеялся и проворчал:

— Бывшего разведчика, сынок, на мякине не проведешь.

Утром вместе с другими пойманными пацанами меня привезли в детприемник. Мрачный доктор, увидев мою лохматую с косичками голову, долго ощупывал ее, не боясь копошившихся среди волос вшей. Затем приказал постричь и, когда это было сделано, почему-то удивленно качал головой и говорил, что я в рубашке родился: голова у меня была без струпьев и лишаяв.

...Ванна еще раз наполнилась чистой водой. Тетя Нюра схватила меня и опустила в кипяток. Я завыл, но она, не обращая на это внимания, молча, с остервенением стала драить меня жесткой мочалкой.

Наконец я был по-настоящему вымыт. И тут силы оставили бедную женщину. Она вяло вытерла мою распаренную кожу, слабым голосом приказала надеть чистые трусы, брюки, рубашку и длинные чулки, а потом показала на дверь.

— Иди, хлопчик, и бильш до мэнэ нэ прыходь.

Я прошел по длинному коридору, мимо аккуратно сложенных тазов; меня купали отдельно — остальные ребята мылись после стрижки в общей бане.

С трудом приоткрыл тяжелую дверь. Высокая женщина в белом халате поднялась с жесткого кресла и недовольным голосом произнесла:

— Ну и долго же тебя в порядок приводили.

На всякий случай я опустил голову. Вдруг еще кричать начнет.

— Иди за мной.

Вслед за белым халатом я поднялся по широкой лестнице на второй этаж, вошел в большой зал и увидел построенных вдоль стены ребят. Женщина вписала мою фамилию в тетрадь и приказала становиться в строй.

Я направился в самый конец зала, где заметил крупную Валеркину голову. Меня еще в милиции поразила эта голова: она была больше, чем у других, хотя сам Валерка был лишь чуть-чуть выше меня. Он все время думал о побеге, но милиционеры были начеку — убежать никому не удалось.

Валерка улыбнулся мне, отодвинул от себя какого-то пацана: Стой здесь, сейчас будут делать перекличку.

— Жрать уже давали?

— Еще нет.

— Сейчас старшая группа обедает, — сказал отодвинутый Валеркой пацан. — После них нас поведут.

— Внимание! — крикнула женщина в белом халате. — Начнем перекличку. — Она раскрыла простую ученическую тетрадь: — Андрусенко!

— Тут! — крикнул из середины мальчик.

— Переходи на другую сторону.

Андрусенко, без одной руки (позже я узнал, что ее оторвало при бомбежке), балуясь, проскакал на одной ноге через весь зал и остановился у противоположной стены. Воспитательница недовольно посмотрела на него, потом снова повернулась к нам, заглянула в тетрадь:

— Антипенко!

— Здесь я!..

Переключка продолжалась. Строй постепенно распадался. Кому надоело стоять, тот уселся на низкую скамейку — их здесь стояло несколько штук. Валерка отправился искать знакомых. Откуда они могли быть? Знакомых он не встретил, зато со всеми перезнакомился, получил кличку Головастик и вместе со всеми над ней смеялся.

Я еще в милиции заметил: он общительный, как Вовка.

В огромной столовой нас поставили вдоль стены. А на длинных столах уже дымились наполненные миски; возле каждой лежал хлеб. Воспитательница вручила повару список. Он заглянул в самый конец, покачал головой, а потом приказал двум помощникам добавить десять порций. Пока они ставили тарелки, в наших рядах начались перемещения. Пацаны, что постарше и из старожил, стали перебегать с места на место. Я не мог понять, зачем они это делают. Но когда нам разрешили садиться, дальновидные ребята оказались именно возле тех тарелок, рядом с которыми лежали горбушки. А ведь горбушка всегда вкуснее — это знает каждый.

Борщ был хороший. Мяса, правда, не было, картошка плавала всего одна, капусты чуть побольше, но все равно это был настоящий борщ — горячий и оттого очень вкусный. Никто не жаловался, все хлебали с удовольствием. Один Валерка капризничал, договорился до того, что это не борщ, а настоящая бурда. Мы, сидевшие рядом с ним, поделили между собой эту «бурду» — получилось первое с добавкой.

На второе нам дали пшеничную кашу с постным маслом, жидкую, как повидло, — то, что надо! А Валерка снова капризничал, кривился, и мы смотрели на него.

— Будешь? — спросил он меня.

— Буду! — сказал мой сосед, протянул руку и выхватил из-под Валеркиного носа тарелку.

— Да не тебе!

Но тот, обняв тарелку рукой и низко наклонившись над ней, быстро заработал ложкой и в два счета проглотил всю кашу. А потом он поднял смуглое тонкое лицо, утерся, и только теперь я заметил, что вместо одной верхней губы у него их две. Прямо под носом губа была разделена пополам.

— Шакал, — сказал Валерка.

Трехгубый поднял вверх тонкую, как палка, руку. Подошла воспитательница.

— В чем дело?

— Он меня обзывает, — показал Трехгубый на Валерку.

— Да я...

— Встань! — не дала договорить воспитательница.

Валерка поднялся.

— Как твоя фамилия?

— Максимов.

— Выйди, Максимов, из-за стола, оставляю тебя без компота.

Валерка отошел к двери. После не очень сладкого компота нас подняли, построили, пересчитали и скомандовали разойтись.

Первым делом мы отправились искать Трехгубого. Его нигде не было. Вспомнили про уборную. Она находилась в самом углу зала. Трехгубый стоял возле закрытого решеткой окна. Увидев нас, он бросился вперед, на прорыв, но Валерка опустил свою тяжелую голову и точно ударил его под дых. Трехгубый упал. Вместо того чтобы дать деру, Валерка нагнулся над ним и пригрозил:

— Еще раз пожалуешься, темную устроим!..

Через полчаса воспитательница приказала всем собраться. Мы перетрусили. Но воспитательница попросила нас сесть вокруг нее, открыла старую затрепанную книжку и сказала, что будет читать сказки. Мы с Валеркой от радости стали хлопать

друг друга по спине. Воспитательница спросила наши фамилии, открыла тетрадь, что-то там черкнула, а потом нудным голосом стала читать «Кота н сапогах».

Мы потихоньку отползли от нее подальше.

— Тебе нравится здесь? — спросил Валерка.

— Нравится. Есть дают.

— А мне ни капельки. Знаешь, я страшно невезучий: только сбегу от родных, сразу же в детприемник попадаю. Этот у меня уже третий.

— У тебя есть родные?!

— Тихо, не разговаривайте! — крикнула воспитательница.

Мы немного помолчали.

— Так у тебя есть отец и мать? — не унимался я.

— Есть, ну и что?..

— А зачем ты от них бегаешь?

— А зачем другие бегают? Интересно города посмотреть.

— На что смотреть! Почти все города разбомбили, ходишь все время голодный, а украдешь — поколотить могут.

— Зато не скучно. Отец с матерью днем и ночью работают, а дома почему-то все время ссорятся. Раньше, когда они были на фронте, я жил у бабушки. Далеко, в самом Новосибирске. А потом они забрали меня в этот Днепропетровск...

— Я бы от отца с матерью никуда не убегал. И никогда бы с ними не ссорился. Мы бы знаешь как дружно жили...

— Все так говорят, у кого родных нет. А посидел бы один в квартире — бежал бы куда глаза глядят. Лучше беспризорничать.

— Алешин, Максимов! — позвала нас воспитательница.

Мы поднялись с пола и подошли к ней. Она повела нас вниз, открыла под лестницей маленькую дверь. Здесь, в небольшой каморке, хранились веники, ведра и половые тряпки.

— Вы у меня сегодня самые невоспитанные. Вот вам по венику, хорошенько смочите их в туалете под краном и подметите весь зал.

— А я не умею подметать, — сказал Валерка.

— Учись, в жизни пригодится.

Валерка все время ругался, я тоже, но приближалось время ужина: оставаться без него мы не хотели. Впрочем, пол был не грязный и работать веником не трудно. Нам, правда, все мешали. В зале — тарарам, как на большой переменке в школе. Некоторые пацаны залезли по решеткам на окнах под самый потолок. Глядя на них, я не выдержал, забрался наверх и увидел одни лишь покрытые снегом дома; среди них отчетливо выделялись знакомые — всюду одинаковые — обгорелые стены с мертвыми окнами.

Глава седьмая

Нас никуда не водили, даже во двор выпускали очень редко. Почти всегда там кричали и бегали малыши, а между ними чинно прохаживались ребята из старшей группы. Мне они казались великанами. Сам слышал, как директор, поймав одного с папироской, назвал его «пятнадцатилетней дылдой».

Наша группа номер два, или средняя, так еще ее называли, была самой многочисленной. Каждый день в нее вливалось десять — пятнадцать человек, примерно столько же забирали эвакуаторы: отвозили ребят в детдома или к родителям. Меня и Валерку покамест не трогали. Наверное, до сих пор не решили, что с нами делать. Воспитательница сказала: тетю в Симферополе найти не могут. А Валерка, оказывается, поменял фамилию и дал неправильный адрес. Трехгубый тоже еще находился здесь. От нас он держался подальше, а вообще его часто лечили от каких-то болезней в санчасти.

Большую часть времени мы находились в зале. Спали тоже здесь. Разбирали сложенные утром матрасы, клали их прямо на пол, сверху стелили одеяла. Тех, кто не мог ночью проснуться, а таких было немало, укладывали поближе к уборной; остальные располагались напротив, вдоль стены с окнами.

Простыней и наволочек не было. Это даже к лучшему — их пришлось бы менять каждый день. Ночью мы кидались подушками, а потом наступали друг на друга с матрасами...

Днем было скучно. Нас пересчитывали раз по десять, иногда воспитательница читала надоевшие сказки. Другой книги у нее, очевидно, не было. В войну играть не разрешали, да и негде было, а чехарда и прочие безобидные игры быстро приедались. В основном мы слонялись из угла в угол или сидели на подоконниках, поджидая время обеда. А вечером, после ужина, собирались до куч, и каждый, кому не лень, рассказывал какую-нибудь историю.

Чаще всего говорили о вольной жизни. Врала при этом как могли! Я здесь столько об этой свободе наслышался, что если бы не испытал ее на собственной шкуре, то наверняка поверил — там, за стенами детприемника, текут молочные реки, а с неба прямо в руки падают пышные белые булки. Все рассказчики старались полностью переокрасить свою беспризорную жизнь. Ни слова о вшах, о холоде, голоде. Каждый находил в самом неожиданном месте набитую едой торбу или совершал подвиги, воруя на базарах калачи, мед, яйца, сметану; за всеми милиция устраивала погоню, и все, конечно, от нее убегали. А ведь мы очутились в детприемнике лишь после того, как были пойманы этой же самой милицией. Но о таких мелочах вспоминать не принято.

И все-таки эти вечера были для нас приятными. За окном лютый мороз, а ты лежишь на полу, подложив под голову кулак, слушаешь очередную байку, а сам смотришь в окно, видишь кусочек неба, на котором появляются звезды. А ночью, собравшись, как и мы, они начинают ярко гореть. Но я еще ни разу не видел, каким образом они гаснут. Попробовал подсмотреть недавно: сел возле окна, раскрыл пошире глаза, а когда в них зарябило, я их закрыл на секунду и... проснулся, когда небо было уже серым.

А еще мы развлекались тем, что делали одно время друг другу массаж. Не знаю, откуда пришла к нам эта забава, но даже на переключках мы гладили и щипали друг у друга на спине кожу. Многим это занятие скоро наскучило, и только Валерка, наловчившись, массажировал кого-нибудь каждый день. За процедуру он брал горбушку. Плата не малая: без хлеба все такое невкусное! Несмотря на это, Валерка иногда зарабатывал в день по две порции. К нему приходили даже ребята из старшей группы. Многие завидовали его приработку, пытались перенять его приемы.

Только делать так, чтобы потом три дня спина красной, никто, кроме Головастика, не мог. Я долго не решался, а потом рискнул пожертвовать свой хлеб в пользу Головастика: снял

рубашку и лег животом на матрас. Усевшись на меня, Валерка долго гладил и растирал мне спину. Потом сцепленными пальцами – это называлось трактором — стал ездить, щекоча ногтями теплую влажную кожу. Было приятно. Затем он быстро забарабанил кулаками по всей спине, после чего, оттянув пальцами кусок кожи, сильно ударил по ней ребром ладони. Я дернулся. А Валерка молча оттягивал кусок за куском, продолжая больно рубить... Окружившие нас ребята горячо обсуждали величину красных пятен на моей спине — я чуть не выл. Только делать этого было нельзя — иначе меня бы задразнили. Валерка тем временем, не подозревая о том, что я в душе умоляю его закончить, сопел от усердия, показывая собравшимся все свое умение...

Я еле поднялся. Спина горела, страшно хотелось пить. Вместо того, чтобы переждать, я бросился к крану и столько выдул воды, что она чуть не потекла обратно. Зато до вечера ходил без рубашки, показывая всем свою яркую спину.

В тот день Валерка трудился без перерыва. Поэтому он взял с меня лишь четвертую часть порции. Мог бы взять и все. Впервые в жизни я ничего не хотел есть, отдал соседям и обед и ужин. Вечером, обратив внимание на мой вялый вид, воспитательница отвела меня в санчасть.

Вот где хорошо было! В двух смежных палатах (одна для мальчиков, другая для девочек) стояли настоящие, с никелированными спинками, кровати. Я уже и спать на кровати отвык! Но когда моя голова прикоснулась к мягкой, обтянутой белой наволочкой подушке, я почувствовал себя здоровым. Лежал и радовался больному горлу и высокой — тридцать восемь и восемь — температуре. Проглотив лекарство и запив его горячим, с пенкой молоком, я тут же уснул и спал сладко, без пробуждения всю ночь.

Утром меня разбудило солнце; открыл глаза и чуть не ослеп: яркий луч, как прожектор, светил мне из окна в лицо. Я повернулся на другой бок и увидел на соседней койке Трехугого. Он лежал на спине и прерывисто сопел своим длинным,

как стрела, носом. Наверное, ему снилось нехорошее: он иногда вскрикивал, скороговоркой бормотал непонятное, потом затихал, и лишь две половинки его верхней губы продолжали тревожно шевелиться. Почему-то я уже не испытывал к нему никакой злости. Мне даже захотелось узнать, откуда он, в каких краях беспризорничал. Он ведь никогда не выступал на наших вечерах, всегда только жадно и недоверчиво слушал.

Палата тем временем пробуждалась. Я приподнялся. Наших здесь никого больше не было. Одни только малыши, глазевшие на меня с любопытством, да двое ребят из старшей группы. Это были те самые, которые заставляли пацанят отдавать им свои горбушки. Три дня назад им за это устроили такую «темную», что они со своими синяками сами пришли в санчасть.

В соседней палате стрекотали и громко смеялись девчонки. Не верилось, что они больные. Открыв дверь, к нам вышла оттуда пухленькая светловолосая девочка в длинном белом халате.

— Доброе утро, — вежливо сказала она.

— Доброе утро, — дружно ответили малыши. Девочка подошла ко мне.

— А ты, новенький, почему не здороваешься?

Я покраснел, захлопал глазами, в горле у меня что-то застряло; сглотнув, я проговорил неузнаваемым голосом:

— У меня горло болит.

— Здесь все больные, — важно сказала она и потрогала мой лоб. — Горячий, значит, у тебя еще температура. Не надо сидеть, лучше полежи. Скоро придет наш доктор, осмотрит тебя, а потом быстро вылечит.

— А если нет? — произнес я уже почти нормальным голосом.

Дядя Коля самый лучший в Киеве доктор! — гордо сказала девочка. — У него все очень быстро выздоравливают. И ты скоро будешь здоровым, понял?

— Ага, — сказал я и послушно лег. Она улыбнулась мне и поправила одеяло.

— Тебя как зовут?

— Борька

— А меня Лена.

Она отошла к Трехгубому. Солнечный луч уже перебрался с моего лица к нему на грудь.

— Спит еще, — тихо сказала девочка и вернулась ко мне. — Ты, пожалуйста, лежи тихо, не разбуди Степу, хорошо?

— А что, разве его Степой зовут? — удивился я.

Она укоризненно покачала головой:

— Какие вы, мальчишки, странные: придумываете друг другу разные клички, а потом забываете, кого как зовут. Думаешь, ему приятно слышать все время — Трехгубый да Трехгубый. Вот если бы тебя прозвали какой-нибудь Жучкой, Козой или Гусеницей, что бы ты делал?

Я представил себя гусеницей и засмеялся.

— А Трехгубый как раз не сердится, когда его так называют.

— Привык, — вздохнула она и ласково посмотрела на него. — Дядя Коля его сегодня выпишет. А мне так не хочется. У вас там все злые, дразнят, обижают.

— Никто его не трогает, — сказал я, не решаясь посмотреть ей в лицо.

— Все равно ему с вами плохо, я это чувствую, — убежденно сказала она. — Он у вас неделю побудет и снова к нам попадает. Скорей бы его в детдом отправили.

Я хотел спросить у нее, почему она так за него беспокоится, но в этот момент в палату заглянула рыжая, как огонь, девчушка и тонюсеньким голоском прощebetала:

— Леночка, завтрак принесли.

— Иду, — улыбнулась ей Лена. Мне же почти приказала: — Ты чтобы со Степой не ругался.

Она еще не успела уйти, а Трехгубый стал просыпаться. Сначала повернулся на один бок, потом на другой — в мою сторону; пожевал что-то во сне, улыбнулся, открыл глаза и, увидев меня, закрыл их снова.

— Просыпайся, сейчас завтрак принесут.

Он настороженно посмотрел на меня и ничего не сказал.

— Говорят, здесь кормят лучше, чем в столовке? — спросил я без обычной злости.

— Да, — он робко улыбнулся, — и даже добавку дают.

— Поэтому ты все время больным делаешься?

— Нет, у меня дистрофия была, рахит и еще разные болезни. Доктор говорит, пока в детдом не отправили, надо подлечиться.

— А эта девочка, Лена, она твоя сестра или землячка?

— Нет, она помогает за малышкой смотреть. А вечером мы рассказываем друг другу разные истории, только непридуманные.

— Она тоже о себе говорила?

Он кивнул.

— Ее родных в прошлом году бандеровцы убили.

— И теперь она все время будет здесь?

— Не знаю. Она хочет остаться в детприемнике, но доктор говорил, все равно отошлют в детдом. Здесь школы нет. — Он вздохнул, приподнялся, высвободил из-под одеяла тонкие, как веревка, руки, обмотал ими колени и уныло проговорил: — Я бы тоже никуда отсюда не уезжал.

«Дурной он какой-то», — подумал я. О детдоме мечтали все. Там — свобода! Будут плохо кормить — можно наворовать картошки, по огородам полазить, по садам. И самое главное, всегда можно убежать.

— Там, правда, разрешают свободно гулять и бегать, — сказал Трехгубый. — А то сидим в этом зале взаперти.

— И в войну можно поиграть, и кино показывать будут, — добавил я.

Он как-то странно посмотрел на меня своими грустными глазами, покачал головой.

— Я в войну никогда не буду играть.

— Почему? — удивился я.

Он помолчал, уткнулся носом в колени, и только теперь я заметил на его спине узкий шрам, идущий от правой лопатки вниз, под майку.

— Обидно, что война так быстро закончилась, — сказал он с болью и взрослой серьезностью. — Я бы сейчас на фронт убежал.

— И я! Из пулемета по фашистам — трата-та-та-та...

— Нет, — перебил он. — Из автомата, и чтобы близко-близко. — Он повернулся ко мне и отрубил: — В морду каждому гаду!

Я даже растерялся, увидев на его всегда жалостливом лице такую ненависть. В этот момент все его три губы сжались — получилась тонкая линия с красной черточкой посередине, а в светлые, окруженные белесыми ресничками глаза словно кто-то крови накапал.

— И ты бы смог, прямо сюда? — ткнул я себя в переносицу.

— Еще как! Дали бы только автомат! — Он обвел медленным взглядом палату и совсем как старый человек устало произнес: — Все мы здесь потому, что фашисты поубивали наших пап и мам.

Меня выписали через пять дней. Я был рад, скучно все время лежать. Лена почти не подходила ко мне. Даже о Трехгубом ничего не рассказала. Все время, когда отсутствовал высокий и лохматый доктор, она возилась с малышами, терпеливо кормила не желающих есть, втирала чесоточникам вонючую мазь и никому не разрешала без надобности подниматься с постели.

Из санчасти меня отпустили после завтрака. Я даже не успел как следует поговорить с Валеркой: воспитательница повела меня к своему столу и, словно увидев меня впервые, стала записывать мою фамилию, имя, отчество, год, день и место рождения. А потом, проверив старые записи, сказала:

— Так вот, Боря, тетю твою мы так в Симферополе и не нашли. Значит, жди отправки в детдом. Понял?

— Ага. Только я хочу с Валеркой Максимовым.

— Ой, я тоже много чего хочу! Иди гуляй!

Когда я рассказал Валерке, зачем она меня вызывала, он пошел к ней сам. Она прогнала его. Тогда он прорвался к самому директору. Тот, наверное, догадывался, что Валерка поменял

фамилию и дал неправильный адрес. Он попытался выведать у него всю правду, только из этого ничего не получилось.

— Ладно, проживем — увидим, — сказал директор.

Мы подружились с Трехгубым. После санчасти я разговаривал с ним, как со всеми. Валерка на меня дулся. Трехгубый для него не существовал. И когда тот подошел к нам — мы как раз на правах старожилов заняли лучший подоконник, — Валерка, рассказывающий мне о том, что бы он сделал, если бы нашел миллион, притворился будто никого рядом нет.

— Послушай, — пробурчал Трехгубый, — я больше никогда не буду ябедничать. Очень тогда есть хотелось.

Головастик тут же преобразился, улыбнулся и освободил ему место.

— Садись, Степка-мопка, будем дружить.

...В марте мы затосковали, часами висели на окнах и смотрели на Киев. Было голодно, в столовой иногда завтракали и обедали без хлеба. Зато вечером хлеб подвозили и целиком отдавали дневную порцию. Теперь уже все, даже Валерка, который в последнее время никого не массажировал, полностью хлеб не съедали, оставляли на ночь.

И вот однажды утром нам, как обычно, приказали построиться. Думали, очередная переключка, но в руках у воспитательницы вместо знакомой тетради был всего лишь листок бумаги. Встав перед строем, она громко, даже торжественно, назвала мою фамилию:

— Алешин!

— Здесь я, здесь! — крикнул я и, выйдя из строя, направился к противоположной стене.

— Спускайся во двор! — приказала она.

— Зачем?

— Там узнаешь, — усмехнулась она и поднесла список к глазам.

Я сделал несколько шагов и обернулся к ребятам. Они все смотрели на меня.

— Тебе что было сказано?! — прикрикнула воспитательница.

В голосе ее не было сейчас никакой раздражительности, к которой мы все уже привыкли. И тогда я понял, наконец, что ухожу из этого зала навсегда!..

В вестибюле меня остановил директор, стоявший рядом с пожилой женщиной. Мне велели выбрать ботинки, дали в руки фуфайку и, напялив на голову фуражку, шлепнули ниже спины, направив таким образом к выходу.

Возле закрытых ворот, рядом с торбами и рюкзаками, набитыми хлебом и чем-то еще, стояли три эвакуатора.

Увидев меня, один из них, высокий, в длинном кожаном пальто и с черной повязкой на глазу сказал своим напарникам:

— Ну, вот вам и первая ласточка.

Через минуту во двор вышли две девочки.

— У вас тоже перекличка? — спросил я.

— Да, — ответили они. — Из всех групп забирают.

Я вернулся к двери и стал поджидать Валерку.

Двор постепенно наполнялся. Ребята окружили эвакуаторов, пытаясь узнать, в какие места нас повезут. Те отшучивались и следили, чтобы никто не прикасался к торбам.

Валерка спустился почти последним. Серая фуражка с помпончиком сидела у него на самой макушке. Вслед за ним, опустив голову, шел Трехгубый.

— Ура! — закричал я.

— Ура! — подхватил Валерка. — Да здравствует новая жизнь! — и, засмеявшись, указал на Степку: — А он, дурак, не хочет из детприемника вырваться.

— Не хочу, — буркнул тот.

Приказали строиться. Эвакуаторы стали нас считать: набралось человек семьдесят. А когда самым крепким дали нести торбы, когда уже открылись толстые деревянные ворота, во двор вышла заплаканная Лена. Вслед за ней появился доктор. Он погладил большой ладонью ее светлую голову, потом поднял высоко, поцеловал, шумно засопел и ушел. Трехгубый подошел к девочке, взял за руку и поставил рядом с собой. Они были самой мрачной парой в строю.

— Трогай! — дал команду одноглазый эвакуатор.

Мы вышли за ворота. Робкое мартовское солнце освещало широкую улицу. Прохожие останавливались и грустными глазами смотрели на наши веселые лица. А мы вертели во все стороны головами, кричали, визжали; и только когда надо было сворачивать на другую улицу, затихли. Почти каждый оглянулся назад. Прощай киевский детприемник, прощай навсегда!..

Глава восьмая

Хорошо все-таки ехать в поезде, когда можешь спокойно лежать на полке, не боясь даже самого грозного проводника. Паровоз гудит, выпуская из трубы низко стелющийся под дождем дым. Монотонно стучат колеса. Рядом со мной спит Валерка. На соседней полке — Лена и Трехгубый. Мне не спится. Я все время думаю: наверное, было б лучше, если бы разыскали тетю Таню и отвезли меня к ней. Так мечтал о детском доме, а теперь даже в Москву не хочу! В то же время хорошо понимаю — бежать некуда. На небольшой станции к нашему вагону подходил грязный, точно как я два месяца назад, оборванный беспризорник. Жаловался: милиция прохода не дает. Так что лучше посмотреть, в какой детдом нас привезут. Если хороший — останусь, плохой — протяну до лета и побегу!

В вагоне тихо. Эвакуаторы тоже спят. Кроме старшего, с черной повязкой. Он все время ходит туда-сюда. Когда он подходит к нам, я свешиваю голову вниз и тихо спрашиваю:

— Андрей Андреевич, куда нас везут?

— В Винницу, — шепотом отвечает он и зажмуривается — это солнце вырвалось из-за облаков и растеклось по краю неба.

Винница... Кажется, я мимо нее проезжал.

— Далеко еще:

— Можешь поспать, я всех разбужу.

Мягко прошумев колесами по небольшому мостику, поезд помчался вдоль неширокой речки, берега которой были почти ровень с водой. Если бы не рябь на поверхности, можно было бы вообразить, будто на земле лежит длинное зеркало. Дав на себя полюбоваться, голубоватое русло завернуло вправо и застыло возле высоких тополей. Вслед за ними выплыло большое село с нарядными, покрытыми черепицей, а не соломой, домами, над которыми возвышалась стройная, с золотым куполом церковь. И нигде ни одной обгорелой трубы!..

— Эх, повезло людям! — воскликнул эвакуатор. — Бывает на свете счастье! — Он вытащил из кармана галифе черный с красными буквами кисет, ловко свернул сигарку и сунул ее в рот. — Жизнь, эх ты, жизнь! И крыша у них имеется, и хлеб, а вот мужиков, как и везде, не хватает.

Чиркнув спичкой, он прикурил, глубоко затянулся и выпустил столько едкого дыма, что Лена сразу же зачихала и проснулась.

— Андрей Андреевич, здесь не надо курить, — вежливо и в то же время строго произнесла она.

— Ой, голубушка, извини меня.

Зажав самокрутку в кулаке, эвакуатор быстро зашагал в тамбур.

Лена посмотрела за окно, улыбнулась розовому солнцу, скачущему по краю земли, как мячик, сладко зевнула и, увидев, что я не сплю, тихо сказала:

— Кушать хочется, правда?

— Скоро в Винницу приедем, там накормят, — успокоил я ее.

Услышав во сне наш разговор, Трехгубый открыл глаза, поводит ими по сторонам и, не увидев еды, снова закрыл. А Валерка, словно он не спал трое суток, продолжал сопеть, сладко чмокая губами, и даже не пошевелился, когда остановился поезд.

— Приехали, что ли? — спросил кто-то в соседнем купе.

— Ждем встречный, — сказал проходивший мимо проводник.

Скрипнула в тамбуре дверь, снаружи послышались невнятные голоса. Я просунул голову в окно. Эвакуатор и проводник стояли на подножке и смотрели в сторону красивого села.

После дождя воздух был чистым и холодным. Где-то на подходе протяжно закричал паровоз. Тихо зазвенели серебряные рельсы. Все ближе и ближе шум поезда. Я спрятался, и в ту же минуту мимо поплыли тяжелые платформы с укрытыми брезентом танками. Промелькнул прицепленный в середине состава пассажирский вагон, прозвучали звуки аккордеона, снова пошли платформы, а на последней с винтовками по стойке смирно стояли два солдата. Широко улыбаясь, они отдавали всем честь. Мы с

Леной высунулись из окна, замахали руками, закричали... А когда поезд ушел, Лена закрыла лицо ладонями и тихо заплакала.

— Чего ты? — спросил я, хотя мне тоже было очень грустно.

— Папу вспомнила, — прошептала она.

Наш поезд тихо тронулся, осторожно застучал колесами, медленно побежали за окном столбы.

Я стал клевать носом, положил голову на кулак и не заметил, когда ко мне подлетела большая белая птица, взяла к себе на спину и, взмахнув длинными, как у самолета, крыльями, полетела над полями и лесами, мимо смеющегося розового солнца, и опустилась на поляне, возле голубой речки, а вокруг тополя и белые домики с красными черепичными крышами...

Спал я, наверное, долго и крепко. Когда проснулся, в вагоне было шумно, а моя спина прижималась к стенке. Это Валерка передвинул меня на свое место.

— Вырасту, поеду в Крым, — услышал я его голос. — Буду есть виноград.

— А я буду в Киеве жить. Дядя Коля возьмет меня в медсестры и научит больных лечить.

— А ты? — спросил Валерка у Трехгубого.

— Не знаю, мне все равно. Можно и в Крым. Где прикажут, там и буду.

— Кто прикажет?

— Да так...

Валерка и я с любопытством уставились на него. Трехгубый смутился, даже покраснел.

— Да ладно тебе! — хлопнул его по плечу Головастик. — Скажи, не бойся, никто не узнает.

— А я и не боюсь, только вы смеяться будете.

— Не будем, вот увидишь, — заверил я, — хочешь побожимся?

Степка вздохнул:

— Хорошо, только побожитесь, что никому не скажете и что не будете смеяться.

— Божимся! Можем по-ростовски!

Степка внимательно посмотрел на нас и сказал торжественным голосом:

— Я хочу, чтобы меня взяли в суворовское училище.

Вот это да! Честное слово, если бы он сказал про спрятанные сокровища, мы бы удивились меньше. Ведь для всех нас суворовское училище — чудесная и недостижимая страна. Мы о ней даже не мечтали, а Степка, наш Трехгубый, возомнил себя великим полководцем.

— Ничего у тебя не получится, — сказал Валерка. — У нас в Днепропетровске соседский пацан все время хотел попасть в это училище. Его мать куда-то писала и даже ездила в Москву — все равно не взяли.

— Я сирота, меня возьмут, — убежденно сказал Трехгубый. — Моего отца перед всей деревней повесили. Нацепили на грудь фанеру и черной краской написали: «Партизан». Я решил военным быть.

— Степа Сталину обо всем написал, а он ничего не ответил, — сказала Лена.

— Может, письмо затерялось, — сочувственно сказал Валерка.

— Напиши еще одно, — посоветовал я.

— Нет, не буду больше. Лучше я летом в Москву убегу, а там к самому Сталину пойду, а не пустят — тогда к Жукову.

— А где мать? — спросил Валерка.

— Ее в Германию угнали.

— Так, может, она домой вернулась? — Я потер занемевшую ногу и устроился поудобнее. — Или кто-нибудь из родных знает, куда тебя направили?

— Знают. Меня в детприемник двоюродный брат матери привел. У него в Киеве дом, дети, только он сам израненный...

— Мне отец рассказывал, что перед приходом наших в Германию немцы многих поубивали.

Я незаметно толкнул Валерку в бок, но было поздно.

— У тебя есть отец?! — воскликнула Лена.

Валерка промолчал.

— Придумывает, — сказал Трехгубый.

— И ничего я не придумываю! Живы у меня и отец и мать. Мне показалось, что Лена и Степка отодвинулись от него. Все долго молчали; было слышно, как скрипит старый вагон. Лена зашмыгала носом.

— И ты не хочешь к ним возвратиться? — спросила она.

— Нет, не хочу.

— Почему?

— Они у него ссорились все время, поэтому он и сбежал, — сказал я.

— Да и попутешествовать хочется. Дома сидеть скучно.

— Счастливый, — вздохнула Лена.

— Ага, — подтвердил Трехгубый.

— Чего это я счастливый? — удивился Валерка.

— Потому что тебе есть от кого бегать, — объяснила Лена. — Ты всегда можешь к ним вернуться, или они тебя разыщут.

В это время по вагону разнесся клич Андрея Андреевича:

— Собирайтесь, ребята, подъезжаем к Виннице!

Трехгубый спрыгнул вниз:

— Пойду узнаю, когда нас будут кормить.

Мы спустились на пол и остановились в забитом ребятами проходе. Степки не было: он пробрался в самый перед.

— Выходим попарно, строимся, и чтобы не разбежаться! — вновь прокричал Андрей Андреевич.

Стоявшие возле меня двое шустрых ребят перемигнулись и подтолкнули худенького конопатого пацана. Он обиженно посмотрел на них и покачал головой.

— Не хочу я никуда срываться, — громко сказал он.

— Замолкни!

Получив кулаком в бок, конопатый согнулся и тихо всхлипнул.

— Все равно не заставите, — прошептал он.

— За что вы его бьете? — рассердился я.

Конопатого я почти не знал, он всего неделю пробыл в нашей группе. А этих, чем-то напомнивших мне тех «зайцев», с которыми ехал из Симферополя в Джанкой, увидел сегодня впервые.

— Заткнись, — повернулся ко мне один из них. — А то и сам получишь.

Я не успел ничего сказать — Валерка ударил его кулаком прямо в нос. Взвизгнула стоявшая рядом девчонка — это парень после полученного удара больно наступил ей на ногу. Второй замахнулся на Валерку, я кинулся на него...

— Вы что здесь драку затеяли! — раздался сердитый голос помощника Андрея Андреевича. — Только и знаете, что хулиганить! Смотрите у меня!

— И ничего они не хулиганили, — вступилась Лена. — Эти вот, — она показала на наших противников, — ударили мальчика, а Валерка и Боря за него заступились.

Эвакуатор удивленно посмотрел на серьезную девочку, потом на всех нас и махнул рукой.

— Ладно, смотрите, чтобы больше мне не драться.

Медленно идущий поезд задрожал и остановился.

— Выходим! — раздалось спереди.

— Иди сюда, становись рядом с ней, — сказал Валерка конопатому. Тот уже отдышался, но все еще держался за бок.

— И не бойся, никто тебя больше не тронет, — успокоила его Лена.

Через несколько минут мы уже стояли на платформе, выстроившись вдоль вагона. Было темно. Звезды куда-то спрятались, а фонари светили тускло. К нам подбежал Трехгубый.

— Сейчас заведут на вокзал, там и поесть дадут.

— Попарно, попарно! — протрусил вдоль шеренги Андрей Андреевич. — Кушать хотите, а построиться не умеете.

— Подвинься, пацан, — Степа отодвинул мальчика и стал рядом с Леной.

— Нет, пусть стоит со мной, — сказала она. — А ты, Степа, будешь защищать нас с этой стороны.

— Защищать? — удивился Трехгубый. — От кого?

— Потом расскажу, — сказала Лена и обратилась к соседу: — Тебя как зовут?

— Степой, — ответил он.

Мы засмеялись.

— У нас уже есть один Степа, — сказал Валерка. — Будешь Конопатым, ладно?

— Ладно, — согласился он.

— А чего они к тебе приставали? — спросил я.

— Хотели, чтобы я пошел с ними к моей тетке и выпросил у нее денег. Она здесь живет, в Виннице. Но она с тремя детьми, сами перебиваются.

— Теперь будешь жить рядом, приходите в гости и галушками угощаться, — засмеялся Трехгубый.

— Нет, нас здесь держать не будут, вот увидите. Сам слышал, развезут по сельским детдомам.

— Вот и хорошо! — воскликнул Валерка. — Там сады, огороды, яблоки, огурцы...

— Да помолчите, ребята, — попросил подошедший эвакуатор. — Вы все шумите, я вас никак пересчитать не могу.

Выдохнув лишний пар, паровоз тронулся с места и потащил за собой вагоны. Они важно простучали мимо нас и скрылись в темноте. А мы, считанные и пересчитанные, пошли, наконец, к серому зданию вокзала.

Утро солнечное, но ветер холодный. Озябшие, идем длинной цепочкой по улицам Винницы. «Не растягиваться, не растягиваться», — все время прикрикивают эвакуаторы. Только Андрей Андреевич топает впереди с рюкзаком на плечах и даже не оглядывается. Он и его помощники сегодня сердитые, и мы стараемся не отставать друг от друга.

Ночью с вокзала убежали те шустрые ребята, с которыми мы подрались. Как они ухитрились — непонятно. Кто-то ведь не спал, смотрел за нами, и вокзальный милиционер часто заходил в зал. Наверное, под скамейками проползли.

Заодно и торбу у какой-то тетки украли. Она спохватилась не скоро, перед рассветом. Мы проснулись от ее крика. Она стояла возле отведенного нам угла и обзывала нас бандитами и прочими непотребными словами. Мы не сразу поняли,

в чем дело. Смотрели спросонья на ее разъяренное лицо, на сползший с головы цветастый платок. А потом кто-то из ребят крикнул:

— Сама дура!

— Спекулянтка! — пропищала Лена.

Тут почти каждый стал подбрасывать по слову, по два, поднялся такой шум — трудно было что-то разобрать. Тетка растерянно мотала головой, открывала, как рыба, рот, но она была одна, а нас почти семьдесят.

Резкий милицейский свисток заставил всех замолчать. Стало тихо. Было слышно, как храпит в углу глухой дед. Андрей Андреевич величественно положил свисток в нагрудный карман и подошел к всхлипывающей женщине.

— В чем дело, гражданочка?

— Да вот, торбу с пожитками босяки ваши украли.

— А вы видели?

— Я спала. Торбу в руке держала, а эти разбойники утянули.

— Это не разбойники! — закричал почему-то тонким голосом эвакуатор. — Это сироты, и прошу вас не оскорблять, ясно?!

— А ты на меня не ори! — взъерепенилась тетка. — И не такие кричали...

— Ладно, — перебил ее эвакуатор. — Идите смотрите.

Нас заставили подняться. Женщина обошла весь угол, заглянула даже в торбы с сухим пайком, а в это время, шевеля губами, эвакуаторы пересчитывали всех. Но в этой сутолоке не так-то просто было посчитать. Поэтому они, кажется, ничего не заметили.

Не найдя своей торбы, женщина снова расплакалась и ушла с милиционером. Нам была дана команда спать. Эвакуаторы тоже ушли. Остался один Андрей Андреевич. Он свернул длинную самокрутку, отошел к полуоткрытому окну и задымил, как труба.

Утром нас завели в привокзальный скверик, покормили, а потом, собрав всех вокруг себя, Андрей Андреевич неожиданно произнес такие необыкновенные слова:

— Знаете, ребята и девчата, вот честно, как на духу, скажите правду: кто из вас надумал бежать? Не бойтесь, отпущу, солдатское слово даю, отпущу! Идите, беспризорничайте, потом вы к нам обязательно вернетесь. Ну, есть желающие?

Если они и были, то никто эвакуатору не поверил.

— Был бы сейчас май или июнь, — прошептал Валерка.

И тут поднялся конопатый Степа.

— Ты хочешь?

— Нет. Только у меня тетя здесь. Можно мне ее повидать?

— А дяди нет? — ехидно спросил помощник эвакуатора, который вчера кричал на нас в вагоне.

— Дядя в партизанской могиле похоронен, — ответил Степа и добавил: — Вместе с батькой и мамкой.

Стало тихо.

— Извини, браток. Иди проведай родню. Дорогу знаешь?

— Знаю.

— Тогда приходи к пяти часам на это место, добрэр?

— Добрэр, — улыбнулся Конопатый и, не сказав больше ни слова, побежал по аллее.

Мы с завистью смотрели ему вслед. Я вспомнил о своей тете, о Нине Гавриловне, о Косте... И почему нас не привезли в Симферополь?.. Там тоже есть детские дома.

Хоть нам и разрешили потом побегать и поиграть, но никому не бегалось и не игралось. Тогда нас построили и повели куда-то по улицам незнакомого города.

— Мальчик, откуда ты?

Я не заметил, как подошла ко мне немолодая женщина с седыми волосами.

— Из Симферополя, — ответил я, удивляясь, почему она спрашивает именно меня.

— Знаю этот город, — кивнула она и улыбнулась, отчего ее большие, наполненные горем глаза — даже я это заметил, — на секунду просветлели. Я там была. До войны с мужем ездила в Ялту. Виноград, море, персики... Боже, что они с нами сдела-

ли!.. — Она быстро открыла сумку, достала небольшой кулечек. — Вот, возьми, — и быстро отошла.

Не знаю отчего, только я заплакал вдруг — нет, заревел! — и стыдно мне было, а все равно рыдал, прижимая к груди этот кулечек.

Потом, когда мы ушли далеко, я развернул его и увидел розовые с белыми полосками подушечки. Валерке, Трехгубому и мне досталось по четыре, Лене — шесть.

Никогда не забуду этих подушечек!

Глава девятая

В городе мы пробыли почти весь день. Сначала долго шли, а затем долго сидели возле какой-то конторы с большими окнами и толстой дверью. Старший эвакуатор с другими незнакомыми нам людьми решали в доме нашу судьбу. А мы больше всего боялись, что они оставят нас в городе. Желающих поселиться здесь были единицы, среди них и Лена.

Тут есть больницы, — объяснила она. — Заболеешь, тебе сразу операцию сделают, а из деревни пока довезут, десять раз умереть успеешь.

— Прямо вот так сразу заболеешь и умрешь! — возмутился Трехгубый. — Знаю, чего ты хочешь. Но не бойся, в каждом детском доме должен быть фельдшер. Будет тебе у кого учиться, а вырастешь — в академию пойдешь или куда там еще...

— В институт, — подсказал Валерка.

— Слышала, в институт! А в деревне зато лучше кормят.

— А если фельдшер будет плохой?

— Мы ему такое устроим, что он тебя сразу полюбит, — успокоил ее Валерка. — Зато на селе огороды, баштаны, сады с золотыми яблочками, — засмеялся он, — А главное, чтобы вместе в один детдом попали, да, Борька?

Я был с ним согласен целиком и полностью, но сказать об этом не успел. Открылась тяжелая дверь, появился эвакуатор, вытер распаренный лоб и полез в карман за кисетом.

Мы вскочили, подбежали к нему, окружили, спрашивая:

— Куда, Андрей Андреевич, здесь или в село?..

— А вы бы куда хотели? — хитро улыбнулся он, так как лично знал все наши планы.

— В село, в село!..

— Глупые вы, — покачал он пышной седой шевелюрой. — Думаете, там мармелад...

— Ну, скажите, куда, скажите?!

— Едем по селам.

— Ура! — завопили мы на всю: Винницу. — Ура!..

— Да тише, ребятки, тише!.. Мне здесь выдали талоны в столовую на обед...

Мы сразу стали послушными, как маменькины дочки. Быстро построились и припустили вслед за эвакуатором. Он, наверное, тоже проголодался — шел быстро, равномерным солдатским шагом, но мы не отставали. Ведь не в баню идем...

К вечеру поднялся ветер. Небо затянулось, тонкими серыми облаками. В скверике стало холодно, и Андрей Андреевич повел нас на вокзал, где нам отвели знакомый угол.

Ровно в пять один из эвакуаторов пошел за конопатым Степой. Его долго не было, а потом он вернулся один.

— Обманул, наглец, — громко произнес он.

Андрей Андреевич поднялся и куда-то ушел.

— Вот хитрый, а таким несчастеньким прикинулся, — проговорила сидевшая рядом с Леной девчонка.

— И неправда! — возразила Лена. — Может, он под трамвай попал, или его те хулиганы встретили и убили.

Мы невесело рассмеялись. Вообще-то Степка поступил неправильно. И не потому, что сбежал. Это его личное дело. Мы люди беспризорные, вольные, можем делать все, что захочется. Плохо, что он подвел хорошего эвакуатора, но самое худшее — это то, что он воспользовался именем погибшего отца-партизана. Нечестно выбирать для побега такой подлый способ.

Уже темнело. Мы сидели тихо, всем хотелось спать. Может, мы бы и задремали, но в зал ввалилась толстая тетка с большим мешком и торбой. Тяжело дыша, она опустила свою ношу рядом с нами, уселась на мешок, отдышалась, а потом полезла в торбу, достала круг домашней колбасы и ломоть белого хлеба. Мы заволновались. Такой аппетитно пахнущей чесноком колбасы давно уже никто не пробовал.

Откусив кусок, тетка обратила на нас внимание и стала поочередно разглядывать каждого. Мы старались не смотреть на нее, но краем глаза все равно видели неторопливо перемалы-

вающие пищу челюсти. Когда же она, наконец, проглотит эту проклятую колбасу?! Так и подмывало устроить ей какую-нибудь пакость.

Спасение пришло от Андрея Андреевича. Он хмуро посмотрел на жующую тетку, которая уставилась на него бараными глазами, словно никогда не видела одноглазых, и сердитым голосом приказал подниматься. Мы быстро построились и молча последовали за эвакуатором.

— Сиротки, горемычные! — вдруг запричитала тетка.

— Не вякай, харя кулацкая! — крикнул проходивший мимо нее пацан.

— Зарэжу! — выпучил глаза Валерка.

— А-а-ав! — страшно искривил лицо Трехгубый.

Тетка открыла рот, но из ее горла не вырвалось ни звука. А когда она пришла в себя и стала бешено ругаться, мы уже выходили на перрон.

— Холодно, — поежилась Лена. — Как бы не простудиться.

Мы молча согласились с ней, но тут же забыли об этом, увидев конопатого Степу. Рядом с ним семенила невысокая простоволосая женщина в солдатском бушлате.

— Степа! — крикнула Лена. — Степка!..

Он широко улыбнулся, неожиданно подпрыгнул:

— Я с вами не поеду, буду с тетей жить!.. — Они подошли к эвакуатору. — Не ругайтесь, что запоздали...

— Да, не надо сердиться, — подхватила маленькая женщина. — Это я его задержала, да и не я вовсе, а то, что мы пробегали весь день по разным начальникам. Ой, что я говорю! Вот бумага вам, по ней вы должны отдать мне племянника и его документы. Никуда я его не отпущу! Хоть и трое у меня, да ничего, где троим, там и четвертому лад. Степушка весь в покойного брата моего, разве я его брошу?!

Андрей Андреевич прервал ее самым неожиданным образом: взял под мышки, приподнял и громко поцеловал.

— Ой, люди добрые, да что он делает?!

— Все верно, сестра. Спасибо тебе от бывшего солдата.

Забирай своего племянника! Плохим у тебя не вырастет.

— Богом клянусь, мачехой ему не буду!

— Ну и молодчина! — Эвакуатор полез в свой планшет. —

Пойдемте до свету, я вам документы отдам, а ты, хлопчик, постой здесь, да с товарищами попрощайся, они за тебя тоже переживали.

Степа повернулся к нам.

— Вот, я остаюсь, — смущенно улыбнулся он.

— Счастливый! — сказала Лена.

— Повезло тебе, — вздохнул Трехгубый.

— Да чего там, — усмехнулся Валерка. — Зато в детдоме на всем готовом, а здесь помогать надо, может, еще и тарелки мыть.

— Мне это совсем не страшно, — сказал Степа.

— Если бы у меня была тетя, я бы ей каждый день тарелки мыла.

— И я, — поддержал Лену Трехгубый.

Держа в руке жезл, на перрон вышел в черной форме железнодорожника дежурный по станции.

— Приготовиться к посадке! — предупредил Андрей Андреевич.

Где-то совсем недалеко грустно закричал паровоз...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Мы вышли из поезда и двинулись за Андреем Андреевичем, несущим на плечах полупустой рюкзак. Из вагона на наши головы неслись проклятия. Это кричала бабка, у которой Валерка разрезал кусочком стекла мешок с семечками.

— И чего она так кричит? — удивился шагавший рядом со мной рыжий пацан. — Семечки уже у нас в кармане.

На одноэтажном здании вокзала я прочитал короткую надпись: «Мончак». Никогда не слышал названия этой станции, а теперь придется, наверное, в этих местах жить.

Нас осталось всего девять человек. Остальных уже поселили в пяти детдомах. Помощники Андрея Андреевича отправились обратно в Киев, а нам еще предстояло куда-то ехать.

Обойдя здание вокзала, мы увидели перед собой голую равнину и проложенную через нее узкую каменистую дорогу. Далеко-далеко, в мутной дымке, плавали крыши домов.

«Неужели мы пойдем пешком?» — испугался я.

Эвакуатор посмотрел, как и мы, вдаль, тяжело вздохнул и молча зашагал к небольшому дереву, возле которого сидели на скамеечке женщины. Потолковав с ними, он вернулся и жестом приказал следовать за ним. У деревянного забора Андрей Андреевич сбросил рюкзак, снял свое кожаное пальто и присел на корточки. Мы сделали то же самое. Все устали, хотелось поскорей определиться и дать отдых больше всех утомленному эвакуатору.

— Будем ждать автобус, — сказал он.

Каждый выразительно посмотрел на рюкзак: мы еще не завтракали, а семечки не в счет. Андрей Андреевич достал из рюкзака солдатскую флягу, вылил из нее воду и послал меня набрать свежей.

Поезд, в котором мы приехали, собирался двигаться дальше — впереди пыхтел паровоз, и проводники, держа в руках желтые флажки, стояли возле открытых дверей. Вынырнувшие как будто из-под земли безбилетники разместились на своих местах, а неопытный пацаненок устроился на ступеньке первого вагона. Проезжая мимо меня, он махнул рукой и что-то прокричал. Я отвернулся, стал искать глазами колодец и увидел бегущего по перрону эвакуатора. Заметив меня, он тут же остановился, поправил гармошку хромового сапога и медленно подошел ко мне.

— Набрал воды?

— Еще нет.

— Хотел убежать?

Я промолчал и посмотрел на превратившийся в точку последний вагон.

Эвакуатор взял меня за руку и повел в сторону высокой ивы; в ее тени изогнутую трубу крана было почти не видно.

— Хочешь ты этого или не хочешь, а жить, Борис, надо с одними и теми же людьми, — сказал он серьезным голосом. — Тебе трудно пока еще уловить главное, но поверь, человек не блоха, он не должен прыгать с места на место. В жизни, как и на войне, — всюду люди, и самые разные. Запомни, плохих везде меньше. Не дружи с ними, беги от них. Держись за хороших, добрых, они тебе худого не сделают никогда.

Он первым подошел к крану, крутанул колесико, и я подставил под широкую струю флягу.

Автобус — обыкновенная полуторка с синим кузовом, двумя грязными оконцами и продавленными сиденьями — тарахтя и по-козлиному подпрыгивая, привез нас в Мончак во второй половине дня.

Мы вышли возле базара, совсем уже пустого, если не считать толстой тетки, торгующей у входа семечками, и бегающих между прилавками полудохлых котов.

Андрей Андреевич приказал нам построиться. Мы нехотя повиновались. Детдом должен быть совсем рядом, так нам объ-

яснили в автобусе. И действительно, через пять минут мы уже стояли возле зеленых ворот.

Молодой солдат с деревянной култышкой вместо ноги открыл калитку и уважительно посмотрел на орденские колодки эвакуатора.

— Здравствуй, земляк, — поздоровался Андрей Андреевич.

— Здоров, служивый. Все еще воюешь?

— Как и ты, на другом фронте.

— Тогда заходите, милости просим.

Безногий солдат пропустил нас и закрыл калитку на засов.

— Подождите здесь, — сказал он нам, — а мы по начальству сходим.

Мы очутились в пустынном дворе, огороженном каменной стеной, вдоль которой были аккуратно сложены толстые бревна. Слева стоял высокий двухэтажный дом с большими окнами. Напротив — здание столовой, я это понял по запаху. Мы прошли с Валеркой вдоль столовой, со стороны базара двор был отделен длинным сараем, а с улицы — металлическими прутьями.

— Не нравится мне этот Мончак, — сказал Валерка. —

Почти как в детприемнике.

К нашим мы вернулись как раз вовремя. Через минуту к нам подошли чем-то недовольный Андрей Андреевич и красивая, с тонкими бровями и светлыми в локонах волосами женщина. На ней был такой нарядный костюм, что девчонки от зависти пооткрывали рты.

— Здравствуйте, дети, — пропела она сладким голосом. — Поздравляю вас с прибытием в наш детский дом. Зовут меня Светлана Сергеевна, я буду у вас старшей пионервожатой.

— Здравствуйте, — нестройно ответили мы.

Андрей Андреевич поправил на голове повязку и монотонным голосом проговорил:

— Здесь остаются Алешин, Максимов, Лавиньон, Любченко и Денюкова.

— А мы?! — воскликнули Лена и Трехгубый.

— Вас я отвезу в Зеленое.

— Тогда и нас в Зеленое, — сказал я. — Мы хотим с Леной и со Степкой.

— Дети, да как вам не стыдно! — всплеснула руками пионервожатая. — Вас направили в самый лучший детский дом, а вы хотите променять его на другой!

— Мы не хотим расставаться с нашими друзьями, — сказал Валерка.

— Извините, ребята, — развел руками эвакуатор. — Я ничем не смог вам помочь.

Лена всхлипнула, Трехгубый плотно сжал губы. Я растерянно смотрел на них. Мы так привыкли друг к другу, не верилось, что сейчас расстанемся.

— Пойдемте, дети! — нетерпеливо сказала Светлана Сергеевна.

Она повернулась и пошла в сторону двухэтажного дома. За ней потянулись девчонки и рыжий пацан с чудной фамилией Лавиньон.

— Андрей Андреевич, возьмите нас с собой, — попросил Валерка. — Мне здесь не нравится.

— Что вы хнычете! — рассердился эвакуатор. — Вы прошли уже Крым и Рим и медные трубы, и если ваша дружба так крепка — переписывайтесь, а потом встретитесь. Все! Марш к директору!...

Мы неохотно повернулись и пошли вслед за остальными.

— Живите радостно! — пожелал нам Андрей Андреевич.

Мы были так воспитаны, что не догадались сказать ему «спасибо». Но через час, прыгая от восторга, я благодарил его за то, что он привез меня именно в этот детский дом.

В кабинете директора нас усадили на мягкие стулья. Директор — высокий, совершенно лысый мужчина, одетый, как министр: костюм, галстук, белая рубашка. Перелистав сопровождавшие нас бумаги, он четким командирским голосом произнес:

— Поздравляю вас, дети, вы попали в очень хороший детский дом. Надеюсь, вы будете достойными воспитанниками, а мы,

в свою очередь, постараемся заменить вам родной дом. Зовут меня Валентин Никанорович, фамилия запоминающаяся: Осипов. Впрочем, — улыбнулся он, — вы все равно будете называть меня Лысым. Ваш брат без этого не может, верно я говорю?

Мы промолчали.

Директор поднялся:

— Сейчас у нас по расписанию час самоподготовки.

До ужина вы успеете помыться под душем. В столовую каждый пойдет со своей группой. Ясно?

— Так точно, — ответил за всех Рыжий.

Валентин Никанорович одобрительно кивнул.

— До конца учебного года осталось два месяца, поэтому вы снова пойдете учиться в те классы, которые закончили.

Это вам поможет вспомнить пройденный материал.

Я вздохнул. Для меня в школе один год был потерян. Директор открыл дверь:

— Ирина Петровна, войдите!

В кабинет вошла коротко постриженная женщина с серым лицом и в сером платье.

— Здравствуйте, дети, — сказала она низким хриловатым голосом.

— Отведите их в душ и скажите кастиелянше, пусть их переоденут. — Директор повернулся к нам: — У вас есть ко мне вопросы?

Вопросов не было...

В новых черных штанах и байковых рубашках Рыжий и я стояли во дворе возле умывальников и с восхищением смотрели на пацана, державшего в руке настоящий горн. В белой рубашке, с красным галстуком горнист важно прохаживался возле открытых дверей. Нас он старался не замечать.

— Задавака, — сплюнул Рыжий.

Я промолчал. Лавиньон Эрнест Петрович — такое у Рыжего пречудное имя и фамилия. Меня направили с ним в среднюю группу. Сам виноват. Надо было сказать, что закончил не два, а три класса. Я бы тогда попал вместе с Валеркой в старшую группу.

И с воспитательницей не повезло. Ирина Петровна не кричала на нас, наоборот, разговаривала тихим, голосом и даже разрешила подольше поплескаться под душем. Но ведь некрасивая! Такие — я это слышал от старших пацанов — всегда очень злые.

Странно, я думал о ней, а она в это время вышла во двор, зажмурилась, потом повернулась к горнисту и махнула ему рукой. Тот набрал полную грудь воздуха, вытаращил глаза — вырвавшиеся из трубы звуки донеслись до самой станции. Сразу же из открытых окон послышались крики, смех, а через две-три минуты до двор вылетела малышня и рассыпалась по двору. Вслед за ними в дверях показался одетый, как горнист, светло-волосый мальчик с нежными розовыми щечками.

— Ирина Петровна, — пропел он, — Белов снова уроки учить не хочет.

Воспитательница сердито посмотрела на него и вздохнула:

— Хорошо, я сама с ним поговорю. А ты познакомься с новенькими, их направили в нашу группу.

Мальчик безо всякого интереса посмотрел на нас:

— Здравствуйте, — сказал он равнодушно. — Я у вас буду старостой. Детдом у нас образцовый, за нарушение дисциплины строго наказывают. Зовут меня Игорь, а вы откуда?

— Из Киева, — буркнул Рыжий.

Я промолчал. Мне совсем не хотелось говорить с этим попугаем.

— А ты почему не отвечаешь? — спросил меня староста.

— Меня привезли из Киевского детприемника, — проговорил я.

Рыжий довольно засопел, а Игорь посмотрел на меня с неудовольствием.

— Та-ак, — протянул он.

Я демонстративно отвернулся. Тоже мне староста! Если здесь все ребята такие, то лучше всего бежать без оглядки. Но мои сомнения тут же рассеял чей-то смутно знакомый голос:

— Опять наябедничал воспитательнице!...

Я оглянулся и оцепенел! В белую рубашку Игоря вцепился...
неужели это мой друг, мой земляк, Вовка?!

— Сейчас я тебе покажу...

— Пусти, слышишь, я директору пожалуюсь, пусти!..

— Иди жалуйся, узнаешь тогда!..

— Не буду! — заверещал староста. Он дернулся, с рубашки посыпались пуговицы, треснул ворот. Вовка отпустил старосту и посмотрел на Рыжего и на меня.

— Ой! — взвизгнул он, словно ему заехали по затылку. Глаза у него сделались круглыми, нижняя губа отвисла; он растерянно глядел на меня.

— Вовка, — проговорил я с трудом.

— Борька!..

Жалко, что мы не девчонки. Можно было бы обняться и даже расцеловаться. Положив на плечи друг другу руки, мы пошли через заполненный ребятней двор, выискивая укромный уголок.

— Нет, Борька, такое только на фронте, бывает, правда?

— Правда, — подтвердил я.

Мы обошли столовую, уселись под деревом и устали друг на друга. Вовка повзрослел, почти сравнялся со мною ростом, окреп. Глаза у него по-прежнему оставались большими и синими, а короткие волосы — светлые и жесткие — стояли торчком.

— Ты, Борька, стал как взрослый, глаза у тебя умные, будто ты учитель.

Я засмеялся. Мне было так хорошо!..

— Ты лучше скажи, куда ты в Курске пропал? Я тебя звал, искал, — я искоса посмотрел на двух прибежавших ребят, их невозможно было прогнать: они были на голову выше нас. К счастью, они спрятались за соседним деревом и стали курить. Вовка придвинулся ко мне и зашептал:

— Я в тех развалинах заблудился. Все куда-то разбежались. Представляешь: темно, страшно. Куда ни сунусь — отовсюду свистки. Ну, думаю, конец! Поймают и прямо в колонию потащат. Тогда я забрался в какой-то подвал, а там один бандит

прятался. У меня чуть сердце не разорвалось, когда он меня за горло схватил. Хорошо, что вовремя отпустил, а то сейчас бы ты со мной не разговаривал.

— Вот это да! — восхитился я. — Ну а что потом?

— Он меня обо всем расспросил, хлеба дал, а утром пообещал довезти до самой Москвы, но только чтобы я от него никуда не убегал. «Если сорвешься, — говорит, — найду и живым в землю закопаю». Он бы так и сделал, — расширил свои глазища Вовка. — Здоровый и толстый, а руки в наколках. Я весь день просидел в подвале один. Вечером он пришел, накормил меня, а потом, нет, ты никогда не догадаешься! — воскликнул он. — Дядя Яша, он говорил, что его так зовут, — принес мне самый настоящий костюмчик, рубашку и черные ботинки. И где он все это достал?!

— Раздел кого-нибудь или украл.

— Не знаю, он только об одном меня просил, чтобы я его называл папой. Я так и делал, зато на мой костюм даже в Москве пацаны смотрели и завидовали, во!

— Все-таки добрался до Москвы, — с завистью сказал я.

— И на метро катался, и на лифте, — похвастался Вовка.

— А это что такое?

— Ящик такой большой, деревянный. В него десять человек может войти, чтобы в доме по ступенькам не подниматься.

Лифтерша нажимает на кнопку, и этот ящик едет себе наверх и останавливается как раз там, где тебе надо. Мы нашли теткин дом, адрес я все-таки не забыл, квартиру тоже.

— И ты жил у тети?

— Нет, — Вовка поскуучнел и сердито постучал кулаком по жесткой коре дерева. — Тетка уехала на Дальний Восток. В доме жила ее родственница. Взять меня не захотела, у самой двое таких, как я, сказала, что может отправить в детдом. Я туда и без нее попал.

— А этот дядя Яша?

— Он не дождал меня, привел и ушел. Ему я был нужен для прикрытия. Кто догадается приставать к человеку, если он едет вместе с сыном? Это я уже потом докумекал, в детдоме.

— Здесь?

— Да нет, — махнул он рукой и подскочил: — Пошли поужинаем, первоклашки уже вышли.

Мы побежали к столовой. Возле дверей стояла Ирина Петровна.

— Заходите скорей, — сердито сказала она.

Столовая оказалась небольшим залом со сценой, закрытой розовым бархатным занавесом. Группа сидела за длинным столом, по одну сторону девочки, по другую — мальчики. Мы втиснулись в середину.

Вошла воспитательница:

— Кажется, теперь все. Знакомьтесь, дети, еще один ваш новый товарищ Боря Алешин. Он, как и Вова Белов, тоже из Симферополя. Будем надеяться, Борис благотворно повлияет на своего друга, поможет ему в учебе и наша группа станет передовой.

Все смотрели на меня с любопытством, я старался не отрываться от стола глаз, но ужин съел без всякого стеснения. Вовка, пропустив мимо ушей слова воспитательницы, жевал и одновременно рассказывал о своих дальнейших приключениях. С ним случилась обычная история. Его поймали на Красной площади (счастливчик — на Кремль посмотрел!) и отправили в Калининский детдом. Зимой он там так намерзся, что в конце февраля сбежал с тремя ребятами на Кавказ. В Виннице его опять забрали в милицию, и, минуя детприемник, Вовка очутился здесь.

— Тут я не останусь, — говорил он, когда мы вышли из столовой. — Этот образцово-показательный детдом набит ябедами и любимчиками. Чуть что, сразу же бегут докладывать Лысому. А староста такой гад, его даже Ирина Петровна не любит. И зачем я убежал из Калинина? У нас ябедников презирали, а здесь их старостами назначают.

— Ой, Борька, теперь ты рассказывай, что с тобой было?

Мы вернулись к старым грушам. Розовые лучи клонившегося к земле солнца проходили сквозь прутья, удлиняя в несколько раз каждый предмет. С каким нетерпением я ждал зимой в

детприемнике это теплое весеннее солнце!.. И прежде чем начать свой рассказ, я твердо произнес:

— Только ты, Вовка, запомни: никуда я больше убежать не буду. Человек не блоха, он не должен прыгать с места на место. Вот когда вырастем, заработаем тысячу рублей, на купим чемодан подарков и приедем в Симферополь настоящими людьми.

Примерно эти же слова, помня наказ Андрея Андреевича, я повторил в начале лета Валерке, когда он стал подбивать меня на побег. «Поехали в Крым, к морю, — уговаривал Головастик. — Оттуда махнем на Кавказ. Попутешествуем...»

Ему легко было говорить и бежать на все четыре стороны: у него были отец и мать и даже бабушка в Новосибирске. Просто ему еще не приходилось голодать до головокружения и кормить вшей. А когда он все это испытает на собственной шкуре, то как миленький вернется домой — какой, скажите, дурак откажется от своих родных, когда тысячи твоих сверстников никого не имеют.

Много позже я узнал, что именно так и закончилась Валеркина жизнь «беспризорника»...

И все-таки жалко было расставаться с Головастиком. Вовка, Рыжий и я оставили с обеда и ужина свои порции хлеба и вручили ему после вечерней проверки, когда он перелезал через забор.

На следующее утро всем стало известно о побеге Головастика. Рыжего и меня вызвали к директору. Старшая пионервожатая Светлана Сергеевна горячо уверяла Лысого, что нам заранее все было известно. Но мы ни в чем не признались.

А Валерку так и не поймали. Говорили, что кто-то из взрослых с утра поехал на станцию, продежурил там весь день, но вернулся один. Этого следовало ожидать. Если бы мне пришлось бежать из детдома, я, не раздумывая, сел бы на первый попавшийся поезд.

...Я не знал тогда, что наступит время и мне тоже придется на этой самой станции садиться в идущий неизвестно куда товарняк...

Глава вторая

Отделившись от группы, Вовка, Рыжий и я лежали на берегу неширокого ставка и обсуждали две очень важные проблемы. Надо было незаметно улизнуть от воспитательницы, а потом суметь забраться в тщательно охраняемый фруктовый сад, где уже начали желтеть крупные абрикосы.

Подняться и уйти нельзя. Ирина Петровна разобидится. Мы и так вчера устроили в спальне бой подушками, и она хоть и наказала нас, но директору, который всегда интересуется малейшими проступками, ничего не сказала. Я был не прав: воспитательница у нас хорошая и справедливая. И муж у нее замечательный: на груди два ордена Красного Знамени. У Рыжего на стройке районного Дома культуры, где он работает, объявился земляк, тоже из Вапнярки. Дядя Жора недавно демобилизовался и приехал к своей невесте в Мончак. Он рассказал нам, что Ирина Петровна воевала, была тяжело ранена и долго лежала в госпитале. Вот почему мы и не хотим подводить воспитательницу.

Купаться нам надоело, вообще вода надоела: утром мойся, перед «мертвым часом» тоже мойся и перед отбоем обязательно мойся. Всюду должен быть порядок, все должны выглядеть аккуратно. Из-за этой аккуратности боишься лишний раз приесть. Я иногда смотрю на нашего старосту и удивляюсь: как это он может быть всегда таким чистеньким? Мы все уже немножко подзагорели, а он по-прежнему белый, как бумага. Даже сейчас, когда спину обдувает ветерок, а солнце притушили тонкие полупрозрачные облака, Игорь запрятал себя в тень невысокой ивы — сидит на камешке и гордо смотрит сквозь всех.

Вовка перевернулся на спину и подставил солнцу голый живот.

— Как хорошо лежать на солнышке, — промурлыкал он. — Никаких тебе уроков, никакой арифметики.

Я вздохнул. Мне скоро исполнится десять лет, а я как закончил в Симферополе два класса, так больше не продвинулся ни на шаг. А Вовка меня догнал. Он учился во втором классе в

Калининском детдоме, потом здесь; Ирина Петровна взяла с меня слово, что я буду заниматься с ним. Вовка чуть не разругался со мной, зато с тоненькими-претоненькими троечками его перевели в третий класс.

Рыжий приподнялся, почесал пятку.

— Смотрите, пацаны, цыпочка со своими любимчиками топает.

Мы подняли головы. Окруженная ребятами старшей группы, к нам приближалась Светлана Сергеевна. Маленькая, с пионерским галстуком; если бы не красивый белый костюм и такого же цвета туфли, она бы ничем не отличалась от детдомовцев. В нашей группе никто, кроме Игоря ее не любил, даже Ирина Петровна через силу улыбалась ей. Нам не повезло: в отличие от остальных у нас всего один воспитатель, и директор приказал пионервожатой заниматься с нами каждый день. Ей этого совсем не хочется. Она собирает нас два-три раза в неделю и в течение целого месяца разучивает одну и ту же песню. Мы, конечно, давно уже запомнили слова и мотив, но после того, как она обозвала нас тупоголовыми, каждый старается петь кто в лес, кто по дрова. И даже староста помогает нам: у него никакого слуха. А «Светка» покрывается от злости красными пятнами и убегает в старшую группу. Там все взрослые: в пятый и шестой класс пойдут и даже в седьмой, некоторых в комсомол собираются принимать. С ними она находит общий язык. И самодеятельности у них — позавидуешь! Они недавно выступали в столовой перед детдомом: ребята и девчонки пели, плясали, разыгрывали сценки, а один пацан исполнял на аккордеоне «Амурские волны». Конечно, пионервожатой с ними интересней.

Подойдя к нашей группе, она громко, даже на том берегу было слышно, со всеми поздоровалась.

— Ирина Петровна, миленькая, — обратилась она к воспитательнице, учившей девочек плести из полевых цветов венки, — Валентин Никанорович просил вас зайти к нему по какому-то очень важному делу.

— А дети?

— А что с ними сделается?! Они, правда, не очень послушные, но от меня не убегут. Да и Игорешек поможет, — погладила она оказавшегося возле нее старосту.

Воспитательница сняла с головы зеленый веночек, взяла в руки тапочки и пошла босиком по траве к городу.

— Дети! — крикнула пионервожатая. — Далеко в воду не заходите!

После этого она уселась под ивой на камешек и стала что-то рассказывать окружившим ее ребятам. Рыжий и я залезли в воду, прошлись перед нею — бочком-бочком вдоль берега, потом выбрались и побежали в сторону неглубокой балки, где нас поджидал Вовка.

...Сад, куда нам так хотелось забраться, принадлежал церкви. Его так и называли: церковный сад. Но охраняли его не попы, а два сторожа с двустволками, заряженными крупной солью. Именно поэтому у нас хватило терпения больше часа пролежать в бузине, а затем благоразумно отступить перед «вооруженным до зубов противником».

Приближалось время обеда. Чтобы не опоздать, мы пробежали по тихому переулку, перемахнули через каменный забор, влетели во двор школы, оттуда на улицу — бегом к железной решетке, взобрались и слезли, как настоящие акробаты, и спрятались за поленьями, сложенными у противоположной стены.

В нашем дворе было тихо. Со ставка никого еще не привели, даже малышей.

— Опаздывают, — беспечным голосом произнес Вовка.

— Может, им обед туда повезли?

— Нет. Повариха возле одноногого стоит, тоже ждет.

Делать нечего, приходилось сидеть и прислушиваться.

Настроение испортилось: каждый чувствовал — нас ожидает наказание.

— Давайте побежим на ставок, — предложил я. — Как-нибудь пристроимся...

— Поздно, — сказал Рыжий. — Слышишь, уже идут.

Слух у него оказался самым тонким. Мы выглянули из-за дров: ворота были открыты, во двор входили малыши. Они тут же отправились к умывальникам мыть руки. Вслед за ними появились наши. Строй замыкали пионервожатая, Ирина Петровна и сам директор. Все почему-то шли молча, с постными лицами, словно возвращались с похорон. Точно такой вид был и у старших. Их, как и малышей, распустили, а нашу группу зачем-то построили посреди двора. Блестя лысиной, директор стал прохаживаться перед строем и что-то говорить.

— Давайте пристроимся — предложил Вовка. — Подойдем и встанем, а если спростят, скажем, что в уборную ходили.

Мы так и сделали. Выждав, когда малыши зайдут в столовую, а директор с воспитательницей окажутся возле стоявшего впереди старосты, мы, пригнувшись, подбежали к строю и, выдвинув вперед Рыжего, спрятались с Вовкой за его спиной.

Стоявшая последней сама красивая в группе девочка, Шура Северова, вдруг громко, ойкнула. Все повернулись в пашу сторону и тоже ойкнули. Мы успели только посмотреть друг на друга и тут же оказались в руках подбежавших взрослых. За меня ухватилась пионервожатая.

— Живы! — Она поцеловала меня, а потом отпустила и грозно спросила: — Где вы были?

— В уборной.

— В уборной, — сказали одновременно Вовка и Рыжий, которым был задан тот же самый вопрос.

Бац!.. Это хлесткая ладошка Светланы Сергеевны ударила меня по щеке.

— Негодяи! Я чуть не умерла из-за вас.

— Светлана Сергеевна! — вскрикнула воспитательница и крепко обняла меня.

— Ведите этих утопленников ко мне в кабинет, — приказал директор.

Выходит, нас считали утонувшими.

— Пойдемте, — сказала Ирина Петровна.

Возле двери Рыжий неожиданно рванулся влево, промчался мимо столовой и завернул к решетке.

— У-у, гаденыш! — Светлана Сергеевна топнула ногой, а потом вцепилась в меня и не отпускала до самого директорского кабинета.

— Входите, друзья, входите, — произнес директор самым доброжелательным голосом.

Делать нечего, я вошел первым, вслед за мной Вовка. Лысый закрыл дверь, тут же, без разговоров, схватил Вовку за уши и приподнял. — Мама!.. — завопил мой друг. — Мама!..

— Мама!.. — закричал и я, хотя до меня очередь еще не дошла.

Лысый отпустил Вовку и с сердитым лицом направился ко мне.

— Не троньте! — Я отбежал к столу. — Не надо, у меня уши порвутся! Я больше не буду!

Директор неожиданно улыбнулся, но мне все равно было страшно. И я действительно боялся, что мои тонкие, слегка лопоухие уши не выдержат тяжести всего тела и порвутся.

Вовка рыдал возле двери, а я бегал от директора вокруг стола и отчаянно визжал. Изловчившись, он все-таки поймал меня за руку, притянул к себе. Одна ладонь накрыла мое левое ухо, сейчас, несмотря на мои мольбы, вторая рука займет свое место, я повисну в воздухе и буду смотреть на «Москву...». Меня спасли громкие мужские голоса. Услышав шум, Лысый тут же отпустил меня. Дверь отворилась, и в кабинет вошли четыре запыхавшихся строителя в выгоревших гимнастерках. — Что вам здесь надо?!

— Сейчас узнаешь, тыловая крыса! — широкоплечий парень вплотную подошел к директору и схватил его за грудки. — За чем детей бьешь? Кто тебе дал право, отвечай?!

— Я их не бью, я их наказываю.

— За уши до потолка поднимаешь?! Сирот! Их отцы за тебя кровь проливали, а ты... — Он повернулся к нам: — Идите, пациенты, не бойтесь, вас никто здесь больше не тронет.

Мы с Вовкой выскочили из кабинета и наткнулись на Рыжего. Чуть в стороне, возле окна, стояла бледная пионервожатая.

— Я их на улице встретил, — шепнул Рыжий.

Мы прижались к директорской двери.

— ...это не ваши дети, а наши, всеобщие. Сирот — не обижать!..

— Может, прикажете их по головке гладить?! Меня в детстве поленом лупили — и ничего! А у нас святая обязанность: воспитать их кристально чистыми...

— Провинились, так накажи, но без мордобоя!

Лысый что-то ответил, но его перебили; они заговорили все разом — нельзя было ничего разобрать. Но мы все равно прислушивались и не заметили подошедшей воспитательницы.

— Идите обедать, — приказала она строгим голосом. — Светлана Сергеевна, отведите их в столовую.

Пионервожатая молча оторвалась от окна и быстрым шагом направилась к выходу.

— Идите, не топчитесь, — сказала Ирина Петровна и открыла дверь: — Что вы здесь шумите, золотая рота?..

— Теперь нам будет. — Вовка погладил свои пострадавшие уши.

— Пусть только попробует, — сказал Рыжий. — Видели, какой у меня земляк?

— Прима! — произнес я вошедшее в моду слово, означающее самую высокую похвалу. — Он Лысого как схватит за рубашку, да как трусанет!.. И правда, разве можно нас, сирот, бить? Он нам никакой не отец и даже не родственник. Теперь, если что, — сразу же к друзьям-строителям. Они нас никому в обиду не дадут...

Мы прославились на весь детдом. Даже старшая группа, по традиции не считавшая нас за людей, не пошла обедать, пока не разглядела нас со всех сторон. А вечером, перед отбоем, наша троица стояла рядом с директором посреди двора, и Лысый грозным голосом ораторствовал о недисциплинированных воспитанниках, портящих такой весь образцово-показательный детский дом. О наших защитниках он не заикнулся, хотя даже лежавшие в санчасти знали обо всем.

Не знаю почему, только мне было совсем не стыдно. Лишь перед воспитательницей мы чувствовали себя неловко. Ирине Петровне скорей всего крепко попало от директора, иначе она держалась бы с нами построже...

На следующий день купаться никого не повели. В нашу просторную комнату для игр решительно вошла Светлана Сергеевна и сразу же заставила нас троих сесть возле нее и обязательно молчать. Она надеялась, что без нас дело пойдет быстрее.

Вначале все повторили хором выученные слова: «Шел отряд по берегу, шел издалека, шел под красным знаменем командир полка...» Но, когда, не повинуюсь взмахам рук пионервожатой, снова начали петь кто в лес, кто по дрова, мы не выдержали и рассмеялись. Опустив руки, пионервожатая выбежала из комнаты. И если раньше все в таких случаях подавленно молчали, то теперь громко хохотали ей вслед.

Вышедший вслед за ней Игорек вернулся и передал, что Вовку, Рыжего и меня вызывает директор. Лысый встретил нас любезно и даже усадил на мягкие стулья.

— Ну, скажите честно, ребята. Все останется между нами, поверьте!..

— Пусть с нами Ирина Петровна занимается, — решил я.

— Ты это серьезно? — удивился директор.

— Да, — ответил я. — Она хорошая.

— И дураками не обзывает, — добавил Вовка и почему-то потрогал свои уши.

— А ты почему молчишь, герой? — обратился к Рыжему директор.

— А что я, — пробормотал Рыжий. — Мы в школе знаете как свою пионервожатую любили! А эта... за женихами бегает, и мы ей ни капельки не нужны.

Ай да Рыжий! Молчит-молчит, а потом как скажет — даже у директора лысина покраснела.

— Ладно, попробуем по-вашему.

После обеда мы спали, потом полдничали, а потом, не желая держать в помещении, воспитательница усадила нас под груша-

ми. Улыбаясь своим некрасивым добрым лицом, она, держа в руке потрепанный учебник по русскому языку, сказала:

— Дети, у меня нет никакого голоса. Слышите: я хриплю. Может, кто-нибудь из вас подирижирует? Хотя бы Шура Северова, она хорошо поет.

— И правда! — воскликнул Вовка. — У нее голос, как колокольчик.

— Подойди, Шурочка, ко мне, — сказала воспитательница.

Тонюсенькая Северова подошла к Ирине Петровне, воспитательница повернула ее к нам. Шура покраснела и чуть не расплакалась. Но мы все как один улыбались ей, и она заулыбалась тоже. А потом неожиданно звонким голосом скомандовала девочкам сесть впереди мальчиков и, когда мы расселись, вдруг запела:

*Шел отряд по берегу, шел издалека.
Шел под красным знаменем командир полка,
Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве.
Эй, эй, по сырой траве...*

Красиво она пела, взволнованно!..

— Стоп! — остановила она саму себя. — Сейчас пускай этот куплет пропойт одни девочки.

У девочек получилось.

Ирина Петровна отошла от Северовой, села возле решетки и открыла учебник.

— А теперь одни мальчики.

У нас получилось плохо. Шура подумала, затем пропела одну строку. Мы спели раз, второй, третий... И только на четвертый, заставив Игоря замолчать, смогли как положено...

Вечером, по собственной инициативе, за несколько минут до вечерней линейки, мы, довольные и охрипшие, слаженно прогорланили всю песню.

На следующий день нас повели на ставок.

Глава третья

Странно, летом и день длинный, и солнце досыта светит, а вот пролетают эти дни очень быстро. И ничего нельзя сделать! Не успеешь утром проснуться — уже вечереет.

Скоро в школу. Снова садись за парту и учи уроки. Рыжий боится: реже придется ходить к друзьям-строителям, Вовке школа до лампочки. Я тоже не хочу идти в школу... из-за книг. Когда я буду читать? В прошлом месяце Ирина Петровна попросила меня помочь ей отнести учебники. Она привела меня в дом своего знакомого, и у него я увидел на высоких полках сотни книг.

Хозяин, дядечка в железных очках и с трехцветной бородой: рыжие, седые и черные волосы росли друг возле друга, — сердитым и неприятным голосом стал рассказывать моей воспитательнице про какого-то Пифагора и совсем не обращал на меня внимания. Я тоже постарался его не слушать и очень удивлялся, что у Ирины Петровны такое робкое выражение лица.

Перед уходом, почтительно глядя на бородатого очкарика, она неожиданно попросила:

— Дайте, пожалуйста, почитать что-нибудь моему воспитаннику.

— Что именно? — спросил он и, посмотрел на меня, как на стеклянную дверь.

— Мне кажется, Борису очень понравится «Таинственный остров».

Я восторженно: само название говорило о чем-то необыкновенном.

— Вот увидите, я на книжке ни одного пятнышка не оставлю, я даже оберну ее.

После моих слов он подошел к полке и протянул мне большую толстую книгу. Я испугался. До сих пор мне приходилось читать сказки, а здесь...

И вот все время с книгой в руках, не доверяя ее даже Вовке и не желая больше воровать ни слив, ни яблок, с трудом выдержи-

вая время в столовой — злюсь на всех, что так долго едят, — я живу в совершенно новом мире, где все совсем не так, как в моей жизни. Я читал медленно, боясь пропустить слово. Воспитательница предупредила: дядечка обязательно устроит экзамен. Вечером, лежа в постели, пересказываю Вовке прочитанное и он, затаив дыхание, слушает о мужественных людях, попавших на незнакомый остров. Потом Вовка засыпает, я бужу его, продолжаю дальше, а он снова засыпает. Тогда я шепотом пересказываю себе все от начала... — и каждый раз пропаливаюсь в глубокий колодец...

Утром первым делом залезаю под подушку: не исчезло ли мое сокровище? Оно на месте, и я самый счастливый на земле человек!

— Прохвэсор! — злится Рыжий.

— Пускай! Все равно никуда не пойду.

Но в кабинет директора меня вызывают вместе с Вовкой и Рыжим. Директор не один: на краешке стула сидит незнакомая тетка и смотрит на нас злыми глазками.

— Эти? — спрашивает Лысый.

— Эти, — уверенно подтверждает она.

Мы возмущаемся!.. Рыжий с Вовкой бегали на стройку, а я в это время сидел на груше и читал — устроился на двух толстых ветках, с них не упадешь.

— Они, голубчики, они, я их, стриженных, давно заприметила. Не жалко яблочко, обидно, что ветку поломали.

После обеда, когда все отдыхают в спальнях, мы под присмотром Светланы Сергеевны бегаем — в наказание — вокруг турника и умывальников. Жарко! Но я все равно не расстаюсь с книгой: придерживаю ее рукой, чтобы не вылетела из-за пазухи. Мне осталось дочитать совсем немного.

Группа полдничает без нас. А после ужина, как и принято, снова стоим перед строем, и директор произносит речь о дисциплинированных воспитанниках, позорящих образцово-показательный (любит он эти слова) детдом...

После отбоя Рыжий предлагает устроить старосте темную. Игорьк знал, что они с Вовкой бегали к строителям, но никому об этом не сказал. Вовка и я согласны, только не сейчас. «Надо отомстить этой тетке», — говорю я.

На следующий день они уходят на разведку, а я влезаю на дерево и дочитываю последние страницы. Все! Мне радостно и почему-то тоскливо. Я снова открываю книгу и начинаю пересматривать картинки.

Приходят мои друзья. Тетка живет недалеко от школы. Сад у нее небольшой: четыре яблони, три груши, маленький огород. Хозяйство охраняет злая собачка: лает на каждого с такой злостью, будто она в сетях живодера.

Отобедав, мы вместе со всеми расстилаем свои постели, ложимся и сразу же «засыпаем». Минут через пятнадцать заходит пионервожатая. Пройдя вдоль рядов, она тихо закрывает за собой дверь. Я тут же вскакиваю, Вовка тоже, а Рыжий заснул по-настоящему. Пока мы его будили, проснулся староста.

— Вы куда?

— Не твое дело. — Вовка подбежал к его кровати. — Хочешь темную попробовать, да?

Игорь натягивает на голову простыню. Вовка возвращается к нам и подгоняет Рыжего:

— Чего ты копаешься?!

Рыжий, как облепленная слепнями лошадь, вертит из стороны в сторону головой, часто моргает выгоревшими ресницами и тяжело вздыхает.

На дворе солнце, в небе ни облачка. Пионервожатая сидит у девчонок старшей группы: что-то им рассказывает. Они живут на первом этаже, и нам приходится сгибаться под окнами в три погибели, а затем, попадая в поле зрения безногого сторожа, идти поодиночке через двор к забору. К счастью, он ничего не заподозрил, может, и не видел нас, а дремал.

Улицы, как и наш двор, пустынные. Словно во всем городке объявлен «мертвый час». И лишь за окнами двухэтажной школы раздается drobный стук молотка.

— Стучит, как дятел, — засмеялся Вовка.

— В третьем классе мы будем французский учить, — сказал Рыжий неожиданно заинтересованным голосом. — У них мама — маман, а папа — папан!

— А брат?

— Не знаю. А все-таки хорошо, что французский. Я бы немецкий не учил.

— Ни за что в жизни! — согласился я. — Пацаны рассказывали, что в Киеве есть специальные английские школы. Вот бы куда попасть!

— Нет, французский лучше.

— Почему?

— Мама говорила, он очень красивый. После русского, конечно.

— Она его знала?

— Немножко. У папы дед, кажется, был француз.

— Наверное, точно такой же рыжий, как и ты, — съязвил Вовка. — Хотя рыжих больше всего у немцев.

— Как заеду по зубам! — замахнулся Рыжий!

— Чего ты?! — Вовка отбежал в сторону.

— Будешь знать чего, — проворчал Рыжий. Его не раз обзывали немцем, как всех рыжих.

Обойдя школьный двор, мы вышли на тихую улочку. Вовка остановился возле покосившегося железного столба, подождал нас и предложил:

— Давайте пролетим мимо тех зеленых ворот и потом свернем в переулочек, а оттуда — в сад.

Сказано — сделано! В переулке, огороженном с двух сторон густо посаженной сиренью, листья которой от жары и пыли давно уже стали серыми, мы уселись на землю и стали осматриваться. Везде тихо. С левой стороны, за кустами, глухая стена дома. Справа — огород. За ним садик и дом. Если нас начнут ловить, убежать придется по улице: переулок не сквозной, в самом конце стоит белый домик с распахнутыми ставнями.

Знать бы, что через несколько минут один из нас останется без трусов, а двое будут замазывать грязью исцарапанные места, мы бы и думать забыли о своей мести.

— Где же ваша злая собака?

Рыжий и Вовка переглянулись.

— Может, она спит? — сказал я. — Ладно, поехали, надо успеть до подъема.

Я раздвинул ветки куста и по-пластунски полез в огород. Здесь было всего понемногу: кабачки, морковь, две-три тыквы и, конечно, помидоры и огурцы. «Нарвем на обратном пути», — подумал я, но не удержался и сорвал один огурец. По-прежнему было тихо. Мы добрались до широких яблонь. Да!.. Яблоки были чуть ли не с нашу голову. Таких я еще не видел. Была бы торба! Я поднялся, подпрыгнул и ухватился за кривую ветку, поддерживаемую с земли рогачом.

— Подвинься, — прошептал Вовка, прыгая вслед за мной.

Рыжий устроился на соседнем дереве. Мы быстро сорвали по нескольку штук. Дальше класть было некуда; майка отдувалась и чуть держалась под затянутой на трусах резинкой. Не спуская глаз с крылечка дома, где стояла собачья будка, я стал осторожно спускаться вниз. В это время в переулке слышались громкие голоса: мужчина и женщина, о чем-то споря, направились к дому с открытыми ставнями.

— Тихо, — шепнул я и прижался к стволу. Но Вовка засуетился, ветка под ним закачалась, державший ее рогач наклонился, и я почувствовал, как напрягся под моими босыми ногами рукав дерева. И если бы Вовка стоял рядом со мной, может, ничего бы и не случилось. Но ветка хрустнула у него под ногами, и он, испуганно вскрикнув, грохнулся вместе с рогачом на землю.

— Кто это там у Марии шумит? — раздался из переулка женский голос.

— Сейчас поглядим, — ответил мужчина. Он раздвинул кусты, увидел покалеченную ветку и страшно закричал: — Ах вы бандюги несчастные, зачем же дерево сломали!

— Воры! — визгливым голосом завопила женщина. — Воры!..

Если бы не она, то мы бы так и остались стоять, как парализованные. Но ее крик продрал нас до самых пяток, и мы одновременно бросились в разные стороны: Рыжий через огород в переулок, а я с Вовкой через двор к воротам. Мужчина за нами. От страха наши ноги отталкивались от земли быстрее; я успел приподнять щеколду, дернуть бронзовую ручку и вылететь на улицу.

— Мамочка! — раздался за моей спиной отчаянный крик.

Я оглянулся. Из открытой калитки торчала рука, которая держала трепыхавшегося Вовку. Мужчина все-таки успел схватить его за трусы.

— Ой, держите!.. — раздался женский крик.

Из переулка вылетел Рыжий.

— Мамочка! — снова завопил Вовка.

Яблоки сыпались к его ногам, а он тянулся вперед, словно пытался вытащить из ворот всего мужика. Пробежавший мимо Рыжий неожиданно остановился, схватил Вовку за протянутую руку и дернул на себя.

— Мамочка!..

Увидев все ту же руку, а в ней одни лишь Вовкины трусы, я остановился. В это время из переулка выбежала женщина. Я помчался мимо лающих дворов, но Вовка обогнал меня, и теперь его голый зад, блестящий на солнце, как начищенный казан, был для меня и Рыжего путеводным знаком.

Через забор мы перемахнули в одну секунду и вбежали в уборную.

— Что я буду делать? — захныкал Вовка.

— Потом придумаем, давай в спальню пробираться.

До корпуса добежали благополучно, а возле самых дверей встретили Шуру Северову. Увидев Вовкин пейзаж, она страшно покраснела и побежала обратно. А мы по лестнице, бегом, через ступеньку — к себе в спальню.

Нас встретил сидевший на окне староста. Не обращая на него внимания, одновременно забрались под свои простыни.

— Что я буду делать? — повторил свой вопрос Вовка и заплакал. — Лысый меня из детдома выгонит, вот увидите.

— Да замолчи ты, пацанов разбудишь, — зашипел Рыжий и протянул ему яблоко. — Съешь.

Вовка оттолкнул его руку:

— Не буду.

Игорь слез с подоконника, и я увидел, какими голодными глазами он смотрит на отвергнутое Вовкой яблоко: фруктами нас почему-то баловали редко.

— Игорь, иди сюда, — позвал я.

Он тут же подошел к нам.

— Хочешь?

Староста сглотнул слюну и покраснел.

— Бери, — я протянул ему самое красивое яблоко.

Вовка и Рыжий вытаращили глаза,

— Спасибо.

Игорь тут же стал есть.

— Хочешь, все отдадим?

— Да ты что?! — у Вовки от возмущения высохли глаза.

— Слушай, Игорь, у тебя есть голубые парадные трусы?

— Есть, а что? — испуганно спросил он.

— Да ты не бойся, нам они не нужны. Я только хотел попросить тебя, чтобы ты их надел.

— Зачем?

Я протянул ему два яблока, и он их взял.

— Ты эти черные снимешь, а голубые наденешь, вот и все.

— Ой, правда, давай! — подскочил Вовка. — А я потом что-нибудь придумаю, хорошо, Игоречек?

— А если у меня спросят?

— Да никто у тебя ничего спрашивать не будет! — Рыжий протянул ему последнее яблоко.

— Ты же их надеваешь на торжественную линейку или когда в город отпрашиваешься.

Игорь подумал-подумал и согласился.

...После полдника к нам подошла воспитательница. Ее не было с нами почти два дня, и мы очень по ней соскучились. Все-таки она у нас лучше всех. Тихая, спокойная, никогда не кричит, мы ее слушаемся больше, чем даже Лысого. Его мы боимся, а Ирину Петровну любим.

Она внимательно осмотрела все наши царапины и спросила:

— Где это вас носило?

— На грушу лазили и чуть не упали, — сказал Вовка.

— Там же ничего нет, вы их еще зелеными съели.

— На самой верхушке пряталась одна. — Вовка смотрел в землю. — Большая такая и спелая.

— Спелая?! — Ирина Петровна неожиданно обняла нас всех. — Эх вы, золотая моя рота! Нравится вы мне. А вот учиться по-настоящему будете?

— По-настоящему! — дружно ответили и Вовка, и Рыжий, искренне веря в эту минуту своим словам.

— Только смотрите, чтобы по правде. Сами потом жалеть будете.

— А у вас, наверное, два института, — серьезно сказал Вовка.

— С чего ты взял? — воспитательница изумленно посмотрела на него.

— А вы с книгами все время ходите. Вам бы еще очки, так настоящий профессор.

— Правда?

— Правда, — подтвердили мы.

И она рассмеялась звонким, разнесшимся по двору и заглушившим все остальные звуки смехом. Никто из нас не подозревал, что Ирина Петровна может так громко и весело смеяться. Казалось, даже ласточки, которые взмывали к разбросанным на небе серым тучкам и стремглав летели к слепленным под черепицей гнездам, закрыли свои клювы и прислушивались к ее голосу. А потом словно топором ударили по струнам: Ирина Петровна выхватила из кармашка платок и закрыла им губы. Она кашляла долго, с надрывом.

— Меня в грудь ранило, — пожаловалась она.

— Осколком? — спросил Вовка.

— Сначала пулей, а когда к медсанбату несли, — осколком. Говорили, что я в рубашке родилась, а вчера доктора смотрели меня и приказали немедленно лечиться. Вот так, мальчики мои...

— А как же мы?! — воскликнул я, не представляя себя без нашей воспитательницы.

— Подлечусь и снова к вам. А пока со Светланой Сергеевной...

— Мы к вам будем каждый день прибегать, — пообещал Рыжий.

— Спасибо. Книги мне принесете, хорошо?

— Какие? — удивился Вовка.

— Для десятого класса. Я вас познакомлю с Виталием Зиновьевичем, он вам будет передавать все, что надо.

— Это тот дядечка, в очках? — догадался я.

— А зачем вам учебники? — спросил Рыжий.

— Потому что у меня всего девять классов. На войне многое забыла, теперь надо снова учиться.

— Значит, у вас нет никаких институтов?! — воскликнул Вовка.

— Откуда, мальчики? Мне всего двадцать три года, из них четыре на фронте и полтора в госпитале.

Мы смотрели на нее с восхищением. Четыре года на фронте!

— Какая вы счастливая! — сказал я. — А вот мы родились поздно, так обидно!

Она ничего не ответила, лишь погладила меня по голове влажной рукой.

— Ты уже прочел книгу?

— Да.

Я вздохнул: жалко было расставаться с ней.

— Пойдем отнесем. — Она взяла меня за руку. — Вы, дети, далеко не убегайте, Борис скоро вернется.

Виталий Зиновьевич встретил нас в заставленной книгами комнате. Он что-то писал, сидя за широким, с двумя тумбами, столом, и с явной неохотой поднялся нам на встречу. Усадив воспитательницу в черное кожаное кресло, он недружелюбно посмотрел на меня, перевел взгляд на протянутую книгу и улыбнулся:

— Ну-с, молодой человек, не хотите ли вы сказать, что за столь короткое время осилили эту книгу?

Ничего себе короткое: почти месяц прошел!

— А вы его проэкзаменуйте, — сказала Ирина Петровна.

— Обязательно. Вот скажите мне, Борис батькович...

Я лицом в грязь не ударил, все помнил. Отвечал, но думал о другом: неужели Виталий Зиновьевич знает все, о чем написано не только в «Таинственном острове», но и во всех этих разложенных на полках книгах? Отвечая, я все время вертел головой, пытаюсь сосчитать тома, а когда экзамен благополучно закончился, не выдержал, и спросил:

— Скажите, а как человеческая голова вмещает в себя столько книг?

Он засмеялся.

— Меня в свое время интересовал тот же вопрос. — Виталий Зиновьевич снял очки, поднялся и заходил мимо меня, как маятник. — Вопрос серьезней, гораздо серьезней, чем ты думаешь. Сколько тебе лет?

— Десять.

— Лет через пять мы с тобой на эту тему поговорим. А сейчас главное для тебя — хорошо учиться и побольше читать нужных книг. Нужных, — повторил он. — Пушкин, Чехов, Толстой, Андерсен писали для детей чудесные вещи, и ты должен их прочесть, — нет! — впитать в себя музыку их слов и образов. Тебе нравится читать? — неожиданно спросил он.

— Очень! Мне даже было жалко возвращать вам книгу, — признался я и тут же испугался.

Но Виталий Зиновьевич подошел к полке, нашел среди толстых тонкую книжонку и протянул мне.

— Это сказки Александра Сергеевича Пушкина.

— Спасибо.

Ирина Петровна улыбнулась мне и разрешила бежать домой.

Вовка и Рыжий не дождались меня и, скорей всего, ушли на стройку. Ребята из нашей группы стали звать меня поиграть в казака-разбойника. Я отказался и отправился к груше. Но там секретничали девчонки. Тогда я вспомнил о лазейке в дровах, спрятался между поленьями и стеной и открыл первую страничку книжки...

И как же хорошо было мне! Как царю Гвидону, когда птица-лебедь превратилась в прекрасную царевну. Но это не он, это я натянул лук и пустил стрелу в злого коршуна, это ко мне подплыла она... Единственно о чем я жалел, читая сказку о царе Салтане, что не могу так быстро, как Гвидон, — не по дням, а по часам — стать взрослым.

— Борька, где ты, Борька, на ужин!

Я засунул книгу за пазуху и вылез из своего укрытия.

— Вот я.

Вовка и Рыжий подбежали ко мне и обалдело уставились на меня.

— Вы чего? — удивился я.

— Вид у тебя какой-то очумелый, — сказал Вовка. — Заболел, что ли?

— Да нет, это он начитался, а теперь... — Рыжий покрутил пальцем возле виска.

— Сам ты лопух! — ошаршил я его и засмеялся.

И тут я заметил возле столовой грузовую машину. Ого! Я даже не слышал, когда она заехала. Я вприпрыжку побежал через двор; возле автомобиля стояли директор и самые сильные в детдоме ребята. Водитель открывал боковой борт. Когда он откинул его и тот с грохотом ударился о колесо, мы увидели в кузове большой черный рояль. Он стоял на трех толстых ножках.

— Несите доски, — приказал ребятам директор. — Разбирать не будем, попробуем снять так.

— Ой какой чудесный рояль! — воскликнула подошедшая пионервожатая. — «Блютнер», самый настоящий! Откуда вы его привезли?

— Вырвали, наконец, у пуговичной артели, — похвалился Лысый. — Светлана Сергеевна, поиграйте нам, пожалуйста.

— Как, прямо здесь, в этом кузове?!

— А почему бы и нет. Это даже романтично. — Он оглянулся, увидел меня и нахмурился. — Алешин, быстро принеси стул.

Когда я вернулся, пионервожатая стояла наверху, Она придвинула стул к заднему борту, села на самый краешек, открыла крышку и легко пробежала по клавишам пальцами правой руки — неожиданно волшебные звуки разнеслись по всему двору. Наклонив голову, пианистка прислушалась к ним и к чему-то еще, дождалась тишины и начала играть. Рояль очнулся и затрепетал...

Но вот музыка, успокоившись, стала нежной, ласковой и доброй, как песня ручья, как шепот ветра, как серебряное море...

Наша пионервожатая — настоящая волшебница! — осторожно закрыла крышку и... уронила на нее голову. Первым очнулся от наваждения директор. Он легко поднялся к плачущей Светлане Сергеевне.

— Что вы, голубушка, успокойтесь, вы чудесно играете.

— Нет, неправда!.. Если бы не эта проклятая война, если бы только не война... — проговорила она с тоской.

Мне стало жалко ее и себя тоже. Не было бы войны, и жил бы я с матерью и отцом, и у меня тоже был бы такой черный рояль, умеющий обо всем говорить.

— Группа, строиться! — раздался крик старосты.

Даже директор посмотрел на Игоря с неудовольствием.

Но когда мы построились и двинулись к дверям столовой, Лысый сразу же очутился возле входа. Он внимательно оглядывал каждого, на нашей троице его взгляд задержался дольше обычного, зато на принаряженного старосту он не обратил внимания...

Глава четвертая

Наша полуторка резво тряслась по старой грунтовой дороге. Она то подпрыгивала, то проваливалась в ямки, а когда попала встречная машина, так опасно наклонялась, уступая ей одну колею, что у нас сердце уходило в пятки, и мы еще крепче держались за передний борт.

Куда нас везут? Этот вопрос волновал и Рыжего, и меня, и Вовку. От непрерывных подсакиваний на жестком сиденье в животе стало пусто, а ведь только час назад мы поели. После обеда нас не отправили спать, как всех, а послали в каптерку. Светлана Сергеевна самолично сняла с полки и выдала нам голубые трусы, белые рубашки, носки и новые сандалии,

— Переодевайтесь, — приказала она радостным голосом. А потом вышла, и больше мы ее никогда не видели.

— В колонию отправят, — вдруг заплакал Вовка.

— За что? — возмутился я.

— Из-за тебя, — сказал Рыжий.

— А что я такого сделал?

— На пианино играл и вообще... — Рыжий сдернул с себя майку и швырнул ее на пол.

— А мы сбежим, из поезда выскочим на ходу! — крикнул я дрожащим голосом.

Дверь открылась, и вошел директор.

— Переоделись?

Мы не ответили.

— Поторапливайтесь.

Я демонстративно повернулся к нему спиной. Если хочет, пусть дергает за уши, все равно я его ненавижу.

— Что ж, пойдете, — вздохнул он.

Вслед за ним мы вышли во двор, добрались до ворот;

Лысый открыл калитку. На улице стояла выкрашенная в зеленый цвет полуторка.

— Забирайтесь в кузов, — приказал директор.

Я помог Вовке, мне подсобил Рыжий. Лысый хотел было ему помочь, но Рыжий вырвался, обежал машину.

Вовка и я протянули ему руки...

— Если повезут на вокзал, значит, отправляют в колонию, — шепнул я ребятам.

Мы усадились на сиденье — обыкновенную белую доску, упиравшуюся концами в боковые борта. Директор подошел к кабине, поднял вверх свою крупную голову и, сощурив глаза, с неожиданной теплотой произнес:

— Ну что, мальчики, устроились?

Мы уткнулись глазами в продавленный верх кабины.

Как обычно, в это время в городке было тихо. Даже птицы попрятались в прохладные гнезда. Только два неутомимых воробья о чем-то чирикали на тонкой ветке; хорошо все-таки жить, когда имеешь крылья! Летишь куда захочешь. Можно даже сесть на макушку Лысого и хорошенько тукнуть ее клювом.

Открылась калитка. Вышел со спичкой в зубах молодой шофер, а вслед за ним высокий, в белых брюках и в светлой рубашке наш бывший эвакуатор Андрей Андреевич.

«Значит, в колонию», — подумал я, не зная, что делать: выскакивать из машины сейчас или подождать лучшего случая.

Поправив свою черную повязку, Андрей Андреевич подошел к Лысому и внимательно посмотрел на нас.

— Вы?! — удивился он, узнав Рыжего и меня.

— Они, — ответил за нас директор.

— Не может этого быть! — взволновался Андрей Андреевич. — Этих двоих я очень хорошо помню.

— И я... не скоро забуду, — улыбнулся Лысый. — Орлы! Не успели положить воспитательницу в больницу, как они сад председателя райисполкома обчистили. Устроили возле больницы фруктовый склад...

— И поэтому вы решили избавиться от них? — перебил его Андрей Андреевич. — Впрочем, черт с вами, в Зеленом им будет лучше.

— Хочу заметить, товарищ эвакуатор, вы ведете себя непедагогично, и я бы посоветовал вам...

— Да пошел ты...

Андрей Андреевич прыгнул в кабину и так грохнул дверцей, что она чуть не отвалилась. Перепуганный водитель тут же завел мотор, машина дернулась — мы поехали в противоположную от вокзала сторону.

— Борь, смываться будем? — спросил Вовка.

— Нет, Андрей Андреевич хороший, в плохое место не повезет, правда, Рыжий?

— Жалко, что с Ириной Петровной не дали попрощаться.

Каждый согласился с ним. Назад мы даже не оглянулись.

Мы уже проехали мимо четырех деревень. Время от времени из кабины полуторки вырывался едкий табачный дым, слышно было, как водитель и эвакуатор о чем-то спорили. И что взрослые находят в табаке? Однажды мы нашли целую «беломорину» и, спрятавшись в кустах, решили накуриться. Вовка затянулся первым и так страшно закашлялся — чуть горло не лопнуло. Он потом целую неделю разговаривал шепотом и завидовал нам: мы с Рыжим от пробы уклонились. Лучше конфеты сосать, леденцы или подушечки.

Шофер свернул на проселочную дорогу. За машиной сразу же поднялся столб пыли. Он бежал за нами почти целый час и пропал, только когда мы въехали в небольшой лес. Ровно через два года я буду идти пешком через эту горячую степь...

Мы проскочили крошечную деревеньку. Прямая, словно натянутая струна, узкая дорога вытянулась вдоль огромного сжатого поля, охраняемого плавающими в мареве стогами-айсбергами.

— Смотрите, пацаны, церковь в лесу! — крикнул Вовка, показывая пальцем вперед.

Я взгляделся вдаль. Там снова виднелся лес, а над ним горели два золотых купола.

— Вот это да! Кто же там молится, звери, что ли?

— Ой, да там и дома! — снова крикнул Вовка.

Окруженное невысокими холмами село встретило нас двумя колодцами с задранными вверх журавлями. Здесь же, у обочины, на прямоугольном щите было крупно выведено: «Зеленое».

— Точно, зеленое, — сказал Рыжий.

Повсюду, и на улицах, и вокруг домов, и в огородах росли фруктовые деревья. А когда мы подъехали к деревянному мосту, то увидели на берегах неширокой речки огромные раскидистые тополя. И только площадь перед церковью была пустынной. Дома вокруг нее стояли полукругом. Мы проехали вдоль массивной чугунной ограды и увидели распахнутые ворота. Машина завернула во двор. Я подумал, что мы въезжаем на территорию церкви, но ошибся: ограда повернула вправо и уперлась в каменную стену. Шофер остановил полторку возле большого одноэтажного дома с распахнутыми окнами и дверью.

— Приехали! — Андрей Андреевич выскочил из кабины. — Ну и парилка! Лучше бы я с вами сидел. Хотя на жесткой доске все нижнее место отобьешь.

— Это что, колония? — спросил Вовка, оглядывая широкий двор.

Посреди него была очерчена вкопанными в землю кирпичами четырехугольная площадка. В центре стояла зеленая мачта, а на самом верху — полинявший на солнце красный флажок. Метрах в десяти от площадки — деревянный колодец с отполированным барабаном и ручкой. По другую сторону, в самой глубине двора, протянулся низкий длинный дом с маленькими оконцами. Слева от него — сад, а перед ним огромная, как в Мончаке, куча поленьев.

— Нет, мальчики, — ответил Андрей Андреевич, — это детский дом. Слезайте, будете здесь жить.

— А почему нет никого?

— В поле, наверное, колоски собирают или помогают в саду урожай снимать. А может, на речке купаются.

Кряхтя и охая, мы стали перелезать через борт. Эвакуатор подхватывал каждого на руки и опускал на землю. Он заставил нас снять рубашки, вытряхнуть и надеть снова. А потом быстро, почти бегом, направился к низкому домику. Возле свежевывкрашенных дверей Андрей Андреевич остановился, внимательно оглядел нас, застегнул у себя и у меня на рубашке верхнюю пуговицу, поправил на глазу повязку и осторожно постучал.

— Заходите! — услышали мы певучий женский голос.

Мы вошли в небольшую прохладную комнату, заполненную крупной женщиной в длинном цветном сарафане. Она возвышалась над двухтумбовым письменным столом и радостно улыбалась эвакуатору маленькими светящимися глазками. Он подошел к ней, взял ее полную белую руку и поцеловал.

— Вот, Эмма Яковлевна, я вам еще ребят привез.

Только они не из детприемника, а от этого... гм, Осипова.

Она подошла к нам, внимательно оглядела.

— Красивые какие! — воскликнула она тонким девчоночьим голосом. — И рыженький, и светленький, и шатен.

Садитесь, мальчики, поближе к столу, я буду говорить с вами.

Андрей Андреевич достал из кармана помятый конверт, разглядел его и положил на стол.

Женщина села в большое, крепко сколоченное кресло, еще раз осмотрела нас и развернула бумаги. Читала она долго, хмурилась, шевелила полными губами. Эвакуатор смотрел на нее счастливым глазом, потом достал папиросу, отошел к открытой форточке, но не закурил.

— Ох, уж этот Осипов! — воскликнула Эмма Яковлевна.

— Фрукт! — буркнул Андрей Андреевич.

Она улыбнулась ему, затем перевела взгляд на Рыжего:

— Алешин Борис Алексеевич?

— Нет, — замотал он головой.

— Не угадала, — удивилась она и посмотрела на Вовку.

— Это он, — показал тот на меня.

— Правда?!

— Да, — сказал я.

— Удивительно.

Мне ее восклицание совсем не понравилось. Наверное, Лысый написал обо мне столько плохого, что меня не захотят брать. Впрочем, от нее еще ничего не зависит. Она, видно, дежурная воспитательница. Главное, что скажет директор.

— Можно, я вас оставлю одних? — спросил эвакуатор.

— Да, пожалуйста.

Когда он вышел, Эмма Яковлевна посмотрела на меня и предложила:

— Расскажи о себе все, что хочешь.

Я привычно оттарабанил про умершую мать, про отца, о котором до сих пор ничего не известно, про тетю в Симферополе, коротко зацепил Мончакский детдом и на этом остановился.

Она молча выслушала меня, не задала ни одного вопроса и обратилась к Вовке:

— А что скажешь ты?

— То же, что и он, — кивнул на меня мой дружок. — Мы вместе из Симферополя уехали, потом потерялись, а в Мончаке встретились.

— Повезло вам, — улыбнулась она и, опустив глаза на бумагу, медленно и четко прочла: — Лавиньон Эрнест Петрович.

— Это я, — сказал Рыжий хриплым голосом и покраснел.

— Красивое у тебя имя, А фамилия, кажется, французская.

— Да.

— Тоже звучит красиво.

— У меня прадедушка был из Франции, — воспрянул Рыжий.

— А мама?

— Она украинка. Погибла...

— На фронте?

— Нет, там отец, а мама на mine вместе с коровой подорвалась. — Голос Рыжего потускнел. — Мы возле станции Вапнярка жили...

— Ясно, Эрнест, спасибо. А вы, дети, наверное, зовете своего товарища Рыжим?

— Да, — признался Вовка.

— А мне бы хотелось, чтобы наши ребята именно от вас слышали его имя.

— Можно, чтобы меня звали Эриком? Мама меня только так называла.

— Конечно, — улыбнулась Эмма Яковлевна. — Эрик — это тоже красиво. — Она внимательно посмотрела на меня и на Вовку. — Договорились?

Нам-то что?! Мы согласно кивнули, хотя прекрасно знали: ничего из этого не получится. Если ты уродился рыжим, то черным не помрешь, и звать тебя всю жизнь будут рыжим.

Воспитательница поднялась со своего массивного кресла.

— Идите, гуляйте, осмотритесь. Поищите в саду сливы или яблоки. Может, там что-нибудь и осталось... Только ветки не ломайте.

Мы чинно вышли, закрыли дверь, а потом, не сговариваясь, рванули в сад. На яблонях были одни только листья. А со сливами повезло: в глубине сада Вовка нашел дерево с двумя густо усеянными ветками.

Помня наказ воспитательницы, снарядили на дерево одного Вовку. Взобравшись на самый верх, он осторожно потряс одну и другую ветки. Мы с Рыжим собрали сливы в кучу, уселись на траве и, дождавшись Вовку, стали пировать.

Темно-красные сливы были сладкими, как мед. Они сами таяли во рту, и вскоре от собранного урожая остались одни только косточки.

— Давай еще, — приказали мы Вовке.

Когда мы снова расселись на траве, он, сложив ноги по-турецки, неожиданно заявил:

— Кажется, это мой последний детдом. Не понравится — убегу в Симферополь, убью мачеху и буду жить в своем доме.

— Тебя в тюрьму посадят, — сказал я.

— Дудки! Таких маленьких только в колонию могут отправить. Ну и пусть! Надоела эта житуха. Бабушка меня кормила, когда захочу, а здесь все расписано, все по режиму...

— А кто тебя кормить будет? — спросил Рыжий.

— Сам.

— Попрошайничать? — засмеялся я.

— Ну и что! Лучше попросить, чем украсть. Тебе за это ничего плохого не сделают, а за воровство могут и в тюрьму посадить.

— За воровство, значит, могут, а за убийство — нет.

Вовка сердито посмотрел на меня, молча дожевывая последнюю сливу, а затем выпалил:

— А может, эту проклятую мачеху отец уже убил, а теперь ищет меня и найти не может! Нас же в Джанкойский детприемник направили, помнишь, Борька? — А что если действительно его отец вернулся домой? И мой тоже? Подумаешь, пропал без вести. Сколько я слышал историй о том, что извещения были ошибкой. Даже Ирина Петровна говорила об этом. Жаль только, что я сам таких счастливичков не встречал.

— Давай напишем в Симферополь, — предложил я. — Адрес помнишь?.

— Ой, как это я сразу не догадался! А адрес... адрес, ой мамочка, Жи..., Жа..., ой, Борька, вспомни, бабушка говорила, что поэт, вот как его, Жигунов или Жариков, нет по-другому...

— Пушкин, — подсказал Рыжий.

— Нет, улицу Пушкинскую я помню, на другой жили. Жи... Жа....

— Лермонтова, — сказал я на всякий случай, хотя такой улицы не встречал.

— Нет-нет!

— А может не на «ж», а на «к» — Крылова?

— Нет, этого я знаю: басни писал, а тот какой-то поэт...

— Ладно, если поэт, то обязательно разознаем. А номер дома не забыл?

— Тринадцатый.

— Чертова дюжина, — сказал Рыжий.

— Чего?! — Вовка посмотрел на него с таким видом, словно тот сказал ему гадость.

— Тринадцать считается чертовой дюжиной, — пояснил Рыжий, — а двенадцать — просто дюжиной.

— Это на каком языке, на французском? — съехидничал Вовка.

— Нет, на русском, — приподнимаясь, ответил Рыжий.

Вовка вскочил и отбежал в сторону.

— Я не хотел, Эрик, честное слово, у меня просто вырвалось!

Кажется, Вовка впервые признал себя виноватым. Рыжий удивился не меньше меня и снова опустился на землю. Осторожно ступая, Вовка стал приближаться к нам, но в это время со стороны церкви загрохотали трубы оркестра, исполнявшего военный марш...

Глава пятая

Оркестр только сначала показался мне хорошим. Когда мы подбежали к воротам, где музыка звучала отчетливей, я уловил чистый звук трубы и ритмичные удары барабана, все остальное дудело вразнобой. Но все равно мы не выдержали и выскочили на середину улицы.

Оркестр был самодеятельным, почти все его участники выглядели ненамного старше нас. Лишь трубач и барабанщик вышались над желтыми трубами. Когда они подошли ближе, мы увидели, что за музыкантами, по четыре человека в ряд, идут детдомовцы.

Возглавляющий колонну трубач, высокий черноволосый мужчина с розовыми щеками, искоса поглядел на нас и свернул к воротам. Все остальные повернули головы в нашу сторону.

— Получается, что мы принимаем парад! — прокричал мне на ухо Вовка.

Я кивнул, разглядывая проходивших мимо пацанов и девочек. И те, и другие вышагивали босиком. Ребята были в темных трусах и зеленых майках, а девочки в выцветших сарафанах.

— Борька, Боря! — раздался громкий крик.

Я увидел выбежавших из строя Лену и Трехгубого.

— Лена! — обрадовался я. — Степка!

Они подбежали к нам, оба загорелые, веселые; Лена стала еще красивей, а Степка по-прежнему оставался худым.

— Вы к нам насовсем? А где Валерка-головастик?.. — наперебой спрашивали они.

Я не успел ответить. К нам подошла полная черноглазая женщина с черными от загара руками.

— Новенькие?

— Да, — сказал Рыжий.

— Откуда вас таких нарядных привезли?

— Из Мончака, — гордо произнес Вовка.

Я удивленно посмотрел на него: нашел чем гордиться.

— Надежда Павловна, пусть Борю определят в нашу группу, — попросила Лена. — Он вместе с нами в Киевском детприемнике был.

— А разве Эмма Яковлевна вас никуда не назначила? — спросила воспитательница. — Сейчас узнаем.

С Леной и Трехгубым мы вошли во двор. Оркестр приблизился к открытым дверям дома и, продолжая играть, развернулся лицом к площадке, вокруг которой выстраивался детдом.

— Становитесь в строй, — приказала нам воспитательница. — Можете рядом с Леной и Степой.

К Эмме Яковлевне, стоявшей возле флага, подошла высокая смуглолицая девочка с жидкими косичками.

Дождавшись тишины, она неожиданно сильным голосом скомандовала:

— Дружина, смирно!

Подняв руку в пионерском приветствии, она отрапортовала:

— Товарищ директор, все воспитанники собирали в поле колоски. Никто не ленился. Отличились Саша Смирнов и Ваня Золотарев. Они сдали по четыре килограмма колосков. Готовы к выполнению новых заданий колхоза имени Щорса. Рапорт сдан!

— Рапорт принят! — пропела Эмма Яковлевна. — Вольно!

— Вольно! — крикнула председатель совета дружины.

— Ну, а теперь давайте поздравим отличившихся на работе Сашу и Колю.

Из строя вышли два похожих друг на друга белобрых пацана и, смущаясь, бочком, подошли к директору. Эмма Яковлевна повернула их лицом к оркестру, тот довольно-таки стройно проиграл туш, а все захлопали в ладоши.

«Именинники» радостно улыбались. Я им позавидовал, честное слово! У нас в Мончаке редко кого ставили перед строем, чтобы похвалить.

— А сейчас, дети, я хочу познакомить вас с новенькими. Подойдите ко мне, ребята!

Мы молча восприняли весть о том, что Эмма Яковлевна — директор детдома, еще не зная, хорошо это или плохо.

— Пойдемте, — сказала воспитательница.

Мы не сдвинулись с места.

— Да пойдемте, не бойтесь!

Она взяла за руки Рыжего и меня. Вовка поплелся вслед за нами.

Директор, не заглядывая ни в какие бумаги, коротко рассказала всем, кто мы, откуда, назвала имена и фамилии.

— А теперь отдыхайте. После ужина вечерней линейки не будет.

Все тут же стали разбегаться, и только музыканты, держа в руках свои инструменты, неторопливо заходили в дом. После того, как в дверях скрылся самый высокий в детдоме парень, из дома вышел Андрей Андреевич.

— Андрей Андреевич! — воскликнули Лена и Трехгубый.

Эвакуатор с улыбкой посмотрел на нас.

— Видите, друзья, какой я вам сюрприз приготовил: встретились, так ведь? Вам здесь понравилось?

— Очень! — воскликнул Рыжий, довольный тем, что при всем народе его назвали Эрнестом Петровичем.

— А вам? — спросил он меня и Вовку.

— Поживем — увидим, — сказал я.

— Считайте, что вам повезло: здесь будет ваш дом, — убежденно произнес эвакуатор.

— А вы у нас теперь тоже останетесь? — спросила Лена.

— Я?! — Андрей Андреевич посмотрел на беседовавшую с воспитателями Эмму Яковлевну. — Как вам сказать, в общем, поживете — увидите, — засмеялся он.

Я вспомнил нашу Ирину Петровну. Жалко, что нам не удалось с ней попрощаться. А она привыкла, что мы каждый день приходим в ее палату и угощаем всех яблоками.

— Андрей Андреевич, можно попросить вас? — сказал я.

— О чем?

— Вы когда будете проезжать через Мончак, заедьте, пожалуйста, к нашей воспитательнице.

Мы наперебой стали рассказывать ему об Ирине Петровне, и он пообещал обязательно побывать у нее и передать от нас

большой привет. А потом он попрощался с нами и быстро зашагал в сторону директорского кабинета.

Я оглядел двор. Пацаны и девчонки, словно они и не работали в поле, носились друг за другом, визжали.

— А старшей группы у вас нет? — спросил Рыжий.

— Есть шесть человек: трое пойдут в этом году в пятый класс, а трое — в четвертый. Но они числятся в нашей группе — ответила Лена.

— А воспитательница хорошая?

— У нас все хорошие, — убежденно сказал Трехгубый.

— Жрать уже хочется, — сказал Вовка.

— Нельзя так говорить, — наставительно сказала Лена. Я засмеялся и положил Вовке на плечо руку.

— Мы вместе с ним ехали из Симферополя, потом потерялись, а в Мончаке встретились.

— А меня вы разве не помните? — спросил Рыжий. —

Я тоже в Киевском детприемнике был.

— Правда? — удивилась Лена.

— Да, — подтвердил я. — Его вместе со мной и Валеркой в Мончаке оставили.

— Ну, тогда ты будешь нашим другом вместо Валерки, — сказала Лена и, как взрослая, протянула Рыжему руку.

Я заметил, что Трехгубый скривился, словно ему наступили на палец.

К нам подошла Надежда Павловна, наша воспитательница.

— Мальчики, пойдете со мной.

Мы пересекли двор, прошли мимо директорского кабинета — там о чем-то спорили Эмма Яковлевна и Андрей Андреевич, обошли дом с другой стороны. В небольшой комнате на грубо сколоченных стеллажах была аккуратно разложена одежда.

— Сейчас мы вам подберем трусы и майки, а свои наряды оставите здесь, — сказала воспитательница.

Нам это не понравилось. Мы не девчонки, но красивые вещи носить приятней. Только спорить с воспитательницей и первый же день никто не решился.

— Надежда Павловна, а пианино в детдоме есть? — спросил я. Рыжий и Вовка одновременно хмыкнули.

— Нет, Боря. Все надеемся, может, шефы подарят. Но очень уж дорогой инструмент. А ты умеешь играть?

— Нет.

— И у нас тоже никто не может, даже Лавр Филимонович.

— Это, который на трубе играет?

— Он самый. И знаете, мальчики, он не только на трубе, а почти на всех инструментах играет: и на гармошке, и на балалайке, и на мандолине. Он весь духовой оркестр обучает. Если захотите, запишетесь в струнный кружок или в хоровой. Но у нас для всех одно условие: двоечников не берем.

— А троечников? — спросил Вовка.

— Смотря каких. Если тройки с плюсом, еще полбеды, если с минусом, то сам понимаешь, какой уж здесь оркестр.

— Я на трубе хочу, — заявил Рыжий.

— Пожалуйста, если будешь хорошо учиться.

Мы вышли во двор. В небе, выстроившись в ряд, застыли порозовевшие облака. Земля под босыми ногами была неожиданно мягкой и теплой. Двор был пустой, и только возле дверей большого дома столпились девчонки и ребята. Они ждали, когда из столовой выйдет младшая группа...

После ужина мне сразу захотелось спать, у Рыжего и у Вовки вид тоже был осоловелый. Скорей бы объявили отбой! Я уже знал, что здесь, в этом корпусе, спали одни девчонки. Ребята жили в другом месте. И не удивился, когда Надежда Павловна, построив, повела нас в сторону речки.

Солнце уже зашло. Розовые облака стали синими. Было тихо. Где-то мычали коровы, стучала по мосту бричка. Устав за день, почти все молчали. Один только барабанщик, идущий впереди с воспитательницей, гудел о чем-то невнятным басом.

— Слушай, Степ, — повернулся я к шагавшему рядом со мной Трехгубому, — помнишь, когда мы ехали в поезде, ты говорил, что написал письмо Сталину, чтобы тебя взяли в суворовское училище? Он тебе не ответил?

— Сталин ничего не ответил, но ко мне из райцентра приехал в прошлом месяце один капитан. Он меня обо всем спросил и уехал.

— И все?

— Нет, позавчера меня возили в Никольское на медкомиссию. Доктора целый день осматривали и даже взвешивали. А потом сказали, что я должен хорошо кушать, чаще бывать на воздухе и заниматься физкультурой. А я и так всю еду подметаю, и на воздухе, сам увидишь, мы целыми днями бываем. А еще операцию на губе надо сделать, но не сейчас, а осенью, когда сердце окрепнет.

— Ну и хорошо! Сделают операцию, а потом поедешь и суворовское.

— Никуда я не поеду, — покачал головой Степка. — Капитан пообещал, что, когда я вырасту, он направит меня в артиллерийское военное училище.

— А почему в артиллерийское, лучше в танковое или летное, а еще лучше в военно-морское.

— Нет, лучше всего артиллерийское: его Андрей Андреевич заканчивал. Знаешь, сколько у него наград! Пять орденов и девять медалей! Он когда приехал к нам второй раз, то все награды нацепил. Может, он женится на Эмме Яковлевне и к нам переедет, — неожиданно закончил Трехгубый.

— А Лена, как и раньше, доктором хочет быть?

Трехгубый помолчал, а потом сердито произнес:

— Ленка задавакой стала. Мы когда сюда приехали, нас сразу фельдшер, Настасья Никитична, осмотрела. Ну, Ленка ей и сказала, что доктором хочет быть. Настасья Никитична обрадовалась, сделала ее своей помощницей, И теперь она у нас «Красный Крест». Все у нее дела какие-то, она со мной редко разговаривает, не то что в детприемнике.

...Улица широким разбегом завернула к деревянному мосту, а мы пошли прямо, по узкой дорожке. Метров через сто я увидел небольшие, из тонких жердей, открытые воротца. За ними — редкий яблоневый сад с зеленой травой, в центре —

кривые, как в Мончаке, груши. Слева тянулись тополя, справа стояло два небольших домика, возле них колодец и несколько умывальников.

— Тетя Христя! — позвала воспитательница.

Из дома вышла пожилая женщина в черном платье.

— У нас трое новеньких.

— Добрэ, зараз им постель сготовлю.

В невысокой спальне тетя Христя показала на три свободные кровати возле глухой стены, дала каждому по полотенцу и куску мыла. Я захватил себе среднюю кровать, мыть лицо и шею не стал, пополоскал в тазу ноги, вытер их общим полотенцем и уснул, едва голова коснулась подушки.

Ночью я неожиданно проснулся. Между незадернутыми занавесками в комнату забрался луч луны. Никого не задев, он разлегся в проходе на цветастой дорожке. Я поднялся и переступил через него.

— В сенях на широкой печи сладко похрапывала тетя Христя. Дверь была не заперта. Я ступил за порог и словно очутился в сказочном саду. На голубой траве дрожали падающие от деревьев узорчатые тени. Тихо спали тополя, а в небе дымила погруженная в светлое облачко круглая луна. Где-то далеко-далеко проворчала собака. Тут же затихла. Я увидел впереди переливающийся серебром свет. По темной тропинке побежал к нему и уже на полпути догадался: здесь вода. Я думал, что речка проходит где-то дальше, а она, оказывается, была совсем рядом. Я подбежал к берегу, присел, чувствуя свежесть прохладного потока. Снова проворчала собака и опять затихла. Я сорвал с наклонившейся ветки листочек и положил его на светящуюся дорожку. Он медленно поплыл к противоположному берегу, потом резко повернул и побежал по течению в сторону моста, из-под которого доносилось капризное журчание.

— Я вздохнул и оглянулся назад. Как и тени, наш дом тоже слегка качался, будто стоял не на фундаменте, а на голубой траве. Спать не хотелось. Может, я лунатиком стал.

...Три дня назад я примерно в это же время поднялся с постели и вышел во двор. Над Мончаком блестели огромные звезды — настоящие костры. Какой-то бес толкнул меня к столовой. Окна были открыты, а из сторожевой будки раздавался богатырский храп: наш безногий сторож праздновал в одиночестве день рождения и весь вечер пиликал ил гармошке. Я почти безбоязненно подошел к окну, подтянулся, залез на подоконник и спрыгнул внутрь. В столовой было темно и страшно. Вместо того, чтобы повернуть обратно, я, натываясь в темноте на скамейки, добрался до покрытой бархатом сцены. Рояль ждал меня! Я даже чувствовал его нетерпеливое дыхание и потому вдруг лихорадочно стал искать к нему дорогу. Наткнулся на стул, уселся, нащупал крышку, открыл ее и, неожиданно успокоившись, опустил пальцы на волшебные клавиши. И рояль, и я вздрогнули от неожиданной удачи! Пальцы легли точно, и инструмент ответил красивым звуком. Сердце у меня екнуло. Не убирая пальцы, я снова легко надавил на клавиши. В ответ тот же прекрасный звук. Чувствуя, что ему, как первой строчке стиха, требуется продолжение, я поднял руки, подождал, когда рояль начнет затихать, и, ощущая радостное волнение, резко ударил по клавишам. Раздалось фантастическое рычание. Мне стало страшно. Рассердившись на рояль и на себя, я забегал пальцами вдоль всей его ровной пасти, разбрасывая направо и налево зуботычины — на каждый удар он отвечал режущим ухо лязгом...

Но вдруг среди диссонирующих звуков пальцы случайно поймали радостный всплеск! Я вздохнул и замер, боясь стереть пот. В эту самую секунду за раздвинутым бархатом мелькнул желтый свет. Я вскочил, но увидев поднимавшегося на сцену Лысого, оцепенел.

Он осторожно поставил керосиновую лампу на полированный рояль, не спеша подошел ко мне, молча и деловито ухватился за мои уши, и тогда я увидел «Москву»... Когда же я досыта на нее нагляделся, Лысый, так и не раскрыв рта, опустил меня на пол и больно ударил коленом ниже спины. Я мячиком скатился со сцены, поднялся, добрался до окна и вылез во двор.

Было тихо, все так же горели в черном небе прекрасные холодные костры...

...Луна сбросила с себя облако и засияла пятнистым лицом. Снова пролаяла на нее та же неугомонная собака. На этот раз ее поддержала одна, затем другая, после чего собачий хор пронесся из одного конца села в другой и затих где-то внизу за речкой. Стараясь удержать неожиданные слезы, я быстро зашагал в сторону плавающего в лунном свете сказочного дома.

После той ночи я перестал быть таким плаксой, как раньше. Даже когда потерял заработанную на сборе лекарственных трав пятерку — считай три килограмма подушечек и два кило печени — или когда чуть было не утонул в реке, я не пролил ни одной слезинки. И как все дети, у которых есть дом, где их любят, начал забывать о том, что закончившаяся война еще оставила на земле очень много страшных следов.

В конце декабря, перед самым тысяча девятьсот сорок восьмым годом, Андрей Андреевич, приехавший навсегда к Эмме Яковлевне, передал нам от Ирины Петровны предсмертную записку. Она желала Рыжему, Вовке и мне больших радостей в жизни, верила, что мы вырастем честными людьми, благодарила за яблоки...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Девятого мая тысяча девятьсот сорок девятого года перед сельским клубом — длинным одноэтажным зданием с высокой черепичной крышей — слаженно исполнял «Амурские волны» наш детдомовский духовой оркестр. Было около семи часов вечера. Солнце уже начинало золотить окна, влажный ветер ласково перебирал нежно-зеленую листву, теребил на самодельных пультах исчерченные нотами тетрадные листы и, подхватывая звуки старинного вальса, разносил их по всему селу.

В семь должно начаться торжественное собрание, посвященное Дню Победы, а затем — концерт, подготовленный нашей художественной самодеятельностью.

В помещение пока никто не заходил: нарядно одетые колхозники стояли полукругом возле оркестра и смотрели на танцующую молодежь.

Натыкаясь на кружившиеся пары, я прошелся несколько раз перед оркестром, пытаюсь обратить на себя внимание Рыжего. Он играл точно на такой же трубе, какая была у Лавра Филимоновича. Рыжий — кроме учителей и воспитателей, его все так и звали — не посмотрел на меня ни разу. Важный как индюк! Без своей ненаглядной трубы он мне друг, как и прежде, но стоит ему взять ее в руки, он тут же обо всем забывает. Наверное, представляет себя великим музыкантом. Однажды зимой мы с Вовкой чуть его не поколотили. Договорились идти кататься на санках, но в последнюю минуту он передумал и сбежал на репетицию.

Накатавшись без него, мы на обратном пути стали рассуждать по-взрослому и пришли к такому выводу: быть, музы-

кантом, особенно трубачом, так же почетно, как и плотником, — без куска хлеба не останешься.

...Наконец оркестр закончил играть. Рукавом своей нарядной рубашки Рыжий стер с лица пот и лишь потом соизволил обратить на меня внимание. Я скривился: давай мол, скорей!

— Все, отдыхайте! — громко сказал Лавр Филимонович. — В восемь ноль-ноль концерт.

Поняв, что музыки больше не будет, люди стали заходить в клуб. Оркестранты оставили инструменты на стульях и важно разошлись.

Ко мне подошел Рыжий и барабанщик Ко-ко-ко, так мы зовем самого великовозрастного в детдоме парня — пятнадцатилетнего Константинова Костю Константиновича. Рассказывают, что его нашли после бомбежки в перевернутой телеге. Когда его отходили, он смог назвать только свое имя.

— Успеете? — прогудел он почти мужским басом. — Я уже казанок и картошку приготовил.

— Конечно, — успокоил я его. — Ну, мы побежали, а то Вовка ждет.

— Подождет, — сказал Рыжий, засовывая мундштук поглубже в карман. — Как бы мне его не потерять.

Быстрым шагом мы направились к маленькой школе. Школ в селе две: в большой учатся первоклассники и старшеклассники, а в нашей — с третьего по пятый.

Вовка терпеливо сидел на деревянных ступеньках возле закрытых дверей и задумчиво смотрел на синее небо.

— Кончили дудеть?

— Ага, — ответил я.

Рыжий засопел, но промолчал.

Вовка вскочил:

— Ну, помчали! — скомандовал он и, размахивая руками, быстро побежал по дороге, ведущей на кладбище.

Мы двинулись за Вовкой, вскоре догнали его и уже вместе аллюром доскакали до старого, с позеленевшими досками, колодца. По привычке я заглянул вниз. Дно было таинственным и черным.

Говорят, если залезешь в колодец, то даже в середине дня можешь увидеть звезды. Правда это или вранье? Как бы проверить?

— И чего ты там не видел? — сердито проговорил Рыжий. — Свалишься, а мы отвечай.

— Типун тебе на язык.

Я отошел к Вовке. Он растерянно смотрел в сторону хорошо знакомого мне дома. В отличие от других, стоявших, как правило, в глубине двора, этот, упираясь глухой стеной в кладбищенскую ограду, окнами выходил на улицу. Рядом возвышался могучий орех, нависший широкой кроной над соломенной крышей. Здесь жила наша тетя Христя, но она редко бывала дома. Мы помогали ей вскапывать огород, она заседала его, а добрую половину урожая, как и орехи, мы уносили за пазухой.

— Пацаны, смотрите, — прошептал Вовка.

— Что, куда?

— Да вы что, ослепли, окна открыты! Мы молча уставились на распахнутые окна.

— Где же мы редиску достанем?

Чтобы не возбуждать любопытства дворовых собак, мы присели на корточки возле колодца. Кто же все-таки открыл окна? Мы точно знали, что тетя Христя и Лена заменяют сейчас уехавшего в отпуск фельдшера и лечат в санчасти подхватившего ангину Трехгубого.

— Может, нас домовой хочет напугать, — предположил Вовка. В последнее время он сделался почему-то суеверным.

— Может, — усмехнулся Рыжий,

— С зелеными копытами и черным хвостом, — добавил я.

— А голова у него лошадиная.

— А зубы, как у мамонта.

— Не домовой, так с кладбища чей-то дух, — снова серьезно проговорил Вовка.

— Дурак, — рассердился я, — а еще пионер.

— Давайте пойдём назад, — поднялся Рыжий. — Лучше на другом огороде поищем.

— Нет, постойте, — сказал я.

Бывает со мной такое: подумаю одно, а делаю другое. И сейчас словно кто-то толкнул меня в спину. Я перебежал на другую сторону улицы и быстрым шагом пошел к дому.

Было очень тихо. Я подобрался к окну, заглянул в него и застыл как вкопанный. В небольшой комнате возле стены стояло черное пианино, напротив большое зеркало, а посередине — три красивых чемодана с блестящими замками.

Я крепко зажмурился — я так всегда делаю, когда проснусь после похожего на сказку сна. Но сновидения не возвращаются, а сейчас, открыв глаза, я убедился, что мне ничего не приснилось. Пианино... Наши шефы, работники райисполкома, приезжая к нам на праздники, дарили детдому мандолины, гитары, балалайки. Они привозили также и сладости. А в этот первый наш оркестр народных инструментов пополнился двумя гармошками. Но пианино у нас не было.

— Борька! — громким шепотом позвал меня Вовка.

Я оглянулся. Ребята с испуганными лицами смотрели в мою сторону.

Я закрутил головой и чуть не умер от страха. Из соседнего окна, опираясь руками на подоконник, на меня удивленно смотрела женщина. Давно я не видел такого красивого и такого измученного лица. Если бы не ее огромные глаза, в которых изумление сменилось вдруг непонятной мне радостью, я после Вовкиных разглагольствований принял бы ее за привидение.

Услышав за спиной топот ног, — это убежали мои друзья, — я попятился.

— Мальчик, подойди ко мне, — окликнула меня женщина певучим голосом.

Я остановился. Кончиками пальцев женщина прикоснулась к своим щекам.

— Я вас испугала?

— Нет. Просто здесь живет тетя Христя.

— Ну и что?

— Да ничего... Мы не знали, что вы приехали.

— А если бы знали?

Говорить правду было страшновато, еще рассердится. Хотя вряд ли, глаза у нее добрые.

— Сегодня День Победы, — сказал я.

— Знаю.

— Мы решили его отпраздновать.

— Правда?

— Да, честное пионерское! У нас все есть: и хлеб, и вареная картошка, и соль, и еще по два ореха...

— А сюда зачем пришли?

— У вас редиска в огороде, — решил я. — Самая вкусная на селе!

— Верно! Тетя Христя меня угощала сегодня. Ой, она еще говорила, что за этой редиской специально детдомовцы ходят.

Я опустил голову.

Она засмеялась, а потом крикнула:

— Эй, ребята, идите сюда!

Я обернулся: Вовка и Рыжий стояли возле колодца. Вернулись все-таки! Я махнул им рукой. Они медленно подошли, остановились возле меня и вежливо поздоровались.

— Добрый вечер, — улыбнулась она. — Значит, в нашем огороде очень хорошая редиска? Ну, не стесняйтесь, заходите. Только давайте сначала познакомимся. Тебя, — взглянула она на меня, — я слышала, зовут Борисом.

Я кивнул.

— А меня Вовкой.

— Меня Эриком, — важно сказал Рыжий.

— Очень приятно, а меня Мария Александровна, — сказала она. — Один из вас может пойти в огород, остальные составят мне компанию.

— Иди ты, — сказал я Вовке. — И много не набирай.

— Значит, вы детдомовцы. — Она грустными глазами посмотрела на нас. — Хорошо вам здесь?

— Хорошо, — ответил Рыжий.

— Вы не думайте, мы не голодные. Нас кормят от пуза. Просто, сегодня День Победы, а его надо праздновать.

— Обязательно? — спросила она, с непонятной горечью.

Меня это почему-то рассердило, и я не очень вежливо ответил:

— Конечно! Мы в этот день победили фашистов. А еще ни Вовка, ни Рыжий, ни я не помним, в какой, именно день родились наши родные. Поэтому мы решили всегда в этот день праздновать их день рождения.

— Это вы хорошо придумали, — похвалила она безразличным голосом.

— Живем! — закричал, подбегая к окну, Вовка. Он нахально потряс огромным пучком редиски. Увидев столько, Мария Александровна улыбнулась, но ничего не сказала. — Спасибо вам большое-пребольшое.

— Приходите ко мне в гости, — сказала она.

— Хорошо! — радостно подпрыгнул Вовка. — Придем, обязательно придем...

— Пойдемте уже, — попросил Рыжий.

Уходить не хотелось: я еще ничего не спросил про пианино.

— А вы не пойдете смотреть наш концерт? — спросил я у Марии Александровны.

— Какой концерт?

— Мы сегодня в клубе выступаем.

— Правда?

Откуда она приехала? Все село знает: почти каждый праздник, если только не приезжают настоящие артисты, мы устраиваем концерт.

— Идемте с нами, — поддержал меня Вовка. — Не пожалейте: услышите, как я пою.

Вот хвостун!

— А Рыжий у нас на трубе играет, а Борька номера объявляет и тоже поет, но только в хоре.

— Приходите, у нас в восемь концерт, — сказал Рыжий.

— А разве уже не восемь? — Мария Александровна скрылась в глубине комнаты. — Уже, мальчишки, без двадцати, вам пора идти.

— А вы придете? — спросил я.

— Не знаю.

— Чего вам здесь сидеть одной, — проворчал Рыжий.

— Да еще возле самого кладбища, — ляпнул Вовка.

Мария Александровна зябко повела плечами.

— Хорошо, дети, может, я приду.

— Приходите, обязательно приходите, — попросил я.

Она не ответила. Потоптавшись, мы отошли от окна и отправились в клуб.

— Тетка хорошая, правда, пацаны? Только я бы все равно не стал жить рядом с могилами...

— Ты таким трусом сделался! — рассердился я. — Хуже девчонки.

— Верующий, как папа римский! — выпалил Рыжий.

Вовка собрался было огрызнуться, но, услышав про папу римского, прикусил язык. Только напрасно он надеялся, что я пропущу находку Рыжего мимо ушей. Вовкины страхи нам стали надоедать. На полную луну смотреть нельзя, ходить на кладбище тоже нельзя, в речке купаться опасно, в воскресенье никакими делами не занимайся, даже уроки учить грех, а если пойдешь в лес и задержишься допоздна, то черный медведь тебя обязательно проглотит.

О домовых или о найденной подкове, на которую надо плюнуть и перебросить через левое плечо, иначе счастья не будет, я ничего не говорю. В глубине души я сам этому верю. Но это еще не значит, что надо всего бояться.

— Будешь ты теперь папа римский, — сказал я.

— Не хочу! — возмутился Вовка.

— Будешь! — обрадованно воскликнул Рыжий.

— Если вы хоть раз назовете меня папой римским, то я... я с вами дружить перестану.

— Давай-давай, проживем и без твоих дурацких бредней.

— Пацаны, ну зачем, ну не надо, — взмолился Вовка. — Мне не нравится.

— А мне, думаешь, нравится, когда все Рыжим зовут?

— Но ты же рыжий.
— А ты папа римский.
— Нет!
— Да!
— Борь, скажи ему, чтобы не дразнил меня. Мы с тобой из Симферополя. Разве у нас там был папа римский?
— Будешь первым! — безжалостно отрезал я. — Из-за тебя Мария Александровна к нам на концерт не придет.
— А вот если придет?
— Все равно...
— Ты у нас теперь папа римский первый, — заключил Рыжий.
— Нет! — Вовка чуть не плакал.
— Ладно, не будешь, — сказал я и подмигнул Рыжему. — Но если ты не сможешь ночью перейти через кладбище — будем называть тебя папой римским.
— Ой, да ты что, Борь?!
— Вот это сила! — засмеялся Рыжий. — Не хочешь — будь смелым и сильным, — пропел он. А потом достал из кармана свой драгоценный мундштук и посмотрел через него на опустившийся к самой земле солнечный круг.

...Первым, кого мы встретили возле клуба, был Андрей Андреевич, ставший после женитьбы на Эмме Яковлевне у нас воспитателем. Нарядный, в черном костюме и со всеми орденами и медалями, он широко расставил руки и присел перед нами на корточки.

— Ага! Операция завершена успешно. Перед отбоем будет пир. А меня пригласить забыли?

— Вы к нам все равно не придете, — сказал я.

— Почему ты так думаешь?

— Вам со взрослыми интереснее, вы с ними будете.

— А вот сегодня возьму и отпраздную с вами, если пригласите, конечно.

— Вас мы всегда приглашаем! — обрадовался я.

— Спасибо, — серьезно сказал он. — А вы, молодцы, почему молчите?

— Само собой, — мрачно сказал Вовка.

— Ты чего такой грустный?

— Да так.

— Не опускай нос, перемелется. — Воспитатель посмотрел на часы и поднялся. — Без пяти восемь. Идите, встретимся после концерта.

Спрятав в пожарное ведро редиску, мы зашли в клуб. За занавесом Надежда Павловна уже выстраивала хор. Увидев нас, она тут же воскликнула:

— Наконец-то! Вечно вы не сидите на месте!

— Сказали в восемь, а мы пришли на две минуты раньше.

Она неожиданно улыбнулась:

— Точность — вежливость королей. — И тут же строгим голосом приказала: — По местам!

Рыжий пошел к сидевшему в глубине сцены оркестру. Вовка, как солист, стал в первом ряду хора. Танцоры и чтецы спрятались за кулисами, у всех был испуганный вид — выступать перед взрослыми очень ответственно. Подумав об этом, я тут же почувствовал беспокойство, и вся программа концерта вылетела, у меня из головы. Я потер вспотевшие ладони о брюки и растерянно посмотрел на воспитательницу.

— Ну-ну, держись бодрее. — Она застегнула верхнюю пуговицу на моей рубашке, и мне стало трудно дышать. — Главное, Борис, начало. Слово в слово, как репетировали.

Не забудь поздравить бывших воинов.

Я посмотрел на ее медаль «За доблестный труд» и неожиданно решил добавить к отрепетированному тексту еще несколько слов.

В зале раздались хлопки, потом зааплодировали все...

Я отошел от воспитательницы, расстегнул пуговицу и остановился возле Федьки Истомина. Он тоже вытирал вспотевшие ладони и смотрел выпученными от страха глазами на приколотый к фанере листок с программой концерта.

— Ой, Борька, я боюсь, — признался он.

У Федыки ни слуха, ни голоса, поэтому он вызвался открывать и закрывать занавес. С этим заданием он всегда справлялся, тем более, что ему подсказывала Лена. Она в самодеятельности не участвовала, но очень любила смотреть, как мы выступаем.

— Внимание, — сказала Надежда Павловна. На сцене все замерли, и тогда она махнула рукой руководителю оркестра.

Лавр Филимонович прижал к губам трубу и на самой высокой ноте протрубил начальные такты нашей любимой песни: «Вставай, страна огромная...»

«Вставай на смертный бой», — грянул оркестр, «Вставай, страна огромная», — повторила труба, «Вставай на смертный бой», — снова прогремел оркестр и тут же затих.

Федька решительно раздвинул занавес. Я вышел на середину сцены. Узкий длинный зал, почти погруженный в темноту (лишь в самом конце и возле выхода неярко горели керосиновые лампы), после проигранного вступления застыл в глубоком молчании.

— Дорогие товарищи, мы, детдомовцы, поздравляем всех вас с днем великой Победы над немецко-фашистскими захватчиками!

Зал заплодировал; громче всех — первые ряды, где сидели с орденами и медалями бывшие фронтовики. Среди них были Андрей Андреевич и наш учитель Юрий Васильевич Маврешко.

— Прошло четыре года после первых праздничных залпов в честь Дня Победы, — продолжал я.

В это время громко скрипнула входная дверь. Столпившаяся возле входа молодежь дружно посторонилась, я увидел Марию Александровну и запнулся. Кто-то из мужчин тут же уступил ей место.

— Ну, ты что, Борис?! — сердито шепнула Надежда Павловна. Я опомнился и быстро оттарабанил выученный текст.

— А сейчас начинаем наш праздничный концерт. Выступает хор и оркестр. — После этих слов я должен был уйти со сцены,

но вдруг выпалил: — Дирижирует Надежда Павловна. Во время войны она работала на танковом заводе и награждена медалью «За доблестный труд».

Воспитательница с загоревшимися щеками вышла на середину сцены, поклонилась и долго не могла повернуться к хору: громче и дольше всех ей хлопали фронтовики.

— Борька, ты молоток! — удивленно воскликнул Федька. — Я бы не догадался так сказать. А ведь верно, сегодня праздник не только тех, кто воевал на фронте, а всех людей, и наш тоже.

Он вовремя умолк. Надежда Павловна повернулась к хору, подняла руки, взмахнула ими, и хор грянул:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная Вскипает, как волна!
Идет война народная, Священная война!..*

Глава вторая

Юрий Васильевич Маврешко открыл дверь сразу же после звонка. Высокий и худой, он широченными шагами быстро пересек класс, остановился возле стола и внимательно осмотрел нас всех. Видно было, что он чем-то взволнован.

— Здравствуйте, садитесь.

Мы послушно опустили на свои места. Учитель раскрыл журнал, что-то в нем отметил и отошел от стола к доске.

— Первый вариант решает задачу под номером двести семь, второй — двести двенадцатую.

Он прошелся между рядами, постоял возле Лены, раздумывая, очевидно, посидеть ли ему на месте отсутствующего Трехгубого или нет, и даже откинул крышку на парте, но потом опустил ее и направился к окну.

Сидевший рядом со мной Костя Константинов тяжело вздохнул и посмотрел на меня жалобными глазами. Раньше над ним «шефствовал» наш лучший математик Федя Истомин. Он всегда выполнял задания и за себя, и за соседа, поэтому, рассчитывая на мою сознательность, Ко-ко-ко пересадили. И напрасно — я тоже буду писать ему шпаргалки. Косте уже этим летом придется работать в колхозе. Он будет прицепщиком, а потом его обещали выучить на тракториста. Зачем ему эти задачки?

— Давай, Костя, мы уже такие проходили, — сказал я бодрым голосом и уткнулся в свой учебник, делая вид, будто мне очень интересно знать, о чем там написано.

На самом деле сегодня все уроки были для меня каторгой. Я на каждой перемене первым выскакивал из класса и бежал во весь дух в сторону дома тети Христи. Как и вчера, окна здесь были открыты, но теперь уже задернуты кружевными занавесками. Почему-то я не мог решиться перейти через дорогу и заглянуть в окно, а мне так хотелось снова увидеть Марию Александровну!

Помню, когда я еще жил в Симферополе, тетя Таня иногда заводила разговор о моей маме. Однажды с внезапно вспыхнувшим раздражением она насмешливо произнесла: «Мечтательница, все с книгами да с книгами, жила между небом и землей».

Смысл последней фразы для меня всегда оставался неясным, хотя я тоже люблю книги и тоже иногда о чем-нибудь мечтаю. Но теперь, увидев Марию Александровну, я, кажется, начинаю понимать, что означает жить между небом и землей, только не могу объяснить это словами.

Костя легонько двинул меня плечом и зашептал:

— Выходит, если мы наполним бассейн А за тридцать минут, а бассейн Б...

— Константинов! — раздался предостерегающий голос учителя. Я думал, Юрий Васильевич подойдет к нам, но он по-прежнему оставался возле окна.

Осторожно обернувшись, я посмотрел на него. Сгорбившись, Юрий Васильевич смотрел в сторону кладбища. Седой, с резкими морщинами, он казался мне раньше стариком. Только в прошлом году, когда Костя, Вовка и я помогли ему копать на огороде картошку, мы, увидев его молодую жену и новорожденных близнецов, поняли: он у нас еще не совсем старый. А словоохотливая соседка объяснила: «Учителю вашему, хлопчики, не больше тридцати. А согнула его война и плен».

Плен?! Представляя войну, мы даже мысли не допускали, что кто-нибудь из наших отцов мог оказаться за колючей проволокой. А учитель, оказывается, был там. Вот почему у него нет никаких наград... Только плен — это все равно позор, и мы решили никому ничего не рассказывать. Юрий Васильевич у нас очень добрый, правда, если доведешь, так грозно глянет! — поджилки затрясутся. Зато голова у него! О чем ни спросишь — все знает. Он даже учил девчонок вязать варежки. И не было в классе человека, который бы не мечтал удивить учителя каким-нибудь, каверзным вопросом.

Однажды, спасаясь от стопроцентной двойки, Вовка спросил: «Почему говорят: подумалось, открыл Америку?»

И Юрий Васильевич, загоревшись и забыв об арифметике, посвятил урок знаменитому мореплавателю Христофору Колумбу.

Вовка, избежав в тот день неприятностей, ходил гоголем и ломал голову, что бы еще такое придумать. Но на все остальные высосанные из пальца вопросы учитель не реагировал, а за неумение решать примеры ставил против фамилии Белова двойку. Вот тогда Рыжего и меня прикрепили к нему — это было нашим первым пионерским поручением. Все лето мы старались: если бы Вовка остался на второй год, его бы перевели в младшую группу. Перед началом учебного года мы отправились в школу. Юрий Васильевич завел нашего подшефного в класс, а нам войти не разрешил. Мы от волнения чуть не поседели, а Вовка бекал и мекал возле доски. Наконец учитель самолично открыл перед нами дверь. Если мы все же сохранили свой естественный цвет волос, то русоволосый Вовка превратился в альбиноса. Роба у него была счастливой, он вытирал испачканные мелом руки о штаны и о голову.

— Тройка, — не стал томить нас учитель. — Здоровая тройка и даже четверка с минусом.

— Ура! — завопили мы.

Юрий Васильевич написал воспитательнице записку, и мы помчались наперегонки в детдом.

На вечерней линейке Эмма Яковлевна вызвала нас троих к знамени. По традиции нам все аплодировали. А на следующий день совет дружины постановил: принять Вовку в пионеры. И если раньше, глядя на наши, галстуки, он иногда завистливо язвил: «Пионерчик — всем примерчик», то больше уже никогда не произносил этих слов.

Но с арифметикой у него по-прежнему туго, хоть и не так, как в третьем классе. Он понял: этот предмет все время надо учить. Только сегодня ему, наверное, как и всем, вовсе не хочется решать скучную задачу. На дворе светит майское солнце, и все птицы такие счастливые — кричат все, что им взбрдет в голову!..

Вовка сидит сзади меня, боится подать голос и тычет мне в спину обратным концом ручки. Не оборачиваясь, я заносу руку за спину и показываю ему фигу.

— Что тебе, жалко!..

Юрий Васильевич ничего не услышал, а может, просто решил промолчать. Поэтому я заменил за спиной левую руку на правую и сделал из пяти пальцев два кукиша. Услышав шаги учителя, разжал пальцы и стал чесать спину.

— Решайте, я сейчас приду, — проговорил на ходу учитель и быстрым шагом зашел куда-то по коридору.

Все сразу зашевелились; шумно вздохнул погруженный в задачу Ко-ко-ко, а я, повернувшись к Вовке, бросил взгляд на улицу и увидел идущую по дороге Марию Александровну.

— Вовка, Рыжий, смотрите кто идет!

Я выскочил из-за парты и подбежал к окну.

— Какая нарядная! — воскликнула сидевшая возле окна Лена.

— Наша знакомая, — похвастался Вовка. — Она вчера нам редиски разрешила нарвать... Ой, смотрите, Юрий Васильевич!

Выбежав из дверей, наш учитель зашел, навстречу Марии Александровне, взял ее руку, поцеловал, и она, положив ему голову на плечо, заплакала. Учитель погладил ее длинные каштановые волосы. Мария Александровна полезла в сумочку, достала платок, вытерла глаза, улыбнулась, что-то сказала, а он снова бережно взял ее руку, наклонился и поцеловал.

— Как рыцарь, — вздохнула Лена.

— Пережиток капитализма, — сказал Вовка.

— А все равно красиво, когда мужчина целует женщине руку.

Юрий Васильевич повел Марию Александровну к школе. Он по-прежнему что-то говорил ей, она молча улыбалась, а увидев в окне наши любопытные лица, остановилась и кивнула в нашу сторону. Мне показалось, что она обрадовалась.

Вернувшись в класс, Юрий Васильевич сел за свой стол, заглянул в классный журнал, улыбнулся, перевернул страницу, затем полез в карман, достал носовой платок и шумно высморкался.

С учителем происходило что-то странное. Вовка первым почувствовал, что его можно «заговорить».

— Юрий Васильевич, — поднялся он, — а вы Марию Александровну тоже знаете?

Вовка напомнил о ней с самой невинной физиономией. Честное слово, если он не передумает идти в летчики, то обязательно станет артистом.

Вовкин вопрос привел учителя в полнейшее замешательство. Оставив в покое свой нос, Юрий Васильевич устался на Вовку.

— Ого! Не успел человек появиться на селе, а вы уже тут как тут. Подозреваю, знакомство происходило при несколько необычных обстоятельствах, так?

— Как вам сказать, — замялся Вовка.

— Так и скажи, — певуче произнес учитель.

— Мы тоже хотели отметить День Победы, и нам нужна была редиска...

— И вы решили попастьись в чужом огороде?

Класс грохнул. Теперь каждый почувствовал, что решение задачи будет перенесено на понедельник.

— И неправда, — запротестовал Вовка. — Мария Александровна разрешила нам пойти в огород. Если не верите, спросите у Борьки или у Рыжего, они не соврут.

— Юрий Васильевич, откуда она приехала? — спросил я.

— Из Ленинграда.

— Она артистка?

— С чего ты взял? — удивился учитель.

— А я видел у нее в комнате пианино.

— Правда? — Учитель и мои друзья недоверчиво посмотрели на меня.

— Честное пионерское! — обиделся я.

Юрий Васильевич вздохнул, поднялся, молча прошелся перед классом и, как всегда, когда надо было сказать что-то значительное, остановился возле доски.

— Вы знаете, дети, Мария Александровна когда-то сидела за той партией, где сейчас сидит Алешин.

Я вздрогнул.

— Почему-то она всегда казалась мне весенней птицей... Странно... Она была нашим комсомольским секретарем. Большая умница, поступила в Ленинградский университет. А потом... Потом пришла война. — Он замолчал, устало сгорбился и, словно удаляясь от нас, задумчиво произнес: — С тех пор, как нас выпустила школа, прошло четырнадцать лет, целых четырнадцать лет, — повторил учитель дрогнувшим голосом и покачал седой головой.

Лена подняла руку:

— Юрий Васильевич, а вы за какой партией сидели?

— За твоей, Леночка.

Звонок колокольчика известил о конце урока.

— Идите, — сказал учитель. — В понедельник принесете решение задачи. И следующую решите. Какая там по номеру?

— Двести тринадцатая, — ответил Рыжий.

— Хорошо. Все свободны. До свидания.

Юрий Васильевич первым вышел из класса.

Выбежав на улицу, я завернул за угол и, пригнувшись, подошел к открытому окну учительской.

— Дочь и сын в прошлом году родились, близнецы, — услышал я над самой головой голос учителя. — Сына назвали Владеком — в честь моего друга, мы с ним вместе из лагеря уходили, а дочку — Марией, это уже в вашу честь.

— Спасибо.

— Вы к нам надолго?

— Надолго, почти до конца лета. Буду спать, буду бегать босиком, читать, разбирать ноты. У меня за все эти годы не было ни одного свободного дня. Аспирантура, защита диссертации...

— Поздравляю.

— Не с чем, это я от одиночества и отчаянья... Скажи,

Юра, а из ребят нашего класса кто-нибудь остался в живых?

— Никого больше нет, Мария, ни Середы, ни Кучеренко, ни Мартынова...

— Борька! — завопил за углом Вовка. — Борька, где ты-ты-ы!

— А, чтоб тебе было пусто! — тихо выругался я.

— Он уже, наверное, ушел, — услышал я голос Лены.

— Не может быть! Это ты от своего Степки убегаешь, — подколол ее Вовка, — а мы всегда вместе. Борька, где... — Выйдя из-за угла, он увидел мой кулак.

— Кажется, там кто-то притаился, — услышал я голос Марии Александровны.

— Где? — удивился учитель.

Я не стал ждать продолжения и бросился бежать, Вовка и Лена за мной. Возле клуба мы остановились. Оглянувшись, я увидел стоявших на крыльце Марию Александровну и учителя.

— И зачем мы убежали? — удивилась Лена. — Надо было остаться, я бы получше рассмотрела эту женщину.

— Она очень красивая, как моя мама, — неожиданно для себя сказал я.

— у меня мама тоже была красивая, — сказала Лена.

— А у меня!.. — воскликнул Вовка...

Я взял у Лены ее портфель, и мы зашагали вниз по дороге, к речке; свернули возле моста направо и не спеша пошли вдоль берега, мимо огромных раскидистых тополей, посаженных каким-то кудесником, наверное, еще сто, а может, и двести лет назад. Летом, когда на тебе ни обуви, ни лишней одежды, и ты уже научился плавать, залезешь на такое дерево, у которого ветки висят над самым глубоким местом реки, повиснешь, как на турнике, затем разожмешь пальцы и с диким визгом летишь вниз...

Мы перешли на другую сторону через ветхий дощатый мостик, прошли по тропинке между огороженными живой изгородью огородами и вышли к церкви. Два священника в черном, с открытыми бородами лицами и с сияющими на груди крестами прогуливались вдоль чугунной ограды. Мы с открытыми ртами поглазели на них.

— Пойдемте, Степу проведем, — предложила Лена.

— Пошли, — согласились мы без всякой охоты.

С Трехгубым наша дружба распалась после его возвращения из Киева, где ему сделали операцию. Теперь у него, как и у всех нас, было две губы с почти незаметным шрамом под носом. «Когда вырастешь, закроешь шрам бравыми артиллерийскими усами», — сказал Андрей Андреевич и показал нам свою военную фотографию. Он был снят возле орудия: молодой, с веселой улыбкой, на гимнастерке всего лишь одна медаль, но зато он был тогда с двумя глазами. А роскошные «артиллерийские» усы казались приклеенными к его лицу.

Трехгубый, его по-прежнему все так и звали, с первого же дня после приезда стал надуваться как индюк, если при нем кто-нибудь начинал разговаривать с Леной. Нам было смешно, потом мы стали злиться, а потом перестали с ним дружить. Впрочем, и для него все наши дела были неинтересны. Он только учился и торчал возле Лены. Он даже втерся в доверие к фельдшеру и стал рассказывать о какой-то военно-медицинской академии. Ходит теперь такой же чистенький и аккуратенький, как и Лена. Но если эта аккуратность ей к лицу, ведь она девочка, то над Степкой уже все пацаны смеются. Он и ангину заработал потому, что решил по утрам мыть холодной водой уши и шею. Сейчас же не лето!

Мы подошли к изолятору. Трехгубый сидел с перевязанной шеей возле окна и хмуρο глядел на меня, идущего с портфелем Лены.

— Здоров, Трехгубый! — крикнул Вовка. — Выздоровел или еще болеешь?

Он открыл форточку, и мы услышали его сиплый голос:

— Я уже выздоровел, но тетя Христя не выпускает.

Говорит, завтра придет фельдшер и решит, что со мной делать.

— Правильно, — сказала Лена. — Тетя Христя в медицине совсем не разбирается. Она лечила тебя по-народному: горячим молоком и медом, а лекарств никаких не давала.

— А я здоров.

— Нет, — решительно возразила Лена. — Без Настасьи Никитичны тебя никто из санчасти не выпустит.

По-моему, она была даже рада тому, что Степка заболел. Впрочем, и я тоже: можно пройтись вместе с Леной и понести ее портфель. Жалко, что нам Вовка мешал, без него было бы интересней.

— Ладно, выздоравливай, — сказал Вовка и повернулся ко мне: — Борь, я сбегая к тете Паше, может, она что-нибудь вкусненькое приготовила.

— Давай, — сказал я. Вовка у нашей поварахи любимчик. Она для него даже котлеты жарит, а мы их съедаем.

— Мы тоже пойдем, — сказала Трехгубому Лена. — Закрывай форточку и ложись в постель, тебе вставать еще вредно.

— А ты когда придешь?

— Я не смогу: надо уроки учить, а потом стенгазету готовить.

Трехгубый волком посмотрел на нас и захлопнул форточку.

— Обиделся. — Лена растерянно посмотрела на меня своими прозрачными глазами. Я промолчал. Мы отошли от санчасти и направились в столовую.

— Боря, ты тоже хочешь быть офицером?

— Нет, или летчиком, или моряком. А если никуда не примут, то пойду в подводники. Представляешь, сидишь в лодке и плывешь аж через весь океан. Никто не видит тебя и даже не знает, что ты собираешься делать, во!..

— А если тебя ранят, я буду тебя лечить. Вытащу все осколки, перелью свою кровь, а когда ты выздоровеешь, то подарю мне большой букет красных роз...

— И мы с тобой поженимся! — выпалил я.

Нам почему-то стало страшно, и мы боялись посмотреть друг на друга. Лена молча взяла из моих рук свой портфель и убежала...

Во время обеда ее не было, и Надежда Павловна даже не поинтересовалась, почему ее нет. Я сидел, уткнувшись в тарелку, ел без всякого аппетита, а когда поднял глаза, встретился с пристальным взглядом воспитательницы.

— Боря, зайди к Эмме Яковлевне, она просила, — сказала Надежда Павловна.

«Что теперь будет?! — подумал я. — Видно, Лена ей все рассказала, и теперь меня начнут прорабатывать».

Эмма Яковлевна, когда я постучал, пропела своим мелодичным голосом:

— Войдите.

Опустив голову, я открыл дверь и очутился в ее маленьком кабинете.

— Здравствуйте, Эмма Яковлевна.

— Здравствуй еще раз, — улыбнулась она. — Садись.

— Я лучше постою.

— Что с тобой, заболел или тебя кто-нибудь обидел?

— А кто меня может обидеть?

— Это верно. Ты у нас уже взрослый,

— Я знаю: когда мне исполнится четырнадцать — в ремеслу отправят.

— В ремесленное училище, — поправила она. — Таков порядок. Зато там вы получите специальность, станете самостоятельными. Но до этого еще далеко. Я вызвала тебя вот по какому поводу...

«Сейчас начнет», — подумал я.

— Ты помнишь, в прошлом году наши ребята и девочки ходили в поход...

Еще бы не помнить! Пацаны всю зиму вспоминали, как шли они от села к селу, выступали с концертами перед колхозниками, записывали воспоминания партизан и фронтовиков, а потом вместе с деревенскими пионерами проводили вечера у костра. Самое интересное заносилось в толстый альбом, который был передан ребятам из Прибрежненского детдома. Они понесли его в следующий детдом, те еще дальше, и так до самой Винницы. А нашему детдому вручали тот альбом мончаковцы. Жалко, в тот момент не было в детдоме ни меня, ни Вовки, ни Рыжего. Вместе с Ко-ко-ко и Андреем Андреевичем мы жили в

лесу возле маленькой деревушки Искорка и приводили в порядок нашу летнюю базу отдыха.

— В этом году эстафету понесут в обратном направлении: нам прибрежненцы, мы — мончаковцам. Ты бы хотел принять участие в этом походе?

— Конечно! — воскликнул я. — А когда?

— Ну, это еще не скоро, где-то в середине июля или в начале августа, но лучше сейчас поговорить с каждым. Значит, согласен, так?

— Да, — обрадованно кивнул я.

— Можешь идти гулять.

— Правда? — удивился я.

— Да, Борис, ты свободен. Ешь побольше, набирайся сил.

Я выскочил из кабинета, подпрыгнул и побежал к санчасти. Мне так захотелось увидеть Лену и сказать ей, что меня возьмут в поход. Ее, конечно, тоже: какой отряд обходится без санинструктора?

Увидев меня, Лена покраснела, вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

— Лена, — начал я и запнулся. — Лена, вот... — кто-то невидимый взял мою руку и поднес к ее лицу, — видишь ногти какие черные. Постричь надо. Я забыл про них, а они так быстро растут, просто удивительно.

Не сказав ни слова, Лена захлопнула перед моим носом дверь. Через минуту открыла и с потухшим лицом протянула ножницы.

— Не потеряй — тихим голосом сказала она.

— Что это с тобой? — донесся до меня встревоженный голос тети Христи.

Я швырнул ножницы на землю и убежал...

Глава третья

В воскресенье с самого утра Эмма Яковлевна объявила по всему детдому аврал. Девчонкам было поручено вынести из спален матрасы, подушки и одеяла, хорошенько выбить их и просушить. Часть девочек осталась на центральной усадьбе, а другая, во главе с директором, отправилась в наш мальчишеский корпус. Туда же пошли возглавляемые Ко-ко-ко известные в детдоме мастера по ремонту коечных сеток. Обычно такими делами у нас занимаются перед праздником. Но в этом году апрель выдался дождливым, пришлось генеральную уборку отложить.

Над ребятами принял команду Андрей Андреевич. Еще в марте на совместном заседании педсовета, совета дружины и детсовета было решено оборудовать за столовой спортплощадку. Раньше вся эта территория — от церковного забора до столярной мастерской, почти восемьдесят метров в длину и шестьдесят в ширину — была разбита на маленькие грядки. Каждый из нас мог получить грядку и выращивать на ней все, что ему захочется. Теперь огород перенесли в другое место.

Вовке, Рыжему и мне не повезло. По заранее составленному графику именно сегодня мы должны были пилить для кухни дрова. И сейчас, когда все пацаны строили на бывшем огороде спортивную площадку, мы вместе с примкнувшим к нам Федькой Истоминым уныло стояли возле большой кучи бревен.

Андрей Андреевич самолично сложил возле козел четыре толстых и четыре тонких полена. «Сначала распилите толстые, — посоветовал он, — тяжелую работу надо выполнять в первую очередь». Но у нас не хватило духа заняться толстыми бревнами, когда рядом лежали тонкие. Мы быстро разделались с ними, передохнули, попили водицы и бросили жребий, какой паре начинать. Выпало мне и Вовке.

Приступили с охами и вздохами. Но то ли пила была удачно разведена и хорошо наточена, то ли сила у нас появилась —

дело спорилось; мы менялись после каждого отпиленного куска и даже устроили соревнование.

Перед последней деревяшкой — самой толстой и сучковатой — было решено отдохнуть и перекусить. Даже Истомин согласился с нами: «Надо что-нибудь съесть». Услышав такое, мы заржали, как кони. Дело в том, что Федька почему-то мясо есть не мог, на сало даже не смотрел; всегда сидел на спецпитании, и, когда все ели борщ, котлеты, овсяную кашу, он задумчиво сидел над куриной ножкой, копался ложечкой в манной каше и цедил молочко. Самое удивительное, что наш математик, больше похожий на девочку, чем на пацана, чуть не умер от голода в ленинградской блокаде.

— В общем так, — обратился я к Федьке, — раз ты хочешь кушать, то сегодня мы пошлем вместо Вовки тебя, согласен?

— А если мне не дадут?

— Дадут, — уверенно сказал Вовка. — Тетя Паша уже знает, что ты сам вызвался с нами дрова пилить.

Не забудь захватить соли, — сказал Рыжий.

Федька кивнул и направился к столовой, а мы тем временем достали из тайника четыре ореха и перочинный ножичек. Их у нас было два. Второй хранился в другом тайнике: в саду возле спального корпуса. Рыжий молодец, продумал все отлично! К возвращению Федьки разбитые и поделенные орехи лежали на плоском бревне, а ножичек спрятан в тайник.

Увидев полную тарелку мяса, Вовка удовлетворенно при-
свистнул:

— Видишь, дала, значит.

— Даже слова плохого не произнесла, — улыбнулся Федька.

— А лук почему не прихватил? — спросил я.

Он поставил рядом с орехами тарелку, положил хлеб, а потом молча развел руками.

— И про соль забыл, — сказал Рыжий.

— Ой, ну и балда же я! — Федька повернулся и побежал к столовой.

— Силу организму дает труд, — важно произнес Вовка любимую Андреем Андреевичем фразу.

Истомин принес соль и лук и сел есть вместе с нами. Я представил себе, как удивилась вечно недовольная Федькой повараха, когда он пришел к ней за едой. Устав специально для него готовить кашицы и прочие деликатесы, она, наверное, десять раз перекрестилась. Она у нас очень добрая, но верующая, все время крестится. «Стоп!» — сказал я самому себе и посмотрел на Вовку, торопившегося слопать свою порцию. Как это я сразу не догадался, что именно от тети Паши он и набрался разных суеверий, ведь все время толчется возле нее на кухне. Может, он и молиться уже научился?.. Церковь рядом — людей ходит много, сам видел — даже детей приводят. Но чтобы детдомовец, пионер, да еще мой друг занимался этой чепухой!

— А ну скажи, зачем люди в церковь ходят? — сердито обратился я к Вовке.

От неожиданности он проглотил плохо разжеванный кусок, хлопнул ресницами и ответил:

— Грехи замаливать, зачем же еще?

— Та-а-к, — грозно сказал я, не обращая внимания на недоуменные лица Рыжего и Федьки. — Докатился!

— Ты что? — испуганно вытаращился Вовка.

— А то, что если я еще раз увижу тебя возле поварахи — морду расквашу и зубы проглотишь, понял?

Вовка молча опустил голову.

— Понял, — сказал вместо него Рыжий. — Небось забыл о нашем уговоре?

— Не забыл, — ответил Вовка упавшим голосом.

— Что я вижу! — раздался удивленный возглас Андрея Андреевича. — Потомок знаменитого адмирала Истомина ест мясо! Вот как, Федя, на пользу тебе работа. Значит, порох в пороховнице есть.

Ну а ты, Вовка, снова смурной? Обижают они тебя, что ли?

— Нет, Андрей Андреевич, это у меня после мяса желудок начинает работать, а голова пустеет, вот и кажется, что я мрачный.

Мы засмеялись, радуясь Вовкиной находчивости.

— Между прочим, в нашей семье никогда не было адмиралов, — обиженным голосом произнес Истомин. — И папа, и мама, и бабушка, и дедушка — все работали на Путиловском заводе.

— Все равно, будешь адмирал-математик, — обрадовался Вовка, любивший давать всем клички.

— А самое главное — человеком, — сказал Андрей Андреевич. — Это очень хорошо, что не забываешь о своих путиловцах.

У меня в батарее был наводчик с вашего завода, его фамилия Красовский, слышал о таком?

— Нет, не помню, — покачал головой Федька.

— Смелый был парень, — вздохнул воспитатель. —

В первом же бою два танка подбил... Ладно, — оборвал он самого себя, — поднимайтесь и заканчивайте. Не послушались меня, теперь вам придется поднатужиться.

Воспитатель оказался прав. С этим бревном мы возились очень долго. Пока распилили да разрубили — все уже закончили свои дела. А хилый ленинградец оказался крепче, чем мы думали: Федька сильно устал, но работал с нами наравне. Завтра у него будут болеть все мышцы, а послезавтра или через несколько дней все пройдет. «Силу даст организму физический труд».

Сегодня после отбоя тетя Христя не стала укладываться на протопленной дровами печи. Она долго обходила все спальни, а потом куда-то ушла.

— Встаем? — поднял голову Рыжий.

— Встаем, — согласился я и повернулся к Вовке: — Подъем! Он притворился спящим и даже всхрапнул.

— Папа римский, не будь притворой.

Ничего не ответив, Вовка слез с постели и стал натягивать штаны. Лежавший рядом с ним Федька Истомин вытащил голову из-под подушки (иначе он спать не мог) и спросил:

— Вы куда, снова за редиской?

— На кладбище, — буркнул Рыжий.

— Ври больше! Можно, и я с вами?

— Давай, если мертвецов не боишься.

Вовка уронил башмак.

— Боюсь, — честно признался Федька.

— Тогда лежи и не дыши.

— А зачем вы идете на кладбище?

— Будем могилы разрывать и золото искать, — сообщил я разбойничьим шепотом. Федька тут же спрятал голову под подушку.

В это время спавший возле двери Ко-ко-ко засвистел носом, да так красиво — захотел бы, а не сумел.

— Ночной соловей, — засмеялся Рыжий.

— Я уже, — упавшим голосом сказал Вовка.

На улице было темно. Поднявшийся к вечеру теплый ветер согнал в одно место черные облака, но потом, сообразив, что поля и так переполнены влагой, быстро погнал их в сторону леса — деревьям лишняя влага не помешает. Луна все время выглядывала из просветов, казалось, будто она совершает бег на месте.

— Аллюром, — предложил я и поскакал по дороге.

Возле магазина девчата и парни пели под гармошку грустную песню. Не останавливаясь, мы свернули направо, промчались через мост, вспугнув в разных его концах безмолвные парочки, поднялись к клубу, дошли шагом до школы, а от нее снова полетели дальше и застыли возле знакомого колодца. Как и всегда, я заглянул вниз.

— И чего ты там все время ищешь? — удивился Рыжий.

— Бриллианты, — засмеялся я и посмотрел на дом тети Христи. В первом окне было темно, во втором горел свет.

Захотелось подойти и посмотреть на Марию Александровну.

— Значит, так, — приступил к делу Рыжий. — Лучше всего перебежим вдоль забора на ту сторону, а уже оттуда напрямик, через кладбище, к этим воротам.

— И вы тоже со мной! — обрадовался Вовка.

— Хочешь — иди один, — предложил Рыжий. — Только мы с Борькой решили, что сначала тебе надо несколько раз пройти с нами, а потом, когда привыкнешь, пойдешь сам.

Ничего не сказав, Вовка медленно пошел впереди нас. У деревянных ворот мы повернули направо. Узкая тропинка вилась среди бурьяна вдоль каменной стены, во многих местах обвалившейся и заросшей колючим шиповником. Возле глубокого оврага, где пацаны находят старые кости, мы остановились, постояли, а потом Рыжий, отодвинув Вовку, первым начал спускаться вниз. Встревоженная птица закричала где-то совсем рядом тоскливым голосом. Вовка на миг приостановился, и я наступил ему на пятку. Он испуганно вскрикнул. Птица тут же умолкла, и когда мы пошли дальше, снова душераздирающе закричала: «Уи-и-и, уи-и-и...».

Хорошо, что впереди шел Рыжий. Будь я на его месте — не выдержал и побежал бы куда глаза глядят. А они, кроме тропинки, ничего не видели. Луна, желавшая нам помочь, ничего не могла сделать: ее хватало лишь на то, чтобы едва пробить плотный слой подгоняемых ветром облаков. Наконец мы выбрались из оврага. Тоскующий голос ушел куда-то под землю, перед нами разлеглось ночное поле.

— О-го-го-го-го-го!.. — раздался со стороны села веселый крик горластого парня.

— Ого-го-го!.. — откликнулись ему с другого конца.

Дружно завопили в ответ собаки. Ветер сразу куда-то спрятался.

— Пойдемте, — вздохнул Рыжий и зашагал вдоль стены, выискивая пролом.

Метров через сто мы увидели забитую жердями дыру. Рыжий первым перелез на ту сторону. За ним — Вовка, за Вовкой — я. И сразу каждый почувствовал себя в другом мире. Мы прижались друг к другу, боясь сделать первый шаг к застывшим в темноте крестам и памятникам, под которыми, сложив на груди руки, лежали бывшие когда-то живыми люди. И если мы с Рыжим еще сегодня гордились перед дрожавшим Вовкой своей храбростью, то сейчас нам самим было очень страшно.

— Ну что, пойдём? — шепотом сказал Рыжий и не сдвинулся с места.

Переждав собачий лай, ветер закрутился снова и смело ринулся к нам на кладбище. Длинные тополя и низенькие вишни закачались под его упругим напором. Рядом с нами упала сухая ветка. Я наклонился, взял ее в руку.

— Пойдемте! Помните, Надежда Павловна читала нам про Зою Космодемьянскую? Она тоже не боялась переходить ночью через кладбище.

Ветер по-прежнему раскачивал деревья, луна еще быстрее бежала на месте. Затаив дыхание, мы пошли гуськом. Мне мерещилась всякая жуть; в памяти всплыли истории о привидениях и о кладбищенских ворах, накрывающихся белыми простынями. Я подумал, что зимой здесь было не так страшно. Наверное, из-за снега.

Выйдя на центральную аллею, мы увидели мерцающий в чьем-то окне огонек.

— Наверное, кто-то книгу читает, — сказал Рыжий.

— А может, бельё штопает.

— Или хлеб печет. — Рыжий повернулся к Вовке: — Чего молчишь, страшно?

— Не-е-е оч-чень.

— Вот видишь, нет здесь никаких ведьм и привидений.

У страха глаза велики.

Вовка ничего не ответил, протиснулся между нами и вдруг испуганно вцепился в меня двумя руками. У меня от страха мурашки забегали по голове.

— Ты ч-ч-чего?

— Показалось, — выдохнул он и отпустил меня.

Я выругался.

— Нельзя на кладбище ругаться, — сказал он. — Это очень греш... некрасиво.

— Чего ты? — удивился Рыжий.

— Да так, — процедил я и незаметно двинул Вовку кулаком в бок.

Рыжий не стал допытываться. Шел, как и мы, озираясь по сторонам. Возле ворот он обернулся назад и задумчиво произнес:

— Удивительно все-таки, знаешь, что никого здесь нет, а идешь, и на душе кошки скребут,

— Вот видишь! — обрадовался Вовка. — А вы еще хотели, чтобы я один через все кладбище прошел.

— Один не один — дело не в этом. Ты теперь убедился, что на кладбище никаких ведьм и привидений не существует. Страшно, — признался я, — но не из-за твоих дурацких выдумок, а потому, что много мертвых людей похоронено на одном месте.

Вовка что-то пробормотал себе под нос. Я понял: мои доводы не очень на него подействовали. Но мне самому тоже было непонятно: почему все-таки я испугался? Здесь действительно нет никаких привидений, этим сказкам можно верить до десяти лет. Мы уже взрослые, пора воспитывать в себе смелость. Партизаны в войну не боялись ходить в одиночестве через темный лес, пионер Володя Дубинин выходил из катакомб на разведку, а мы, словно девчонки, чуть не умерли от страха, а потом еще и признаемся в этом друг другу.

— Айда еще раз!

— Ой, Борька, не надо! — воскликнул Вовка.

Рыжий промолчал.

— Поодиночке! — я стиснул кулаки. — Каждый от ворот до противоположного забора, а оттуда возвратимся все вместе.

— Чур, я последний, — заявил Вовка, и с надеждой повернулся к Рыжему: может, тот отговорит меня.

Рыжий снова ничего не сказал. Я не стал ждать его согласия, знал, что все равно пройду туда и обратно.

Поняв, что на поддержку со стороны Рыжего надежды мало, Вовка схватил меня за руку и повторил:

— Чур, я последний!

— Ладно, — выдохнул я. И чувствуя, как от вновь нахлынувшего страха застывает сердце, а ноги, не желая ступать, становятся каменными, сделал все-таки шаг вперед...

— И вы ходили через все кладбище?

Мария Александровна с искренним удивлением посмотрела на каждого по очереди.

— Да! — гордо произнес Вовка. — Я даже хотел убежать, а потом все-таки пошел после него, — кивнул он на меня.

«Чуть не умер от страха», — усмехнулся я и устыдился: у самого зубы стучали, как молотки.

— Я тоже думал, что не смогу, — признался Рыжий, — но потом решился.

— И кто же вам придумал такое испытание?

— Он, наш командир, — показал на меня Рыжий.

Он впервые назвал меня командиром. У меня покраснели уши: оказывается, такие слова очень приятно слушать.

— Да, Борька наш командир, — подтвердил Вовка и вздохнул: — Я бы тоже хотел командовать...

Мы засмеялись, а я громче всех. Как хорошо, что у меня замечательные друзья! Дергаясь возле забора от каждого шороха, я все-таки верил, что кто-нибудь да придет. Пришли оба: сначала Вовка, а потом, после перерыва — Рыжий.

Мария Александровна подошла к старому дивану, на который нас усадила, присела на корточки, и, пристально глядя на меня, произнесла каким-то чужим голосом:

— Как странно, такие же зеленые глаза, и лицо, и брови....

Вовка и Рыжий с удивлением посмотрели на нее, потом на меня. Мне и самому захотелось посмотреть на себя в зеркало. Но в этот момент Мария Александровна поднялась и сказала:

— Сейчас я напою вас чаем и угощу шоколадными конфетами.

Она вышла в ту комнату, где стояло пианино, оттуда на заставленную цветочными горшками веранду, что-то уронила, а потом разожгла примус.

— А все я! — повернулся ко мне Вовка. — Тоже надо смелость иметь: подойти и сказать, что мы пришли в гости. Зато теперь шоколадные конфеты рубать будем!

— Повезло еще, что мы постучались к ней после того, как тетя Христя ушла.

— А сейчас она придет и увидит, что нас нет, знаешь, как всем попадет, а у меня еще трубу отнимут.

— Не бойся, не отнимут. Лучше тебя в детдоме один Лавр играет, — успокоил я его.

— Зато конфет поедим, — мудро заметил Вовка. Он закатил глаза и зачмокал губами. — Это тебе не на трубе гудеть. В конфетах, как в живой воде, сила необыкновенная. Съешь одну — кровь горячеет, десять съешь — все солдатские марши выучишься играть.

Рыжий широко улыбнулся и махнул рукой.

— Балабол ты, Вовка, а еще летчиком хочешь стать.

— Кто из вас хочет быть летчиком? — спросила вошедшая Мария Александровна.

— Я! — Вовка поднялся. — Давайте я чайник подержу.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Смотри не ошпарься. Сейчас я принесу чашки.

— Что я, дурак? — пробурчал Вовка. Он осторожно подошел с чайником к столу и чуть было не поставил его на белую скатерть.

Обалдевшие вначале от его изысканной воспитанности, мы, наконец, опомнились и дружно рывкнули:

— Куда?!

— Ну так снимите скатерть, — не растерялся он. — Ты, Рыжий, сложи ее, а ты, Борька, найди подставку, чтобы стол не портить. Дощечку какую-нибудь или кусок фанеры.

Я двинулся к дверям и чуть не столкнулся с хозяйкой. Она держала в руках большой поднос, и чего только на нем не было!..

— Пойдите помойте руки, а я пока займусь сервировкой стола. Чайник поставь на пол, — это она сказала Вовке.

Давно мы так тщательно не мыли руки. Да и мыло было душистое, пахнущее лесными травами, каждый понюхал его. А потом был пир, который нам и присниться не мог! Вкуснящая колбаса с черным хлебом, тающее во рту печенье, ароматный чай в тонких расписных чашечках — страшно было к ним прикасаться. А конфеты!.. В праздничных подарках нам попадались такие, по одной или по две штуки. А здесь целая коробка! И какая! Даже без ничего, только за один рисунок на ней —

кремлевская стена со Спасской башней — любой пацан, не говоря уже о девчонках, отдаст все что захочешь, будь то ножичек или солдатская фляга.

В первые минуты, забыв о приличии, мы энергично заработали челюстями и быстро уничтожили всю колбасу. Когда же дело дошло до печенья и конфет — приостановились. Но не потому, что вспомнили о благопристойном поведении, нет! Просто мы привыкли такие вкусные вещи делить поровну.

Я протянул руку, взял с тарелки одно печенье. То же самое сделали Вовка и Рыжий. Затем я достал из коробки одну конфету. Мои друзья повторили мой жест. Я запихнул в рот и то и другое и шумно отхлебнул из чашки. Проглотив, мы повторили все сначала в том же порядке. Потом еще раз, потом еще, и лишь когда хозяйка залилась веселым смехом, вспомнили о ее существовании и засмутились.

— Ешьте, дети, ешьте на здоровье!

— А вы? — сказал я.

— И я с вами.

Улыбаясь, Мария Александровна взяла из коробки конфету и стала есть.

— Вот мы везучие! — заговорил, наконец, Вовка.

— Угу, — поддержал застольную беседу Рыжий.

— Ага, — проагакал я, протягивая руку за печеньем и конфетой.

Мария Александровна как-то странно посмотрела на нас, но, ничего не сказав, поднялась и долила в чашки чая.

— Каждый день по одной такой коробке на троих, и жизнь как при коммунизме.

Вовка с сожалением посмотрел на четыре оставшиеся конфеты, похлопал себя по животу и проникновенно, с жалобными нотками, произнес:

— Спасибочко вам большое-пребольшое.

— Доедай, Вова.

Он протянул руку, но я так посмотрел на него, что он тут же спрятал ее за спину и поблагодарил:

— Спасибо, хватит, а то живот будет болеть.

Рыжий пыхнул, как паровоз, и отодвинул от себя блюдо.

— Спасибо!

— На здоровье.

— Спасибо, — сказал я.

— Пожалуйста, — улыбнулась она и поднялась. — Боюсь, дети, достанется вам из-за меня на орехи.

— Семь бед — один ответ, — вспомнил я где-то слышанную поговорку.

— Ух, какие вы у меня храбрые! Мне, кстати, тетя Христина рассказывала о вас. Это правда, что вас привезли сюда из образцового детдома?

— Да, нам повезло! — воскликнул Рыжий и показал на меня пальцем. — Это благодаря Борьке. Он залез ночью в клуб и стал на пианино играть. Ну, а Лысый, директор, его застукал. Терпение у него, конечно, лопнуло, он от нас и избавился.

— А вы здесь при чем?

— А мы нашей воспитательнице в госпиталь яблоки носили. — Вовка снова протянул к конфетам руку и тут же отдернул. — А потом у какого-то начальника обтрусил любимое дерево и все яблоки тоже в госпиталь отнесли.

— Правда?

— Только все равно ничего не помогло, — сказал я и вспомнил: «Эх, вы, золотая моя рота! Нравитесь вы мне...»

— Умерла Ирина Петровна, — вздохнул Рыжий. — Такая она у нас была добрая. Если наказывала — все равно не обижались.

— А меня она к книгам приучила, — сказал я. — Буду в Мончаке, обязательно к ней на могилу схожу.

Я поднял на Марию Александровну глаза и осекся: почерневшими глазами она смотрела в окно, в ночь. От неожиданности я даже приподнялся. Но тут она встряхнулась, как птица, повернулась к нам с печальной улыбкой:

— Давайте я вам поиграю, — сказала она и направилась в соседнюю комнату.

Мы пришли вслед за ней, уселись возле пианино... Лампа не горела. Из очищенного ветром неба лился таинственный лунный свет. Мария Александровна неслышно открыла крышку, тихо вздохнула и опустила на клавиши белые руки. Мне показалось, что это вдруг луна постучалась в окно. Оглянулся. Она лежала где-то там, между звездами, и в то же время была здесь, в этой комнате. Ее золотисто-зеленые лучи приподняли меня, отнесли в сказку и уложили на серебряные облака. Белая фея посмотрела на меня большими голубыми глазами, взмахнула волшебной палочкой, и я увидел в ее руках кулечек с розовыми подушечками. «Мальчик, откуда ты?» — «Из Симферополя». — «Знаю этот город. Я там была. До войны ездила с мужем в Ялту. Виноград, море, персики... Боже, что они с нами сделали?!» Она уронила кулечек, потом серебряную палочку, подошла ко мне и прижала к своей груди.

— Почему ты плачешь, Борис?

Я услышал, как тяжело стучит ее сердце, и заплакал еще горше.

— Ну, не плачь, ты же смелый командир, не надо...

Глава четвертая

Подложив яйца в чужие гнезда, кукушка беззаботно куковала целыми днями — выходило, что мы проживем больше тысячи лет.

Лето!.. Середина июня. Солнце кружит по голубому небу. Изредка проплывают белые облака-айсберги. Вслед за ними потянутся другие, вцепятся за что-то невидимое в небе, улягутся и будут лежать день-два — розовые по утрам и вечерам. К ним привыкаешь, перестаешь замечать. А потом почувствуешь непонятное беспокойство, начнешь озираться по сторонам, долго смотреть то на кривую сосну, то на мрачноватый дуб. Или залезешь на высокий, разлапистый клен с отполированной кожей, усядешься на рогатую ветку и будешь вглядываться вдаль. Увидишь за небольшим лесом соломенные крыши маленькой деревушки Искорки, дальше — низкорослый кустарник, опускающийся к желтому полю. Поле широкое, и ветер свободно гонит по нему немые волны, затухающие возле прямой дороги. Если хорошенько всмотреться — увидишь поднявшиеся к небу золотые купола. И лишь теперь поймешь, отчего не спокоен. Оказывается, нет больше белых айсбергов, которые выстраивали между небом и землей сказочные дворцы. Уплыли облака. Небо затянуто прозрачно-голубым покрывалом, и лишь в самом центре солнце выжгло круглую дыру. Я заглянул в нее и чуть не ослеп.

Лето!.. Нас привезли сюда на второй день после экзаменов. Все счастливые, носятся по лесу, мальчишки играют в войну... Уже почти все, и в одиночку, и группами, еще раз обследовали и простучали подвал разваленной еще в революцию барской усадьбы: надеялись отыскать клад и строили фантастические планы. Случись такое счастье, и перед каждым шалашом можно было бы увидеть горы конфет, пирожных, полные бидоны с мороженым. Захочешь — можешь спать на шоколаде и умываться розовым вареньем... Увы! Клад, наверное, испугался, услышав, во что его превратят, и ушел глубоко под землю. Во-

круг шалашей чисто, мороженое привозили из райцентра всего один раз, а умываемся мы ключевой водой.

Завтракаем и ужинаем в лесу, на поляне, обедать отправляемся в Искорку. Там тетя Паша и тетя Христя варят на воздухе пахнущие дымом борщи и супы, жарят в противнях мясо, держат в прохладном месте бачки с киселем и компотом.

В поле нам делать пока нечего. Хлеб еще не созрел. Мы всего лишь два раза очищали от сорняков кукурузу и один раз пропалывали цапками картошку. В остальные дни разбегались кто куда — в каждом лесу, даже в таком небольшом, как этот, всегда найдется много таинственных мест.

Собирала всех труба. «Бери ложку, бери бак, нету ложки — хлебай так!» — выводил Рыжий. Эмма Яковлевна разрешила ему держать инструмент при себе, но быть всегда под рукой. Рыжий от этого не страдал. Он целыми днями разучивал песни и марши.

Лучше всех себя чувствовал Вовка. Экзамены он сдал на честную тройку, и теперь, счастливый и гордый, с венком на голове, который ему сплела Лена, носился по всему лесу.

Но среди царившего в летнем лагере беззаботного веселья было несколько человек, которых не радовал отдых в лесу. Ходил словно в воду опущенный Ко-ко-ко. Ему не хотелось покидать детдом, но в пятнадцатилетнем возрасте держать его уже не имели права. Вчера Надежда Павловна повезла его документы в колхоз имени Чапаева. Это где-то километров за тридцать от Зеленого. Поступать в ремесленное училище Костя не захотел, а оставаться в нашем колхозе передумал. «Буду все время бегать к вам, никакой работы не смогу делать», — объяснил он.

Худо было Истомину. Федька тоскливо слонялся без дела, иногда подходил ко мне, заглядывал в книгу — этого я терпеть не мог! — и тяжело вздыхал. «Сесть бы сейчас на поезд и долго-долго ехать через степь, — сказал он как-то.

Я молча перевернул страницу. «Не понимаешь ты меня», — пожаловался он. «Да я сам не могу дождаться, когда закончится этот месяц!» — признался я.

Мне было хуже всех, во всяком случае, я так считал. Не было желания играть в казаки-разбойники или лазить по деревьям, прыгая, как Тарзан, с ветки на ветку, и оглашать лес диким воплем. С большим трудом я заставлял себя читать, а в соревнованиях по шашкам и шахматам занял последнее место.

Вчера я не выдержал: выбрался после отбоя из палатки и побежал в Зеленое. Мне так хотелось увидеть Марию Александровну! В детдоме никто не знал, даже Вовка и Рыжий, что я почти каждый день забегал к ней хоть на полчаса. Я привык слушать ее игру, смотреть на чуткие пальцы, на тонкое прекрасное лицо... Мне было радостно и спокойно рядом с ней, и я снова стал остро завидовать тем ребятам, у которых есть мать или отец.

В Зеленое я пришел глубокой ночью. В окнах дома было темно. Я постеснялся будить Марию Александровну. Постоял и побежал обратно...

— Ты бы хотел, чтобы тебя кто-нибудь усыновил? — спросил я у Истомина.

— Очень! — тут же воскликнул он.

— У тебя кто-нибудь из родных есть?

Он не ответил, подошел к ручью, набрал пригоршню воды и плеснул себе в лицо:

— Холодная!

Стряхнув с рук воду, он присел возле меня.

— В сорок пятом году, мне тогда уже восемь лет было, одна тетка хотела усыновить меня — муж у нее был полковник. В общем, пришла она один раз в детдом, второй... а потом увидела красивую, как кукла, девчонку и тут же передумала брать меня. А я, вот ты, Борь, не поверишь, три дня после этого слезы лил. И не думай, что из-за папы-полковника, нет, но жить в семье — это самое лучшее!

— Значит, у тебя никого-никого?

— Когда был в Уфе, директор официально запрос посылал. Пять месяцев не отвечали, а потом пришла бумага с печатями: голодуха всех сожрала — и дядьев, и теток.

— А отец и мать?

— Отец на фронте, а мама... при мне.

Он лег на спину и прикрыл ладонями глаза от солнца. Его белая с желтоватым оттенком кожа не поддавалась загару, на ребрах она почему-то морщилась, создавая препятствие для взбравшегося наверх крошечного паучка.

— А сейчас мне уже двенадцать лет. Хочешь не хочешь, теперь вряд ли кто-нибудь возьмет, все берут маленьких.

Хорошо, что у нас страна такая добрая: носится с нами, кормит, обувает, а ты только учишь, вырастешь — жалеть не будешь. Правду я говорю? — повернулся он ко мне.

— Правду, — сказал я.

— И знаешь, до чего я додумался, — он снова лег на спину и прикрыл глаза: — Вот мы все время ругаем милицию, а если бы не ловили нас на улицах, на вокзалах, в развалинах и потом не отправляли по детприемникам, ну на кого мы с тобой были сейчас похожи?

— Вшей бы кормили или по базарам шныряли.

— А потом бы в колонию попали. Ты представляешь?

Всегда сдержанный, Истомин впервые так откровенно говорил со мной. Я спросил:

— Ты кем хочешь быть?

— Токарем, — уверенно ответил он.

— Почему токарем? Ты у нас математик. Адмиралом лучше. Ну, не сразу, конечно, сначала моряком, потом лейтенантом...

— Покамест дослужишься до адмирала — полысеешь, а хорошим токарем можно стать за четыре года. Это первое.

А второе — я хочу выучиться в ремесленном, потом поработать, приехать в Ленинград и устроиться на завод имени Кирова. Меня возьмут, — уверенно сказал Федька.

— А почему ты сразу туда не поедешь?

В это время со стороны лагеря послышался призывающий на обед сигнал трубы. Истомин поднялся и, дождавшись тишины, ответил:

— Я пока что боюсь туда возвращаться. Надо еще окрепнуть. Мне тогда четыре года было, но я ничего не забыл, все помню, все! — вскрикнул он и шумно задышал.

Его лицо мгновенно посинело, он прижал к горлу руки, сделал несколько шагов, но вдруг осел и повалился на землю. Я кинулся к нему, но через минуту он уже успокоился.

— Прошло... Я почти целый год пластом лежал и в окно на лес смотрел. Теперь видеть его не могу.

— Давай отпросимся в село, — предложил я, радуясь, что приступ у Федьки закончился так быстро.

— Да я уже просил Эмму Яковлевну, а она засмеялась и сказала, что доктор приказал быть на воздухе.

«Бери ложку, бери бак, нету ложки — хлебай так», — повторил Рыжий.

Я поднял книгу:

— Пошли, Федька, обедать. Будем покамест токарями по хлебу и по салу.

— С удовольствием, — ответил он и пропустил меня вперед. Пройдя несколько шагов, я повернулся к нему и спросил;

— Может, ты зря отказался от спецпитания?

— Нет, Борька, все это чепуха на постном масле. Что, нас плохо кормят? Ты не беспокойся, у меня это пройдет.

Врачи говорили — перерасту. — И, неожиданно подпрыгнув, он ухватился за ветку дерева, мигом вскарабкался наверх, уселся и прокричал: — Я еще вернусь в Ленинград, на улицу Жуковского, двадцать семь, квартира семь! Запомни, Борька, этот адрес. Когда вырастешь и приедешь погостить в Ленинград, приходи ко мне в гости, я там жил и жить буду!

— Обязательно, — пообещал я и, услышав третий и последний сигнал трубы, предложил: — Помчали!

— Помчали! — тут же согласился Федька, — Наперегонки! — он спрыгнул на землю и первым бросился вперед. «Жуковского, двадцать семь, квартира семь, — повторил я, прежде чем броситься за ним. Догнать его и перегнать мне ничего не стоило. — Жуковского... Жуковского...»

— Стой! — закричал я таким страшным голосом, что бедный Федька чуть не упал на землю. — Как ты сказал? Жуковского?

Ошарашенный Истомин смотрел на меня испуганными глазами. А я затанцевал на одном месте, а потом, ничего не сказав, рванулся вперед.

Долетев до поляны, я увидел, что все уже построились: Эмма Яковлевна стоит впереди, Андрей Андреевич что-то говорит стоящей перед строем Лене, Рыжий разглядывает в последнем ряду листок с нотами, а Вовка с увядшим венком на голове потихоньку переругивается с Трехгубым.

— Вовка! — рывкнул я.

— Чего? — испуганно спросил он.

— Вовка! — снова крикнул я и запнулся, тут же сообразив: еще секунда, и я бы совершил величайшую глупость.

— Ничего, — буркнул я и стал в строй.

Все посмотрели на меня, как на чумного. Откуда им было знать, что, вспоминая Вовкину улицу в Симферополе, которая начинается на «Ж», мы сотни раз перебирали в памяти всех известных нам поэтов и композиторов, среди которых не было фамилии Жуковского. А Вовка, как и три года назад, свято верил, что отец жив, что он может быть давно разыскивает его... «Главное — вспомнить название улицы», — твердил он, заражая нас своей верой. Однако в Симферопольский горвоенкомат мы не писали: по горькому опыту других знали, какие приходят из военкоматов ответы: «...пал смертью храбрых на поле боя...» или «...считается без вести пропавшим...»

Ко мне подошел Андрей Андреевич.

— В чем дело, Борис? — строго спросил он.

— Можно я вам потом расскажу, хорошо? — попросил я.

Эмма Яковлевна дала команду шагать на обед.

— Ничего не говори про улицу Жуковского, — шепнул я Федьке.

— Почему? — удивился он.

— Сейчас узнаешь.

Мы отстали, и я рассказал ему о Вовкиной мачехе, о его без вести пропавшем отце, о том, что надо написать в Симферополь на улицу Жуковского, тринадцать. А вдруг?...

— Ну что ж, давай попытаемся, — согласился воспитатель.

— Все это лишние хлопоты, — заявил Федька.

— Ну почему же? — возразил Андрей Андреевич. — Попытка не пытка. Я, честно говоря, тоже мало верю, но лучше выяснить все до конца. Кстати, Борис, пошлем запрос в военкомат и на твоего отца, договорились?

Я молча кивнул и тут же пожалел о затеянном разговоре. Военкомат может не оставить никакой надежды — лучше бы я сам отправил письмо по Вовкиному адресу...

...На следующий день утром на незнакомой двухместной бидарке, запряженной сильным жеребцом, приехала Надежда Павловна. Она занималась устройством на работу Кости Константинова, а теперь должна была увезти его в другой конец района, в колхоз имени Чапаева.

Рыжий сыграл сбор. Детдом выстроился на поляне. Эмма Яковлевна и Костя вышли в центр.

— Друзья! — воскликнула Эмма Яковлевна. — Сейчас мы расстанемся с первым воспитанником нашего детдома Константиновым Костей Константиновичем. Наступило время и ему идти в трудовую дорогу. Помни, Костя, так в жизни не бывает, чтобы все пути были высланы коврами. Всякое случается в жизни: и хорошее, и плохое. Но ты будь всегда честным, Костя, и справедливым. Верь людям, держись за них, учись у них! Это тебе наш завет.

Эмма Яковлевна обняла Костю и поцеловала. Мы дружно зааплодировали.

— Спасибо! — прогудел Костя и поклонился Эмме Яковлевне. — Я вас всех всегда буду очень помнить.

Больше он ничего не смог выговорить, но мы горячо хлопали ему и грустными голосами кричали «ура». Все понимали: каждого впереди ожидает такой день, когда придется прощаться с родным домом...

Андрей Андреевич вынес из шалаша битком набитый солдатский рюкзак.

— Это тебе, Костя, зимняя одежда — полный комплект.

— Спасибо...

Мы бросились к Косте, окружили его. Он посмотрел на нас сверху вниз и с растерянным смешком произнес:

— Все, пацаны, нет больше Ко-ко-ко, я уже взрослый...

В этот момент Рыжий поднял сияющую на солнце трубу и звонко и чисто протрубил первые такты припева любимейшей нам песни Соловьева-Седого: «Пора в путь-дорогу...»

Ай да Рыжий! Это он отлично придумал — проводить нашего старшего товарища песней.

«Пора в путь-дорогу, дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем...» — начали самые сообразительные. — «Над милым порогом качну серебряным тебе крылом», — подхватило еще с десяток голосов...

Мы довели Костю до бидарки, положили возле его ног солдатский сидор и продолжали петь, провожая его в новую жизнь...

Глава пятая

— Не рвать, не щипать — вашу зелень показать!

Я открыл глаза. Надо мной стоял Вовка и хитро смотрел на меня.

— Не рвать, не щипать — вашу зелень показать! — повторил он.

Это у нас игра такая: если есть при тебе свежая зелень — хорошо, нет — значит, ты обязан выполнить желание того, кто тебя на этом поймал. Листик подорожника лежал у меня в кармашке использованного вместо подушки рюкзака, но, вспомнив, что этим утром заканчивается наш поход, я смилостивился над Вовкой и сделал вид, что потерял свою зелень. Он обрадованно вздохнул и потребовал свернуть его одеяло.

За десять дней мой друг так и не научился делать солдатскую скатку. Через час-полтора она у него разваливалась, и Надежда Павловна останавливала отряд. Вовка снимал через голову свой растрепанный хомут, сбрасывал рюкзак и под присмотром воспитательницы, теперь уже со мной, плотным жгутом сворачивал одеяло, соединял концы и связывал их мертвым узлом.

Хоть смейся, хоть плачь, но к походу Вовка был совсем не готов. А еще бывший беспризорник! Он все время плелся сзади всех, ныл, ругал себя, воспитателей и даже меня. Лучше бы с нами пошел Рыжий! Но он наступил на ржавый гвоздь и хро-мал. А Вовку, как и Истомина, брат в поход не планировали. Но Федька пошел в санчасть и убедил фельдшера, что для укрепления здоровья ему крайне необходимо развезтись.

Вовка взял всех измором. Он не постеснялся даже пролить море слез и до того надоел директорисе, что она видеть его не могла...

Сегодня наконец Вовкины мучения закончатся. Через три часа мы передадим эстафету Мончакскому детдому, погостим у них до завтра, а потом отправимся на машине домой...

Хорошо еще, что Вовка ничего не знал о письмах, которые мы с Андреем Андреевичем послали в Симферополь, иначе

бы он совсем извелся. Правда, он что-то такое чувствовал и несколько раз приставал ко мне: почему я так дико кричал на поляне? Я отговаривался всякой чепухой, но держал язык за зубами. Истомин тоже хранил нашу тайну.

Пока нам никто не ответил. Скорей всего, рассудили мы с Андреем Андреевичем, письмо попало в руки Вовкиной мачехи. Тогда мы решили, больше для острстки, послать еще два письма в одиннадцатый и пятнадцатый номера той же улицы — может, соседи что-нибудь напишут? Из горвоенкомата тоже ничего не приходило. Но нам было известно: оттуда сообщают не скоро. Дело очень серьезное и, прежде чем прислать точный ответ, надо сто раз проверить и перепроверить... Впрочем, все время думать об этом не хотелось, да и времени не было. В колхозе началась косовица хлебов, людей не хватало, и нас на десять дней раньше запланированного срока привезли из летнего лагеря в Зеленое.

Каждое утро младшая группа уходила в поле собирать колоски, а мы отправлялись на колхозный ток. Одни подносили к веялке снопы, другие отгребали зерно, третьи его перелопачивали — работы хватало. Мы и обедали на току вместе с колхозниками. Но в два часа нас всех отпускали, и мы не спеша, как это положено рабочим людям, шагали к реке. Там мы купались, ловили раков, загорали... За хорошую работу колхоз обещал купить детдому несколько велосипедов. (Так хочется научиться кататься на взрослом двухколесном велосипеде!) Кроме того, каждый день на нашем столе были свежие яйца, молоко, овощи, фрукты... Вернемся из Мончака — как раз подоспеет время лущить подсолнухи, потом кукурузу...

...Управившись с Вовкиным одеялом, я положил скатку рядом со своим рюкзаком и вышел на крыльцо маленькой сельской школы-четырёхлетки. Отсюда до Мончака час хода. Все были в сборе. Лена раздавала легкий завтрак — по куску хлеба с маслом и по два помидора. Я получил свою порцию и присел рядом с Трехгубым.

— Пойдешь в разведку вместе с Вовкой, — сказал я ему.

— Узнайте, с какой стороны они нас ждут. Если вас заметят, особенно не прячьтесь, но убегайте по дороге в сторону райцентра. А мы вас будем ждать за школой, рядом с церковным садом.

— А где это?

— Вовка знает. Ты только не разрешай ему близко подходить к детдому.

— Можно и я пойду с ними? — попросился Федька.

— И я хочу хоть раз сходить в разведку, — сказала Лена.

— И я! — вдруг воскликнула комиссар отряда Таня Сеницына, староста младшей группы.

— И я, и я!..

Все галдели, в каждом проснулся разведчик. Я не знал что делать.

— Отставить! — раздалась команда Надежды Павловны.

Стало тихо. — Поели и молодцы. А теперь вынести из помещения рюкзаки и скатки, дежурным подмести пол. И побыстрей!..

Вот у кого организаторские способности! Если бы мы шли без Надежды Павловны — отряд уже давно бы развалился.

— Борис, ты рапорт выучил? — спросила она меня.

— Да.

— Давай отрепетируем в последний раз.

Я отсалютовал ей пионерским приветствием и скороговоркой отрапортовал:

— Товарищ председатель совета дружины! Докладывает командир отряда Борис Алешин. Эстафета доставлена точно в срок! — Я скопил глаза на левую кисть руки — на воображаемые часы, и стал перечислять основные пункты нашего маршрута. В конце четко оттарабанил: — О работе нашей пионерской дружины имени Щорса, а также о самых важных событиях похода в книгу эстафеты вписан наш рапорт.

Стоящая рядом со мной Таня Сеницына сделала шаг вперед и протянула пустые ладони воспитательнице. Ей, как комиссару, предстоит вручить книгу эстафеты, а я после этого должен сказать:

— Рапорт сдан!

— Рапорт принят! — улыбнулась Надежда Павловна.

Мы быстро построились и направились в сторону Мончака, далеко вперед умчались разведчики Трехгубый и

Вовка. Добежав до окраины, они свернули налево, на дорогу, ведущую от райцентра.

Я повернул отряд направо.

Вот и Мончак!.. Наш поход завершился, и мне стало грустно.

...Мы проходили в день по десять-пятнадцать километров, останавливались в пустующих школах, встречались с местными пионерами. Они рассказывали нам о своих родных местах, водили в поле, на фермы, знакомили с передовыми людьми и партизанами. Мы выступали перед колхозниками с небольшим концертом, а потом еще сидели у костра и мечтали... В такие минуты я вспоминал иногда Киевский детприемник и наши голодные вечера. Сейчас о куске хлеба мы вообще не думали. Теперь мы мечтали о будущем...

А утром, провожаемые далеко за околицу, мы уходили в степь. Солнце испытывало нас: не сходило с неба с утра и до позднего вечера. Горячий ветер ворошил в лесополосах листья, собирал над полями миражи, из которых выплывали иногда таинственные всадники. Они все ближе и ближе, вокруг них клубится пыль, а мы в это время теснимся друг к другу — страшно!.. А когда всадники исчезнут, кто-нибудь обязательно начинает придумывать жуткую историю. Я заметил: в походе все до единого становятся хорошими рассказчиками, и каких только удивительных историй я не услышал в эти дни!..

Сегодня солнце решило нас с утра не жарить. Оно укрылось за полоской облаков, выставив наружу лишь любопытствующий краешек.

Обойдя ставок, отряд свернул к монастырскому саду, прошел вдоль живой изгороди и остановился недалеко от двухэтажной школы. Часы Надежды Павловны показывали ровно половину девятого.

— Привал! — объявил я.

Все тут же освободились от рюкзаков и скаток. Девчонки сомкнулись вокруг зеркала, ребята затянули потуже ремни, поправили галстуки. Истомин снял со знамени чехол, аккуратно сложил его и засунул в рюкзак. Меня беспокоило отсутствие разведчиков. Наконец они вынырнули из-за угла. Оба тяжело дышали.

— Стоят через пятьдесят метров друг от друга и ждут нас со стороны райцентра, — доложил Степка.

— А мы появимся со стороны рынка, — засмеялся я.

Опыт у нас уже был. Когда нам передавали эстафету ребята из Прибрежненского детдома, мы еще с вечера знали, в каком селе они находятся, где будут ночевать. С данных разведки начинался дневник похода. Просматривая рапорт прибрежненцев, мы убедились, что, встречая гостей из Каменевки, они тоже в грязь лицом не ударили.

Надежда Павловна протянула мне часы. Я надел их на левую руку: до вручения эстафеты оставалось пятнадцать минут.

— Отряд, строиться!

— Боря, я тебя прошу, никакой самодеятельности, — предупредила меня воспитательница, вспомнив, очевидно, начало праздничного концерта в честь Дня Победы.

— Нет, что вы! — горячо заверил я ее и повел отряд вдоль школьного забора.

Мы вышли на центральную улицу возле рынка и повернули к детдому. Увидев знакомую решетку, через которую столько раз приходилось перелезть, я дал знак, барабанщик громко и четко начал отбивать на маленьком барабане маршевую дробь. Прохожие останавливались, а где-то впереди раздался испуганный крик:

— Идут!..

Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та-та... — отбивали палочки.

Не обращая внимания на бегущих к нам навстречу растерянных разведчиков, мы свернули к открытым воротам, возле которых стоял знакомый сторож с деревянной ногой. Еще несколько шагов, и я увидел спешно выстраивавшихся и линию

мончаковцев. Лысый стоял впереди, а рядом с ним — бывший наш староста красавчик Игорек. «Любимчик уже председатель совета дружины», — подумал я и направил отряд к ним.

— Борька! — раздался чей-то удивленный возглас.

— Вовка, смотри, белобрысый наш...

Мы выстроились напротив хозяев. Я подождал, когда у них в задних рядах закончится колгота, посмотрел на часы: было без двух минут девять.

— Отряд, смирно!

Все вздернули подбородки, выпятили грудь.

— Равнение на... — я чуть не прокричал «на Игоречка», но вовремя прикусил язык. — Равнение на воспитанников Мончакского образцово-показательного детского дома!

Стоявшая в конце строя воспитательница испуганно вздрогнула. Повернувшись к Игорю, я поднял в пионерском приветствии руку:

— Товарищ председатель совета дружины, докладывает командир отряда Борис Алешин. Эстафета доставлена точно в срок... — продолжая четко выговаривать заученные слова, я скосил глаза на Лысого. Он стоял с невозмутимым лицом. А Игорек слушал мой рапорт, часто дергал ресницами и бледнел, и краснел, тербил в левой руке какую-то бумажку и мечтал, наверное, чтобы я провалился сквозь землю.

Отрапортовав, я уступил место Тане Синицыной. Она протянула ему толстый альбом, на котором, золотыми буквами было вытиснено: «Эстафета». Игорек принял от нее эстафету, но, услышав мое оглушительное: «Рапорт сдан» — испуганно дернулся и уронил свою шпаргалку.

Лысый по-прежнему не обращал на нас внимания, словно вся эта церемония ему совершенно безразлична.

Игорь поднял свой листок, положил на альбом и впился в него глазами.

— Дорогие наши гости! Разрешите мне познакомить вас с историей нашего детского дома. Сразу же после освобождения Мончака от немецко-фашистских захватчиков...

Дочитав свою бумажку, Игорь исподлобья посмотрел на меня бледно-голубыми глазами — видно он думал, что я уже в колонии, — и неожиданно бухнул:

— Рапорт принят!

— Вольно! — крикнул я отряду.

Я снова повернулся к Игорю и вопросительно посмотрел на него: «Действуй, хозяин!»

Он открыл рот, потом закрыл и взглянул на директора.

— Ну что ж, — раздался его громкий уверенный голос, — разведка наша оплошала, а вы передали эстафету точно в срок. Теперь наши воспитанники понесут ее дальше, а вас я от имени всего нашего коллектива поздравляю с отлично выполненным заданием. — Лысый подошел ко мне и первым протянул руку: — Здравствуй, командир, — сказал он таким душевным тоном, словно мы делились последним куском хлеба. — Честное слово, не ожидал увидеть тебя в этой роли.

Хоть я и мечтал в глубине души о подобной сцене и даже отрепетировал роль невозмутимого и гордого изгнанника, но сейчас я расплылся в широченной улыбке и, чувствуя, что ни капельки не злюсь на него, а даже благодарен, вот только сам не пойму, за что, протянул ему руку.

— Здравствуйте, Валентин Никанорович.

— Ого, ты даже помнишь мое имя! — засмеялся он и провел по лысине. — А кличку помнишь?

Я опустил глаза. Кругом все засмеялись.

— Разрешите, я вас познакомлю с нашей воспитательницей.

— С удовольствием, — тут же ответил директор и первым поплыл к Надежде Павловне...

После торжественного завтрака все пошли купаться на ставок, а Вовка и я отправились на кладбище. Вместе с нами пошла Шура Северова. Я сразу узнал ее. За два года она вытянулась, почти сравнялась со мной ростом, но по-прежнему была застенчивой.

Когдаходишь на кладбище, тут же начинаешь ощущать тишину. Кажется, будто между могилами затаилось необычное эхо.

Крикни — и оно сразу подхватит твой голос. Разобьет его на мелкие осколки, и ты услышишь, как они рассыпаются... И замирают в самом дальнем углу. Ничего страшного, а все равно испытываешь такое чувство, словно стоишь в протекающей лодке.

— Вон ее могила, — шепотом сказала Шура и показала на ряд обложенных белыми кирпичами холмиков; над ними стояли дощатые пирамидки с красными звездочками.

Ирина Петровна лежала посредине. На жестяной табличке четко выведено:

*Старший сержант
Генич-Старовойтова И. П.
1924 — 1947
Умерла от ран.*

Над табличкой упрятанная в целлофан пожелтевшая фотокарточка. Воспитательница в военной форме, улыбается... Мы с Вовкой положили возле посаженной у ее ног серебристой маслины сорванные в чужом палисаднике цветы. А Шура разнесла свои георгины по всему краснозвездному ряду. Все, кто лежал здесь, умерли от ран.

Шура вернулась к нам и присела рядом со мной.

— Я к Ирине Петровне часто прихожу. Она была самой хорошей воспитательницей.

...Мы долго еще сидели молча и не решались уйти. И Вовка, и я не были уверены, что когда-нибудь нам представится возможность еще раз проведать могилу и положить на нее цветы...

В Мончаке нам больше делать было нечего. Я хотел домой, но вечером предстоял совместный концерт, а завтра утром прощальный завтрак. Все, кроме меня с Вовкой, чувствовали себя отлично. Перезнакомились, девчонки больше с девчонками, ребята с пацанами. Надежда Павловна получила откуда-то телеграмму, разволновалась, предупредила меня, чтобы я не выбрасывал никаких фокусов, и побегала на почту. Мы с Вовкой переходили от одной группы к другой, смотрели на сорев-

нующихся на турнике, постояли возле сектора для прыжков. Здесь к нам подошли ребята, с которыми мы когда-то были в одной группе. Мы разговорились, пошли воспоминания о том, как часто нас, провинившихся, ставили перед строем. Многих удивляло, что нас приняли в пионеры, что я командир отряда. Мы с Вовкой горячо отстаивали наш детдом. Постепенно вокруг нас собралось много ребят. Пришел даже хмурый Игорек. Наверное, он боялся, что мы начнем рассказывать, как он променял на яблоки свои трусы. Но мы решили ничего такого не говорить. Я только спросил, где прежняя пионервожатая. Мне ответили, что она уехала неизвестно куда.

— А помните, как мы долго разучивали с ней песню? — спросил я.

— Нас еще Лысый в кабинет вызывал и интересовался, почему мы такие невозможные, — сказал Вовка.

— Зато потом наша группа доказала ей, на что мы способны, — крикнул кто-то из ребят.

«Шел отряд по берегу, шел издалека» — удивил всех своим звонким голосом Вовка.

«Шел под красным знаменем командир полка», — подхватила Шура.

«Голова обвязана, кровь на рукаве», — пропели вслед за Шурой и Вовкой десятки голосов.

«След кровавый стелется по сырой траве. Эх, по сырой траве...»

Пели почти все. Вовка взобрался с ногами на гимнастического коня и стал дирижировать. У него получалось неплохо. Импровизированный хор слушался его, а когда песня закончилась, Шура подняла над головой руки и захлопала. Все сделали то же самое. И громче всех хлопал... Лысый.

— Молодцы, ребята, хорошо поете. — Он повернулся ко мне и шутливым тоном спросил: — Ну что, товарищ командир, не желаете ли со своим дружкой посетить мой кабинет?

— Пожалуйста, — вежливо сказал я, недоумевая, зачем мы ему понадобились.

В кабинете директора за два года ничего не изменилось. Тот же портрет Сталина на стене, возле окна тяжелый стол с двумя тумбами и два ряда коричневых с мягкими сиденьями стульев. На них по-прежнему было приятно сидеть, особенно сейчас, когда знаешь, что ты ни в чем не виноват. Директор устроился рядом с нами и сразу перешел к делу:

— Ну, только честно, как вы там живете?

— Хорошо! — дружно ответили мы.

— А учитесь?

— Тоже хорошо, — сказал я.

Вовка промолчал, и Лысый вопросительно посмотрел на него.

— Я на здоровые тройки, — признался Вовка. — Четверок у меня мало.

— Что так? — уважительным голосом спросил наш бывший директор. Вовкина честность ему понравилась.

— Трудно мне, Валентин Никанорович. Второй класс я не закончил, а учиться пошел сразу в третий. Меня чуть на второй год не оставили, но Рыжий и Борька все лето со мной арифметикой занимались. Зато в четвертом у меня ни одной двойки не было.

— Молодец! — похвалил его Лысый. — А чем вы там еще занимаетесь?

— Всем, — сказал я.

— Как это понять?

Я поймал удивленный взгляд Вовки и, может быть, с излишней горячностью стал рассказывать о наших делах, о пионерской работе, о художественной самодеятельности, куда не загоняют насильно, а каждый волен выбирать себе занятие по вкусу. Не забыл сказать и о столярной мастерской, где мы тоже кое-чему учимся, о нашей базе отдыха в лесу, о работе в колхозе. Вовка хоть и троечник, но на току он был ударник, поэтому его и включили в отряд, приврал я. И, конечно, ни в совет дружины, ни в детский совет мы плохих ребят не выбираем. Здесь я намекал на Игоречка. Директор понял меня. Он даже уко-

ризенно покачал головой. Но я разошелся, мне только сейчас стало ясно, почему утром я испытывал к нему непонятное для себя чувство благодарности. Да потому, что он переправил нас в детский дом, который и стал для нас родным домом.

Когда я кончил, директор некоторое время помолчал, затем неожиданно улыбнулся и спросил:

— Ну а как насчет садов? Мимо не проходите?

Мы промолчали. Лысый громко засмеялся, мне почудилось в его смехе торжество.

— А ведь после вашего отъезда ко мне больше никто не приходил жаловаться на поломанные деревья.

— А по-моему, на свете очень мало людей, которые в детстве не лазили бы по садам и огородам, — с достоинством произнес Вовка.

— И мы не так часто этим занимаемся, — сказал я. — Нам в колхозе дают за работу и овощи и фрукты, сколько влезет.

Говорить больше было не о чем. Директор задал нам пару вопросов о походе, мы коротко ответили и радостно вздохнули, когда он наконец отпустил нас. Мы вышли в коридор, и Вовка, оглянувшись на тяжелую коричневую дверь, тихо проговорил:

— Скорей бы наступило завтра, и домой.

— Скорей бы, — поддержал я.

...Позже мы узнали, что буквально через неделю после нашей встречи Лысый навсегда покинул свой кабинет, переместившись в кресло председателя той самой пуговичной артели, от которой мы получили когда-то прекрасно звучащий «Блютнер»...

Глава шестая

От села Зеленого до Мончака тридцать пять километров. Но если начертить на карте наш маршрут, можно подсчитать, что мы прошли в три раза больше. Поэтому, когда на следующее утро после торжественной линейки отряд разместился в грузовой машине, я почувствовал неожиданную усталость. Вдобавок ночью меня мучали какие-то фантастические сны, я часто просыпался и теперь, в дороге, надеялся подремать.

Куда там! Водитель гнал автомобиль как полоумный. Девчонки испуганно визжали и цеплялись за наши плечи, а мы крепко держались за борта машины и ругали шофера.

Истомин сильно постучал кулаком по кабине.

— В чем дело? — высунула голову Надежда Павловна.

— Скажите, чтобы ехал потише! — прокричал он. —

У нас все внутренности поотбивались.

Истомин сильно постучал кулаком по кабине.

Никто не мог понять, отчего такая спешка. Может, из-за телеграммы, которую получила вчера Надежда Павловна? Но что же тогда случилось? Умер кто-нибудь, или был пожар? Этим летом в Зеленом уже три дома сгорело... Все тревожно затихли.

Поднятая колесами пыль прятала лежавший за спиной горизонт, а когда машина притормаживала, чтобы разминуться со встречной, сероватое облако накрывало кузов и мы дружно чихали, стараясь при этом не открывать глаз. Когда мы прибыли наконец в Зеленое, радоваться этому событию ни у кого не было сил. Мы молча слезали возле наших ворот, вяло стряхивали с себя пыль, нехотя строились.

Нас встретили построенные на площадке детдомовцы. Возле флагштока стояла Эмма Яковлевна. Недалеко от дверей, ведущих в столовую, как всегда, расположился оркестр. Справа от музыкантов столпились все воспитатели, повариха, завхоз, тетя Христя и даже наш учитель Юрий Васильевич, который

редко заходил в детдом. В дверном проеме я увидел незнакомого мужчину в сером костюме.

— Ничего не понимаю, — пробурчал Вовка, — неужели ради нас этот парад? Смотри, Борька, даже тетя Паша свою кухню оставила. А я думал, что нас ждут жареные котлеты, знаешь, такие пухленькие, с корочкой. Ох, как я по ним соскучился!

Вовка поднял руку и помахал поварихе, она не сводила глаз со своего любимца.

— Тетя Паша — нет тебя краше, — заулыбался Вовка и снова поднял руку...

— Хватит Вовка, потерпи, видишь, вон в дверях начальство какое-то стоит.

Вовка не слушал меня. Он стоял, подняв вверх правую руку, и, даже когда Степка наступил ему на ногу, он не шелохнулся, словно тело его превратилось в камень. А потом... я увидел, как Вовка рванулся с места и полетел по прямой, по-прежнему держа над головой правую руку. Звякнула задетая Вовкой тарелка, глухо откликнулся перевернувшийся барабан, вовремя отпрянула в сторону тетя Паша, и лишь тогда разнесся по всему миру счастливейший крик:

— Па-а-па-а-а...!

Вовкин отец приехал к нам в детдом еще два дня назад. Он все время рвался в Мончак, но его все-таки уговорили подождать. Здесь наш дом. Представляю, какими бы все выглядели сиротами, случись эта встреча там. Первая в моей жизни, и не только в моей, встреча, когда извещение о без вести пропавшем оказалось ошибкой!

Дядя Петя — увеличенная копия Вовки — все время держался за сына. Даже возле флагштока, когда Эмма Яковлевна поздравляла их и желала счастья, они стояли, словно пришитые друг к другу. До меня, как и до всего нашего отряда, не сразу дошло, что эта торжественная линейка посвящена не только встрече, но и расставанию. Все уже с этим смирились, ребята горячо аплодировали, а мы с Рыжим молча стояли и во все гла-

за смотрели на дрожащего от счастья Вовку, завидовали, радовались и чуть не плакали...

— Мыться! — приказал Андрей Андреевич.

Мы поплелись к умывальникам, разделись до трусов, смыли с себя дорожную пыль, молча оделись. Вовка уединился с отцом в красном уголке.

— А теперь пойдёте обедать, — сказал воспитатель.

Я подошел к нему и спросил:

— Кто сообщил, соседи?

— И соседи, и военкомат телеграфировали ему на Курильские острова.

— Так далеко?

— Самый настоящий край света.

Я почувствовал, как по моей спине расползается мороз. Значит, в военкомате знали, что Вовкин отец жив и даже где он живет. А если о моем отце им ничего неизвестно, значит... Я боялся даже мысленно произнести слово, которое не оставляет никакой надежды.

...Столы сдвинули в один ряд. Вкусно пахло нашей домашней пищей. Вовка с отцом сели на место для именинников. Дядя Петя к еде не притронулся. Он смотрел то на Вовку, то на нас, и в его крупных глазах перемешивались радость и жалость.

— Кушайте, дети, ешьте на здоровье, — сказал он. — Детдом у вас хороший, мы с Вовочкой вашу еду еще вспоминать будем.

Всё, кроме Вовки, с энтузиазмом принявшегося за котлету с поджаристой корочкой, нехотя ковырялись в тарелке. Первым не выдержал Истомин: он молча отодвинул от себя еду, поднялся и выбежал из столовой. Тут же заплакала Лена. У меня тоже, как я ни держался, потекли слезы. Рядом всхлипнул Степка, шумно засопел Рыжий. Но громче всех неожиданно заревел Вовка.

— Борька... Рыжий... Степа... Адмирал... Эмма Яковлевна... Андрей Андреевич... тетя Паша... Надежда Павловна... тетя Христя... пацаны... девчонки... — Вовка четко произносил слова, а слезы ручьем текли у него из глаз и падали в тарелку с недоеденной котлетой...

Поезд на Москву проходил через Мончак вечером. Дядя Петя спешил. Из Москвы им предстоял длинный путь во Владивосток, а оттуда паромом на край света.

Машина, которая привезла нас домой, стояла за воротами и ждала своих пассажиров. Построения больше не было, но весь детдом собрался проводить отца и сына. Вовка метался от одного к другому, всех обнимал. Рыжему, мне и Степе он отдал все свои «сокровища», попросив передать перочинный ножик спрятавшемуся где-то Истомину. Но когда наступила очередь прощаться с Эммой Яковлевной и воспитателями, он не выдержал и снова громко заплакал.

Эмма Яковлевна наклонилась над ним. Вовка зажмурился, положил на ее широкие плечи тонкие загорелые руки и ткнулся губами в щеку. Она поцеловала его раз, второй, третий...

— Будь всегда добрым.

— Честным!.. — пожелала Надежда Павловна.

— Учись всегда и везде, — напутствовал учитель.

— Смелым! — сказал Андрей Андреевич.

— Счастливым, — перекрестила его тетя Паша.

— Не забывай нас, — заплакала тетя Христя.

Дядя Петя тоже расцеловался со всеми взрослыми, потом низко всем поклонился:

— Спасибо вам, дорогие мои люди, большое спасибо!

Как мое сердце ни болело, но оно всегда чувствовало, что сыночек мой среди добрых людей. Мы вас всю нашу жизнь будем помнить, обещаем вам это...

Он еще раз низко поклонился, потом повернулся к машине и открыл дверцу кабины.

Рыжий поднял трубу, Она ярко вспыхнула под солнцем, на которое надвигались грозные тучи.

«Пора в путь-дорогу», — пропела труба.

«Дорогу дальнюю, дальнюю...» — запели взрослые и дети.

Андрей Андреевич поднял Вовку и поставил его в кузов. Потом сказал мне:

— Прокатись за село! — И я тоже очутился наверху.

Машина вздрогнула, мы с Вовкой ухватились за борт и, проводимые песней, поехали... Возле моста шофер притормозил, мы услышали прощальный голос трубы.

— Все! — воскликнул Вовка. — Теперь я всегда буду жить с папой. Ой, Борька, как хорошо, что ты вспомнил про улицу Жуковского! Мне Андрей Андреевич все успел рассказать. А папа меня все время разыскивал. Узнал даже про калининский детдом, а потом я снова потерялся. Зато теперь...

Машина резко затормозила, и я понял, что дальше Вовка поедет один. Со стороны Искорки заурчал гром. Темно-серые тучи, словно ленивое стадо баранов, медленно колыхнулись в нашу сторону. Брызнула на дороге сброшенная с деревьев пригоршня желтеющих листьев. Ветер подхватил их и погнал на стоящую посреди дороги машину.

— Вылезайте, гвардейцы!

Мы молча спрыгнули на сухую землю.

— Такие дела, ребята: пора прощаться. Ты нас, Борис, не забывай, пиши нам, хорошо? — сказал дядя Петя.

Я кивнул.

— А это тебе от нас обоих на память. — На его широкой мозолистой ладони лежал настоящий фонарик.

— Ух ты! — воскликнул ошеломленный Вовка.

Я боялся прикоснуться к такому драгоценному подарку.

— Бери, — сказал Вовкин отец, — работает.

— Спасибо.

— И тебе спасибо.

Он наклонился, крепко поцеловал меня пахнущими табаком губами и быстро залез в кабину.

Вовка быстро-быстро захлопал ресницами. Я вспомнил, как три года назад, когда мы вместе ехали в Москву, он хвастался, что ресницы у него длиннее, чем у девчонок...

— Прощай, Борька, может, больше не увидимся.

Снова, уже совсем близко, заурчал гром. Я почувствовал, что больше не выдержу и разревусь. Я быстро обнял своего счаст-

ливого друга, неловко чмокнул его в лоб. Он сразу же отступил от меня, бросился к кабине, отец открыл ему дверь...

— Прощай, Вовка, прощай!..

Машина уходила все дальше и дальше, быстро превращаясь в спичечный коробок, а я стоял посреди дороги, размахивал руками и кричал и плакал... А потом перед темнеющей завесой набирающего силу дождя осталась пустынная дорога.

Возле моих ног обреченно лежали сорванные ветром кленовые листья. Я судорожно вздохнул, вытер слезы, наклонился и поднял желто-зеленый лист. Все громче и громче шумел приближающийся ливень. Я повернулся к нему спиной и побежал назад. Но ленивое стадо барашков неожиданно превратилось в грозное войско. Оно бросилось вперед с невообразимым грохотом и воем, словно на мне вина всех бед человеческих. Через несколько секунд я понял, что торопиться больше не надо: в моих походных башмаках хлюпала вода. Прижимая к животу завернутый в лист фонарик, я шел, согнувшись в три погибели. Надо мной сверкала молния, гремел гром — меня это не трогало. Даже если бы я сейчас провалился в колодезь, я бы, наверное, никого не позвал на помощь...

— Боря, Борис! — донесся до меня приглушенный дождем крик.

Я оглянулся. Сколько раз я мечтал в походе: вернусь и сразу побегу к Марии Александровне, а теперь, проходя мимо ее дома, я почему-то даже не вспомнил о ней.

— Ко мне, Боренька, ко мне! — радостно закричала она и закрыла окно.

На веранде она встретила меня с большим, как простыня, мохнатым полотенцем.

— Ой, где это тебя так угораздило?

— У Вовки отец нашелся, я провожал их за село.

Она молча раздела меня, докрасна растерла кожу, отвела в комнату, усадила на диван, закутала в толстое клетчатое одеяло и вышла на веранду готовить чай. А меня, словно больного, всего трясло, и зубы, как я ни старался их сжимать, время

от времени оттарабанивали дробь. Что же это со мной такое? Раньше я не раз попадал под дождь, на мне все высыхало, и я не чувствовал никакого озноба...

Мария Александровна быстро постелила на стол скатерть, достала из буфета тонкие чашки, блюдечки, кулечек с моими любимыми подушечками, принесла закипевший чайник. Поставив его на круглую чугунную подставку, она придвинула к дивану стол, стул и, разлив чай, подошла к зеркалу, зачем-то провела пальцами по тонким бровям и лишь потом села на свое обычное место, как раз напротив меня,

Чай пили молча. После нескольких глотков меня отпустило: я перестал дрожать, и только по спине время от времени пробежали колкие мурашки. А у Марии Александровны почему-то дрожали руки. Она не столько пила, сколько внимательно разглядывала разрисованную бледно-розовыми лепестками чашку.

— Борис, мне надо с тобой серьезно поговорить, — вдруг сказала она каким-то хриплым голосом.

Я с тревогой посмотрел на нее и отодвинул от себя пустую чашку. Мария Александровна резко поднялась, вышла в другую комнату и тут же вернулась, неся в руках обыкновенную канцелярскую папку. Сев на диван рядом со мной, она развязала тесемки и достала большую фотографию смеющейся девочки. Я изумлением уставился на нее: девочка была почти моей копией. И нос такой же курносый, и лоб, и глаза — вот только щеки гораздо пухлей, а на макушке сногшибательный бант.

— Кто это?

— Анжела, моя дочь.

— Она на вас совсем не похожа.

— Вся в деда... Анжела умерла девятого мая сорок второго года, — ровным голосом проговорила Мария Александровна. Она поднялась и быстро заходила по комнате.

— Прямое попадание — и никого: ни матери, ни отца, ни ее.

Она спрятала фотографию в папку, потом подошла к окну, открыла его, шумно втянула в себя пропитанный степными травами воздух. Дождь уже затихал. Освобождающееся из-за

туч солнце клонилось к горизонту, высвечивая розовым огнем умытую землю. Мария Александровна повернулась ко мне:

— Через два дня, Боря, я возвращаюсь в Ленинград и... хочу, чтобы ты поехал со мной, — с трудом выговорила она и уже спокойно добавила: — я хочу тебя усыновить.

Я почувствовал, что она перестала дышать. А у меня закружилась голова... Кажется, несколько секунд я был без памяти, а когда очнулся, она по-прежнему стояла возле окна, и розовое солнце светило ей в затылок.

— Ты так похож на мою дочь, — сказала она, — и я тебя очень люблю.

У меня снова закружилась голова: у меня будет мама! Живая, добрая, ласковая, самая красивая на свете мама, моя мама! И она научит меня играть на пианино, я выучусь и стану музыкантом! Я приведу ее в огромный зал, усажу на самое видное место и во всеулышание объявлю, что концерт я посвящаю своей маме. И тысячи людей будут аплодировать ей...

Я заплакал от счастья. Мария Александровна подошла ко мне, крепко прижала к своей груди и заплакала тоже...

Глава седьмая

...Машина уходила все дальше и дальше, превращаясь в спичечный коробок... Вот она подъехала прямо к поезду. Из вагона выбежал в расстегнутой шинели мой отец, рванул на себя дверцу кабины, но, увидев меня на руках Марии Александровны, резко повернулся и торопливо зашагал вдоль вагонов. «Папа, папочка!» Я бросился вслед за ним. Стоявший впереди паровоз гудком заглушил мой крик. «Папа-а-а!» Я споткнулся, упал, приподнялся на руках и, совсем рядом увидел улыбающегося отца. «Вот мы, сына, наконец, встретились...» В этот момент кто-то схватил меня за плечи и с такой силой затряс, что я тут же проснулся.

— Борька, чего ты так орешь? — шептал надо мной Федька Истомин. — Тебе что-нибудь страшное приснилось, да?

— Ты зачем меня, гад, разбудил? — грозным шепотом спросил я.

Он испуганно метнулся к своей кровати, я хотел запустить в него подушкой, но передумал, укрылся с головой и закрыл глаза, надеясь, что сейчас усну и снова встречу с отцом. Раньше он мне представлялся высоким, с мужественным лицом, на щеке шрам, а на широкой груди, рядом с орденами и медалями, должен висеть большой бинокль. Сейчас, впервые в жизни увидев его во сне, я понял, что он такой же, как и тысячи других. Невысокий, с грустными глазами, русые волосы коротко подстрижены, а на выцветшей гимнастерке — гвардейский значок и одна медаль.

Сон не приходил. Я открыл глаза и почувствовал непонятное беспокойство. Тревога усиливалась с каждой секундой. Из глубины памяти выплыло плачущее лицо тети Тани. «Сажай обмазывалась, чтобы никакой Ганс не засматривался... Может, отец твой найдется...»

Елки-палки! Почему я не догадался написать письмо людям, в квартире которых мы тогда жили? Улица Ново-Садовая, тридцать три. Я этот адрес всегда хорошо помнил. Может, мой отец давно ищет меня, ну, конечно, ищет, ведь он жив — во-

енкомат ничего о нем не сообщал, да и сейчас молчит. А папа должен был обязательно прийти по старому адресу и на всякий случай предупредить всех соседей. Он и у Нины Гавриловны, маминой подруги, побывал. Как же называется тот переулок, где она живет?.. Я мысленно очутился на симферопольском вокзале, сел на трамвай, проехал почти через весь город до Нижне-Госпитальной, пошел вверх в сторону Петровской Балки, завернул в узенький переулок и открыл калитку... Как я ни напрягал память, но вспомнить ничего не мог. «Завтра обязательно отправлю письмо на Ново-Садовую».

Завтра!

Я резко поднялся и чуть не закричал от ужаса! Завтра мы должны ехать с Марией Александровной и Эммой Яковлевной в райцентр: оформлять документы на усыновление. А послезавтра — в Ленинград. И фамилия моя будет уже не Алешин, а Щербаков. Разве отец сможет меня найти?

В полной растерянности я опустил голову на подушку, потом сел и зажмурился. Перед глазами стояло счастливое лицо моей новой мамы. Разве я теперь смогу сказать ей «нет», если вчера говорил «да»?

— Мама, — прошептал я. — Мамочка.

У меня дрожали руки, и я снова чуть не завыл во весь голос: «Что мне делать, что делать?..»

Больше лежать я не мог. Одеваясь, кажется, из ребят никого не разбудил. Тетю Христю и подавно: сон у нее всегда крепкий.

На дворе было темно. Высокие кривые груши, словно замершие оборотни, с изумлением встретили мое появление. С колотящимся от неожиданного испуга сердцем я пробежал мимо них к реке. Она была черна и молчалива.

И только высокие тополя приветствовали меня радостным шелестом.

«А если мой отец погиб?»

Речка укоризненно промолчала, даже из-под моста не доносилось ни звука. За спиной еле сдерживали гнев кривые груши. Спрятались за облаками звезды и месяц. Ветер тоже обходил

меня стороной. А тополя наклоняли свои верхушки друг к другу и о чем-то задумчиво совещались.

«Нет, он жив! Может, он в госпитале долго лежал, а теперь вместе с тетей Таней разыскивает меня, как дядя Петя своего Вовку...»

Стать бы на минутку кудесником, заглянуть в волшебное зеркало: «Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи...»

«Почему я вчера забыл про вас, папа и тетя Таня, почему?» В этот момент я стал продумывать маршрут до Симферополя: «Поездом до Винницы, оттуда на проходящий в Крым. Главное, не ошибиться и не попасть в руки милиции».

Теперь надо предупредить кого-нибудь, чтоб не думали, будто я убегаю просто так. Но кого?.. Кандидатура Рыжего тут же отпала. Он начнет меня уговаривать, убеждать, а потом наступит утро — бежать будет поздно. Значит, Федька? Да, он. Он боится темноты и не решится идти ночью к Эмме Яковлевне. Правда, он может разбудить тетю Христю, — ничего, скажу ему пару грозных слов.

С этой минуты все мои сомнения рассеялись. Я не имел никакого права менять своего родного отца даже на самую лучшую в мире неродную маму. А он жив! Я это чувствую! Вовкин отец считался без вести пропавшим и то нашелся...

Я швырнул в речку камешек и быстро зашагал в сторону дома. Обойдя его с другой стороны, я подошел к кустам шиповника, нагнулся и почти прополз к стене. Здесь, в куче битых кирпичей, лежал спрятанный металлический ящик из-под патронов.

Я забрал свой фонарик, перочинный ножичек, флягу и все наши общие деньги: четыре рубля семьдесят копеек. Теперь оставалось предупредить Истомина.

Тетя Христя по-прежнему видела сладкие сны. Все ребята тоже. Я подошел к Федьке и осторожно придавил двумя пальцами его ноздри. Он тут же проснулся, приподнялся и испуганно уставился на меня круглыми глазами.

— Это я, Борька.

Он облегченно вздохнул.

— Ты чего оделся?

— Послушай, математик, я ухожу, — прошептал я ему в самое ухо. — Понял?

— Понял, — ответил он.

— Завтра, когда начнут меня искать, скажешь, что я поехал к своему отцу, понял?

— Понял, — снова сказал он.

— И чтобы до подъема никому ни слова, — сказал я угрожающим тоном. — Понял?

— Понял, — пробормотал он и повалился на подушку.

Я растерянно уставился на него, пожал плечами, вышел и осторожно закрыл за собой дверь.

Федька догнал меня, когда я был уже за калиткой,

— Борька, слышишь, ты что, правда срываешься?

— А ты что, спал? — рассердился я.

— Ну да, — признался он. — Думал, приснилось, а потом открыл глаза, смотрю — твоя постель пустая.

— Подложи под одеяло подушку, — попросил я, — вдруг тетя Христя надумает делать обход.

— Борька, послушай, Борька, зачем ты убегаешь? Стоит мне завтра сказать, что я все знал, ребята мне голову оторвут, вот увидишь.

— Не бойся, они должны понять.

— А если все-таки оторвут? Я боюсь, честное слово!..

— Смотри, Федька, — покрутил я перед его носом кулаком, если раньше времени проболтаешься и меня поймают, я тогда сам тебе башку сверну.

— Что мне делать?

— Скажешь, что я пригрозил тебе. Ну и передай, пусть пацаны на меня не обижаются.

Я повернул к дому Марии Александровны. Мне надо было постоять возле ее окон и молча попросить прощения.

— Борька! — продолжал звать Истомин.

Но я шел вперед и не оглядывался.

Я рассчитал очень верно: утром, узнав о моем побеге, в первую очередь начнут искать на дороге, ведущей в Мончак через Никольское. Это самый легкий путь: из райцентра всегда можно уехать на попутной машине. Я же пошел в сторону Искорки. Вряд ли кто-нибудь догадается, что я решусь ночью идти через лес.

Было страшно. Ветер за селом кружил вокруг меня, словно змей-Горыныч. Он дул то слева, то справа, затем отвлекался или прятался за деревьями, поджидал, когда я подойду поближе, и неожиданно бросался на меня. Перед рассветом он утомился, наверное, решил подремать в близлежащем овраге.

Странно, но меня не клонило в сон. А когда солнце взошло, забрызгав весь мир теплыми розовыми лучами, сил у меня прибавилось. Я шел, как учили в походе: если твой путь не близок — не надо торопиться, лучше идти равномерным шагом и глубоко дышать.

Обойдя стороной Искорку, я сделал привал. В село зайти не решился: меня там знают. Что бы ни придумал — вряд ли поверят.

День ожидался жаркий, чего мне совсем не было нужно. Летом после ливня всегда так: тучи похорохорятся, а потом растворяются в небе.

Я разделся до пояса — хорошо, что у нас не успели отобрать походную одежду — босиком, в одних трусах и майке далеко бы не ушел. Освежившись ледяной водой, наполнил флягу, плотно завинтил горлышко и прежним выработанным шагом двинулся в путь. Вот и последние деревья позади! Передо мной до самого горизонта выжженная степь, через которую Вовку, Рыжего и меня везли два года назад на полуторке. Это единственный путь, где Андрей Андреевич не догадается меня искать. Он наверняка уже носится по дорогам, а потом отправится на станцию. Но я постараюсь пробраться к вагонам ночью, и то лишь когда поезд тронется...

...После полудня, где-то ближе к вечеру, когда солнце обошло небо и теперь лежало на другом краю, я, весь потный,

обессиленный, с майкой на голове и последним глотком теплой воды во фляге, вышел к знакомой дороге и свалился в тень лесополосы... Есть я уже не хотел. Пить и спать, спать и пить — эти слова застряли в моем мозгу, и больше я ни о чем не мог думать. Я отвинтил пробку, сделал малюсенький глоточек, потом еще один... Наблюдавшая за мной пичужка сочувственно пискнула. Я улыбнулся ей, подложил под голову кулак и тут же уснул...

Разбудил меня встревоженный гомон птиц. Они о чем-то взволнованно переговаривались над моей головой, Я поднялся, птицы тут же с испуганным криком разлетелись и дружно затихли в своих гнездах. Вечерело. Я вышел на пустынную дорогу и направился в Мончак. Сегодня я должен обязательно добраться до станции и уехать в любую сторону, иначе Андрей Андреевич меня поймает.

Как назло, в нужном для меня направлении прошла лишь одна легковушка. На всякий случай я спрятался от нее в кювете. Затем проехало на Никольское два грузовика, потом еще один. Дорога снова стала пустынной. В густеющих сумерках суживался горизонт. Очень хотелось пить, есть и почему-то снова спать. Сорвав с дички несколько груш, я перебил ими голодную тошноту. Неожиданный топот копыт за спиной удивил, обрадовал и испугал. Я оглянулся: в легкой двуколке сидела женщина.

— Эй, хлопчик, куда путь держишь?

— На станцию, — ответил я, глядя на рассерженную морду остановленного жеребца.

— Ой, да го! — воскликнула она.

Я засмеялся и в свою очередь спросил:

— А вы куда едете?

— Да туда же, куда и ты, — дочку с поезда встречать.

Ну чего стоишь, сидай; и мне веселей, и тебе сподручней.

— Спасибо, тетечка!

— Да чего там спасибо, в дороге одной невесело. Едешь да едешь, разве с этой лошадиной словом перекинешься? Эй, ты, жеребчина: чего столбом стоишь и фырчишь, как паровоз?

А ну, гей!.. Вот так, душа твоя нечеловечья, стучи копытами, доченьку мою золотую встречать едем!

Ой, да го! Какого я тебе жениха высмотрела! Сокол ясный, брови полумесяцем, а в глазах одна тебе доброта... Сирота, правда, из детдома его привезли, зато не будет у моей Настеньки ни свекрухи, ни свекра. А то, что молодые, то ничего: раньше детки будут — легче в старости жить. Жалко, бог послал нам всего одну тебя, доченька. Вырастили красавицу, не избаловали, а когда музыкальное свое училище закончит — все равно в родной колхоз вернется. Баянистка! «Амурские волны» играет, «Танец маленьких лебедей»... А вот как мы нынче будем домой возвращаться? Батьке бы поехать, да осколок снова колено задергал. Ой вы горести мои, горести!.. Какой парень до войны был! На гармошке как заиграет да запоет — соловьи от завистидохнут... А пришел с войны — спасибо тебе, святая богородица, что живой, — молчун молчуном. И что же он там, бедненький, увидел? У других мужья, как мужья: и выпьют и повеселятся, а мой сердешный, будто ему не ногу поранило, а язык оторвало. Как возвратился, сразу же за топор да за рубанок — сохранила весь его плотницкий инструмент — и каждый божий день вдовам солдатским все что надо, то и делает. А они ему и яиц и сала, а то и денег — не берет, окаянный! Да и то верно, нечего бога гневить, живем не хуже других, а от лишнего жиру только бесятся. Слава те, господи, что Костю этого, детдомовца, к нам поселили. Дура я, не хотела к себе в дом чужого пускать, а мой благоверный, кажись, впервые на меня как цыкнет, я чуть ему за это чугунок на голову не вылила. Это на меня да цыкать? Да такой еще на земле не уродился!.. Так вот, поселили к нам этого хлопчика, а что имя у него, что фамилия и отчество, все от Константина. Девки сразу прозвали его Ко-ко-ко, ну и шустрые такие да разэтакие! И вот тут мой муженек и язык развязал. Что ни день, то слово, то два... Забрал к себе в звено этого Костю, учит плотницкому делу. А тот ходит за ним, как тень. Только и слышу, что дядя Сережа да дядя Сережа... Уважительный, ничего не скажешь. Знать не зря их воспитателям деньги платят.

А я грешным делом думала, босяк какой-нибудь. Век живи, век учишься...

Ох, и женщина говорливая попалась! Но зато так приятно было услышать про нашего Костю!

Неприятные минуты пришлось пережить в Мончаке. Женщина остановила двуколку напротив детдома, откуда вчера я выехал на машине — только вчера, а кажется прошло уже много дней! К счастью, близилось время отбоя, в окнах горел свет, мелькали тени. Моя хозяйка достала из-под сиденья торбу с овсом, повесила ее на шею лошади, а другую торбу положила себе на колени. «Тоже надо подхарчиться», — сказала она и дала мне кусок хлеба с салом, зубок чеснока, помидорину. Взамен я рассказал ей, зачем еду на станцию: «Мама в больнице, а от бабушки телеграмма пришла — просит, чтобы кто-нибудь встретил».

— А чем твоя мамка больна?

— Аппендицитом, — ответил я.

— У меня он тоже был. Помню...

Разговора об аппендиците хватило до самой станции. Я, конечно, все время молчал и сидел как на иголках: после хлеба и сала живот, где кроме воды и терпкой дички до сих пор ничего не было, прямо-таки разрывало... Когда, наконец, появилось тускло освещенное здание вокзала, я не выдержал, крикнул «спасибо», соскочил на ходу и скрылся в темноте...

Глава восьмая

Солнце купалось в серебряном море, а белый, как царевна-лебедь, теплоход уплывал в сторону Крыма. Я стоял на берегу, размахивал руками и отчаянно ругался. Если бы капитан мог все это услышать, он бы повернул корабль обратно, чтобы изловить меня и надрать уши.

Капитан был, конечно, ни при чем. Вчера вечером я не смог пробраться на стоявшую у причала красавицу «Украину». Дежурный у трапа непонятно каким образом разглядел меня в толпе пассажиров. «Эй, заяц! — крикнул он, тыча в мою сторону пальцем. — Не мылься, бриться не будешь!» Все кругом рассмеялись, а стоявшая рядом добродушная с виду старушка — я надеялся пройти вместе с ней под маркой ее внука — обозвала меня разбойником и завела разговор о милиции.

Стиснув зубы, я с достоинством покинул это общество — взрослые бывают очень несправедливы! Стоящий возле выхода в порт милиционер внимательно посмотрел на меня, по ничего не сказал. Подумал, наверное, что я провожал назвавшую меня разбойником старушку. Хоть в этом мне повезло! В Одессе я уже двое суток, но меня еще никто не останавливал. Что значит ходить в рубашке, штанах и носить башмаки! Да и волосы у меня подросли: нас перед походом не стригли, а потом просто не успели.

Я поднялся по знаменитой Потемкинской лестнице, вышел на Приморский бульвар. Было уже темно, и внизу по всей территории порта сияли тысячи огней. «Украина», словно разукрашенная танцплощадка, была красивее всех кораблей. Она уходила в шесть утра. Времени оставалось много: ночью я обязательно попаду на корабль. В три и даже в четыре утра, когда все спят, дежурный вряд ли будет таким внимательным.

Насмотревшись на «Украину», я побродил по оживленному бульвару, провожая завистливыми глазами каждого моряка, а потом зашел в продовольственный магазин и купил на по-

следние копейки четвертинку свежего ржаного хлеба. Не успев очутиться на улице, я тут же впился зубами в черную корку. Голод мучил меня: я привык есть три раза в день, а летом еще и полдничать. А теперь за два дня съел всего лишь полбуханки хлеба, проглотил четыре порции мороженого и выпил три стакана газированной воды с сиропом. Шляпа! Истратил деньги на пустяки! Пришлось мне весь день ходить с пустым желудком. А чтобы попросить у кого-нибудь или украсть, то думать об этом было почему-то стыдно.

«Эй, хлопчик, ты с чего такой некормленный?» — услышал я. Передо мной стоял пожилой милиционер с желтоватыми от табака усами. Я постарался улыбнуться и удивленно спросил: «А что, дядя, разве на улице нельзя кушать хлеб?»

«Да нет, сынок, ешь на здоровье», — проговорил он смущенно.

«Бабушку на пароход провожал, — объяснил я. — Проголодался, а деньги истратил на мороженое».

«Будешь знать, как деньгами сорить», — засмеялся он и пошел своей дорогой.

«Хорошо, что врать не разучился», — с горечью подумал я и спрятал хлеб за пазуху.

Я снова сходил в порт. По трапу поднимались последние пассажиры. Глазастый дежурный разговаривал с милиционером. Да, не повезло мне с этой знаменитой Одессой. Попал я сюда быстро — товарняк, на который я залез в Мончаке, всю ночь мчался без остановки. А теперь приходится ждать. Морской порт — не вокзал, и чувствовал я себя неудобно.

Я вновь поднялся по широкой лестнице, пересек Приморский бульвар, прошел вдоль широкой Пушкинской до улицы Чичерина и вскочил на подножку трамвая. Он довез меня до парка имени Шевченко. Пройдя вдоль забора, я нашел место, где перелезали все кому не лень, и очутился среди высоких акаций. На открытой сцене зеленого театра, где я спал в прошлую ночь, выступала художественная самодеятельность джутовой фабрики. Концерт, гласило объявление, был бесплатный, только, чтобы никому не мозолить глаза, я остался снаружи.

Хорошо все-таки быть взрослым! Гуляй где хочешь и когда хочешь, никто тебе за это плохого слова не скажет. А здесь бродишь как неприкаянный, прячешься, еще и есть хочется. Я не выдержал, съел остаток хлеба и, шагая по боковым неосвещенным аллеям, вышел к морю. Темное, оно сердито шумело. Дул прохладный ветер. Застывшие возле берега парочки шептались о чем-то и с морем и с ветром, наверное, о том, как поскорей прогнать меня — одинокого, никому не нужного.

Я вернулся к зеленому театру. Там по-прежнему играли и пели. Тогда я пошел в сторону детского уголка. Здесь стояли крошечные кресла-качели, игрушечные домики, была огороженная площадка с песком. Днем я завистливо смотрел на веселящихся малышей, дедушки и бабушки которых чинно сидели на скамейке и не сводили глаз со своих внуков.

Я залез в деревянный домик, уселся, сжавшись в углу, закрыл глаза. Но сколько я ни зевал, заснуть в таком положении не мог. Привык к постели, а ведь раньше засыпал даже стоя.

Наконец из зеленого театра послышались длинные аплодисменты, затем голоса расходящихся людей. Я досчитал до ста, потом еще до пятидесяти, выбрался из домика и подошел к металлической ограде. Было тихо, на сцене темно. Я осторожно перелез на ту сторону, прокрался между скамеек к сцене, быстро вбежал по боковой лестнице за кулисы и замер. Рядом никакого подозрительного шума. Я осторожно отодвинул от стены несколько фанерных щитов, залез в образовавшийся треугольник, растянулся на деревянном полу и, прикрыв рубашкой голову, приказал себе проснуться в половине третьего, в крайнем случае — в три.

...Проснулся, как и положено, на правом боку. Здесь, между щитами, было темно, но я чувствовал, что уже утро и восходит солнце. Я выскочил на сцену, страшно испугав убиравшую внизу тетку. Она пришла в себя, когда я был уже за оградой, и закричала мне вслед пронзительным голосом. Но я уже мчался к морю, а когда оно открылось мне — умиротворенное поднимавшимся над водой солнцем, навстречу которому спешил ко-

рабль, — остановился и заплакал. А потом спустился к воде и стал ругаться, и снова реветь, и размахивать руками.

В то же время в голове созрел новый план: хочешь не хочешь, а придется добираться поездом. И не мешкать, а прямо сейчас — пусть только теплоход скроется из глаз — идти на вокзал, садиться на первый попавшийся товарняк, а в дороге разузнать, где, на какой именно станции нужна пересадка на Симферополь.

— Ё моё, кишки твои мотать, как он красиво травит! — раздался за моей спиной полувосхищенный полусуждающий голос.

Я обернулся. Невысокий пожилой мужчина с широким красным лицом и крошечным облупленным носом смотрел на меня сердитыми коричневыми глазами. На нем был белый китель, застегнутый золотыми пуговицами с якорями, белые брюки, белые туфли, а на голове серая соломенная шляпа.

— Кто это тебя так ругаться научил?

— Никто, — буркнул я.

— А что случилось?

— Ничего.

— Из дома убежал?

— Нет.

— Может, на корабль хотел попасть?

— Хотел, ну и что?

— Зачем?

«Ой, ну чего это он ко мне привязался?!» — подумал я и ответил, чтобы отвязаться:

— От меня троюродная бабушка убежала.

— Ха-ха-ха... Да ты, я вижу, хохмач!..

Он вынул из кармана платок, развернул его и стал вытирать неожиданно вспотевшее лицо. Я повернулся к морю: белый корабль превратился в парус. Снова чуть не заплакал, но постеснялся тяжело дышавшего за моей спиной человека.

— Так зачем тебе, мальчик, надо было на корабль? — спросил он.

— Мне в Симферополь нужно.

— Куда-куда?

— В Симферополь.

— Зачем?

— У меня там папа в госпитале лежит.

— А мама?

— Нет мамы. Я из детдома убежал, еле до Одессы добрался, думал, проберусь на корабль...

— В каком же госпитале твой отец?

— В военном, в каком же еще.

— Война давно уже закончилась, — неуверенным голосом сказал он.

Я пожал плечами. Честное слово, я сам верил тому, что говорил сейчас.

— Почему тебя не отправили из детдома?

— Не знаю, у нас если у кого родные находятся, они сами приезжают.

— И часто находятся?

Я покачал головой. Он снял с головы шляпу и подставил под лучи солнца свою большую голову с редкими седыми волосами.

— Что же мне с тобой делать?

Я замаялся, а потом все-таки решился и попросил:

— Дайте мне, пожалуйста, два рубля, я в столовой каши поем.

— Каши? — Он засмеялся хрипло, со свистом, потом закашлялся и чуть не задохнулся от этого кашля.. — Ух, ё моё, кишки твои мотать, рассыпаюсь, дьявол меня возьми! — с трудом выговорил он. — Тебя как зовут?

— Борис.

— Даже так. А по батюшке?

— Алексеевич.

— Ух ты, точно как меня, только наоборот. А фамилия? — Алешин.

— Гм, Алешин, Алешин... нет, такого не припомню.

— Каши, говоришь, Алексей Борисович, то бишь Борис Алексеевич? Ну, тогда пойдём.

— А вы меня в милицию не отведете?

— Нет, — кратко ответил он и надел шляпу. — Пошли.

Если бы я знал, что через час-полтора произойдет встреча, о которой я с болью буду вспоминать всю жизнь, я никогда не пошел бы с Алексеем Борисовичем, бывшим машинистом знаменитого в годы гражданской войны бронепоезда...

Я съел две порции пшенной каши, выпил два стакана сладкого чаю, хотел еще про запас, но Алексей Борисович не разрешил. «После», — пообещал он. А сам ничего не ел, пил только чай — даже удивительно, такой взрослый, а никакого аппетита.

Мы вышли из столовой, сели в троллейбус и вышли возле железнодорожного вокзала.

— Здесь у меня друзья работают, — кратко объяснил Алексей Борисович.

— А в порту у вас знакомых нет?

— Есть пара ребят, но если мы сейчас договоримся, ты будешь в своем Симферополе намного раньше.

— А поездом надо будет с пересадкой.

— Ну и что! Мой бывший кочегар — парень ушлый!

К отцу привезет как на блюдечке, если только не врешь.

— А зачем мне вас обманывать. Наш детдом самый лучший в стране. Если бы не папа, я бы никуда не убегал, честное пионерское!

— Все, сынок, верю. — Мы прошли через вестибюль вокзала и вышли через служебный ход на перрон. — Посиди возле газетного ларька, я скоро приду.

Он неожиданно быстро растворился в толпе, а я сел на скамейку и стал глазеть на людей. С чемоданами, мешками и сумками, они скучивались напротив вагонов, заранее готовясь к посадке. «Одесса — Москва», — прочитал я и заулыбался, вспомнив, как три года назад мы с Вовкой собрались ехать в Москву. Всего три года! А сколько я уже успел увидеть и с какими только не, сталкивался людьми! Разные попадались, а хороших все-таки больше. И не потому, что я такой везучий, нет! В детдоме все пацаны и девчонки не раз вспоминали со-

вершенно незнакомых людей, которые помогали им, ничего не требуя взамен...

Занятый своими мыслями, я рассеянно смотрел на привычную вокзальную толчею. Становилось жарко. Метрах в десяти от газетного киоска толстый мужчина бойко торговал газированной водой. Вокруг него кружили осы и, к моему удивлению, вовсе не собирались его кусать. «Что они, ручные?» — подумал я. — Нас в Зеленом они жалили куда попало».

— Сидишь? — Алексей Борисович тяжело дышал и все время вытирал платком влажный лоб. — Уф, кажется, наше дело выгорает. — Он достал из кармана рубль и протянул мне: — Выпей с сиропом, а потом на место.

Он пошел к зданию вокзала, а я побежал в конец очереди.

— Ох, ну и жарко! — раздался за моей спиной высокий женский голос. Мне почудилось, что я его уже где-то слышал.

— Мальчик, ты последний?

Я вздрогнул. Увидел краем глаза поставленный возле моих ног кожаный чемодан.

— Да, — ответил я и обернулся.

Передо мной стояла бледная от жары... тетя Таня. Ее ярко накрашенные губы изумленно раскрылись, большие синие глаза спрятались за черными ресницами, потом снова открылись, но это были уже другие глаза: холодные, хуже льда. Прежде чем я успел что-то сообразить, она схватила меня за руку и, взяв чемодан, чуть ли не бегом, потащила за газетный киоск.

— Ну, говори, — приказала она почему-то испуганным голосом.

— Что?...

— Как ты здесь очутился?

— Я из детдома убежал.

— Зачем?

У меня никогда не болело сердце, а сейчас я почувствовал, что в груди ему мало места и оно рвется к горлу.

— Я... к тебе... к вам... бежал, ты... ты моя тетя!

— Дурак! Что я могу? Я сама сирота. А в детдоме вас

кормят и одевают бесплатно. Смотри, какие на тебе брюки, рубашка, как у взрослого...

Она говорила, а сама испуганно смотрела по сторонам. А я прислушивался к отчаянно бьющемуся в горле сердцу, чувствовал, как по ногам забегали мурашки, и уверенный, что сейчас умру, собрал последние силы и крикнул:

— Я к папе хочу, он жив!

— Не ори, — шикнула она. — И с чего ты взял, что твой отец жив? Думаешь, я бы тебя отправила в детдом?...

Я прислонился к фанерному киоску.

— Не п-п-правда, он жив!

— Нет, Боренька, милый мальчик мой, нет. Не веришь — напиши в военкомат. И ответь мне, ради бога, где твой детдом, здесь, в Одессе?

— Нет, — прошептал я, — далеко.

— Далеко, — растерянно повторила она. — Что же делать, что?!

В это время диктор объявил по радио о посадке на поезд «Одесса — Москва». Тетя Таня поспешно открыла чемодан, достала черную лаковую сумочку и вытащила из нее пачку денег.

— Вот тебе! Ты уже взрослый, доберешься один. Бери, бери, здесь и на мороженое и на конфеты хватит. Только возвращайся в свой детдом, слышишь, не обмани меня, прошу, тебя, Боренька, поезжай, я... — Она неожиданно всхлинула, спрятала сумочку в чемодан. — Ой, мне волноваться опасно, у меня ребеночек будет. Боже, зачем я это говорю?! — Она снова всхлинула, обняла меня уже полумертвого. — Ты, я прошу тебя, не сердись, видишь, какая у нас с тобой жизнь неладная вышла. Станешь взрослым — поймешь...

— Поч-ч-чему ты не сказала м-м-мне тогда, в Симферополе, ч-ч-что мой папа убит?

— Ах, Борь, ну не надо, миленький. Ты же у меня был такой впечатлительный мальчик! Теперь тебе будет легче, ты жил среди сирот, закалился. Борь, ну открой глаза, ну! — она поцеловала меня своими накрашенными губами. — Прости меня,

я.. — Она еще раз поцеловала меня, схватила свой чемодан и скрылась.

Я оттолкнулся плечом от киоска и, еле держась на ногах, пошел к скамейке.

— Таня, тетя Таня!

Она спешила к вагону. Услышав мой голос, на секунду оглянулась. Пожилой военный с удивлением посмотрел на меня. А я только теперь понял: все эти три года я обманывал сам себя.

— Ё моё, кишки твои мотать, что с тобой, Борис?

— Она уезжает от меня.

— Кто?!

— Смотрите, смотрите! Она уедет сейчас! Смотрите!..

А Мария Александровна, она тоже уехала!.. А-а-а! — закричал я на весь вокзал.

Все повернулись ко мне, моя тетка тоже, но в это время на меня обрушился из репродуктора грозный голос. Он делался все громче, громче, громче... Я зажал уши руками и провалился в старый черный колодец...

Открыв глаза, я увидел Алексея Борисовича. Он стоял возле большого окна, вытирал помятым платком свое красное лицо, а я, оказываясь, лежал на твердой кушетке. Справа что-то звякнуло. Я скосил глаза: женщина в белом халате передвигала на столе стеклянные пузырьки.

— Ё моё, Борька, очухался?

— Не знаю, — ответил я.

Алексей Борисович присел возле меня и прикрыл своей влажной ладонью мои дрожащие пальцы.

— Не дрейфь, парень! Теперь все образуется.

— Я думал, папа мой жив. Я...

— Молчи, — перебил он меня. — Тебе нельзя разговаривать, а то меня отсюда выгонят.

Где-то скрипнула дверь.

— Можно? — послышался незнакомый голос.

— Сейчас, — ответила незнакомцу врач. Она подошла ко мне, — наклонилась, приподняла голову и влила в рот какую-то

горькую гадость. — Две минуты и ни секунды больше, — сказала она.

Алексей Борисович отошел к окну, а на его место сел пожилой военный с двумя звездами на погонах. «Подполковник», — определил я, так как очень хорошо разбирался в военных отличиях. Я, конечно, догадался: это муж тетки.

— Послушай, Борис, давай поедем с нами.

Он заглянул мне в глаза.

Я подумал о Марии Александровне: «Неужели она только потому хотела меня усыновить, что я похож на ее дочь?»

— Мне никогда не говорили о тебе, — признался подполковник.

— Правда? — удивился я.

— Честное слово, я даже не подозревал о твоём существовании. Если бы я только знал, — задумчиво проговорил он. — От прежней семьи у меня никого не осталось, но теперь у меня будет сын и будешь ты.

— Нет, не буду, — твердо сказал я. — Меня уже хотела усыновить Мария Александровна, очень хотела! Она любила меня, и я ее тоже. А потом подумал, что отец и она, — кивнул я в сторону двери, — не смогут меня найти. Но теперь...

— Борис, может, ты все-таки подумаешь, — неуверенным голосом заговорил Алексей Борисович. — В семье, сам понимаешь... — он запнулся, встретив мой взгляд.

— Я хочу к себе домой.

— Куда? — удивленно спросил подполковник.

— В свой детдом. А вы не сердитесь, никуда я с вами не поеду.

Он тяжело поднялся.

— Может, ты скажешь, где находится твой детдом?

Я тебе буду писать...

— Не надо, — сказал я, — ничего не надо.

Он ушел, тихо закрыв за собой дверь. Алексей Борисович сел на свое место, горько улынулся.

— Ё моё, — сказал я.

— Ничего, Борька, мы еще поживем, кишки твои мотать...
Врач наклонилась надо мной, положила прохладную руку на лоб:

— Сейчас придет машина, и ты поедешь в больницу.

А когда выздоровеешь, я посажу тебя на самый скорый поезд, и он домчит тебя до самого дома.

Я почувствовал, как застрявшее в горле сердце медленно возвращается на место, и облегченно вздохнул...

* * *

Через два дня приехал Андрей Андреевич. Его впустили в палату на пять минут. Он уверенно подошел к моей кровати, посмотрел на меня и привычно поправил на глазу черную повязку.

— Ну, Борис, будешь сто лет жить! Даже я, взрослый, прежде чем идти в одиночку через эту горячую степь, непременно подготавливался бы. А ты с одной флягой... А если бы тебя солнечный удар хватил?

— Я майкой голову обвязал.

— Правильно сделал. Тебе от всех большой привет.

— Вы на меня не сердитесь?

— Нет, — покачал он головой. — На твоём месте я бы поступил точно так.

В палату заглянула медсестра. Воспитатель тут же поднялся.

— Не волнуйся, Борис, самое страшное уже позади. Выздоровливай, я за тобой приеду.

— Мария Александровна уже уехала?

— Да, совсем забыл, — притворно спохватился он. —

Уехала, а для тебя адрес оставила, сейчас достану...

— Не надо, — сказал я.

Он с недоумением посмотрел на меня и расстегнул на рубашке пуговицу...

Странно, у меня ничего не болело, даже температура была нормальной, но мне каждый день делали уколы, а подняться с

постели разрешили только через пятнадцать дней. Я обрадованно вскочил и почувствовал головокружение и слабость в ногах. Медсестра вовремя подхватила меня:

— Осторожно надо, а ты прыгаешь, как козел.

Постепенно я научился ходить: сначала по палате, потом по коридору, а последнюю неделю провел в палисаднике с Алексеем Борисовичем. Он мне много рассказывал о гражданской войне, о себе, вспоминал все больше смешные случаи, как будто только из них и состоит жизнь. Но постепенно я узнал, что у старого машиниста двое сыновей, оба уже капитаны на военных кораблях. Один служит на Дальнем Востоке, другой — на севере. Но ни к тому, ни к другому он не хочет переезжать. «Жить и умирать лучше всего в Одессе... — говорил Алексей Борисович. — Ё моё, кишки твои мотать, если бы моя старуха была жива, мы бы тебя, Борька, ни в какой детдом не отпустили. После школы я бы устроил тебя учеником машиниста. Неловко как-то вышло: имею двух наследников, а по отцовской дороге ни один не пошел. Далось им это море...»

...Ровно через месяц меня выписали наконец из больницы. В честь радостного события Андрей Андреевич и Алексей Борисович купили мне по порции мороженого. Днем мы гуляли по Одессе, а вечером, провожая нас, старый машинист долго прощался со мной и просил, чтобы я обязательно писал ему хотя бы раз в месяц. Я посылал ему письма гораздо чаще. Он аккуратно отвечал, обещал приехать к нам в гости, но так и не приехал...

Зеленое мы увидели ранним утром.

— Ну а теперь иди домой, — просто сказал воспитатель. — За завтраком увидимся.

Андрей Андреевич повернул в сторону дома, где жила его семья, а я пошел к своему.

Первым, кого я встретил, был Федька Истомина. Он спозаранку тренировался: выжимал лом, который мы когда-то выпросили на колхозной кузнице.

— Здравствуй, Федька, — сказал я.

— Ой, Борька! Вернулся! Знаешь, Рыжий хотел меня тогда пришибить, а Лена чуть глаза не выцарапала.

— Правда?! — удивился и обрадовался я. — Надо было сказать им, что это я приказал тебе молчать.

— Надо, надо! Они слушать ничего не хотели. Но зато сейчас еще как послушают! — Он вприпрыжку побежал по траве, крича во все горло: — Пацаны, подъем, слышите, просыпайтесь, Борька домой вернулся!..

Первой выбежала тетя Христя.

— Боже ты мой, какой он худющий да бледный! — всплеснула она руками и заплакала.

Затем в дверях показались Рыжий, Трехгубый, ребята...

Я снова почувствовал свое сердце. Оно тяжело застучало в груди, медленно поползло к горлу, но тут же возвратилось на место. Незачем ему так волноваться — ведь я действительно вернулся домой...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексей Васильев. Крымский Мартин Иден . . .</i>	3
<i>Людмила Ширяева. «Писателем он был очень пытливым»</i>	5

НЕ ЗАБУДЬ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	20
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	31
Глава седьмая	37
Глава восьмая	47
Глава девятая	57

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая	61
Глава вторая	71
Глава третья	79
Глава четвертая	91
Глава пятая	99

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая	108
Глава вторая	119
Глава третья	130
Глава четвертая	143
Глава пятая	151
Глава шестая	162
Глава седьмая	170
Глава восьмая	178

Литературно-художественное издание

Адельшинов Равиль Галимович

НЕ ЗАБУДЬ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

*Составитель: Сафарова Л. Р.
Оригинал-макет: Мукомол Е. А.
Дизайн обложки: Пилинский А.В.*

*Картина на обложке :
«Юность, прозрачная вода» (1997)
Авторы:
Константин Мирошник,
Наталья Кургузова-Мирошник*

Подписано к печати 17.03.2020.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура MinionPro.
Усл. печ. л. 11,16. Тираж 300. Заказ №0102.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
В ГУП РК «Издательство и типография «Таврида»,
295051, РК, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44
E-mail: tavrída.gup@mail.ru